

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Л.Б. Кучмезова

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НАДДИАЛЕКТНЫХ ТИПОВ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

Нальчик · 2014

УДК – 811.512.142'282
ББК – 81.2Кара-67
К – 95

Печатается по решению Ученого совета
Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Научный редактор

доктор филологических наук профессор *М.З. Улаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор *М.Б. Кетенчиев*,
доктор филологических наук *Б.А. Мусуков*

Кучмезова Л.Б.

К 95 Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 135 с.

В монографии исследуются наддиалектные формы карачаево-балкарского языка с определением их места, структуры, границ и лексического состава.

В работе предпринята попытка системного изучения указанных форм. Комплексная таксономия и функционально-семантическая интерпретация наддиалектных форм дает возможность адекватно отразить их природу, что является новым для карачаево-балкарского языкознания.

Исследование рассчитано на широкий круг лингвистов.

UDK – 811.512.142'282
ББК – 81.2Кара-67
К – 95

Printed according to the decision of the Scientific Council
of the Institute of Humanitarian Researches of Kabardin-Balkar Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences

Scientific editor

Doctor of philological sciences, professor *M.Z. Ulakov*

Reviewers:

Doctor of philological sciences, professor *M.B. Ketenchiyev*,
Doctor of philological sciences *B.A. Musukov*

Kuchmезova L.B.

K 95 Formation and development of over-dialect types of Karachay-Balkar language. – Nalchik: Publishing department of KBIHR of KBSC of the Russian Academy of Sciences, 2014. – 135 p.

In the monograph over-dialect forms of Karachay-Balkar language are investigated with definition of their place, structure, borders and lexical structure.

In this work an attempt of systematic studying of the specified forms is made. The complex taxonomy and functional and semantic interpretation of the over-dialect forms gives the chance to reflect adequately their nature that is new to Karachay-Balkar linguistics.

Research is intended for a wide range of linguists.

ISBN 978–5–901497–77–7

© Кучмезова Л.Б., 2014
© КБИГИ РАН, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Начиная со второй половины XX-го столетия, в языкознании наблюдается устойчивый интерес к проблемам образования и функционирования различных наддиалектных форм языка, т.е. языка устных эпических произведений, городских и областных койне, письменно-литературных форм. Эти вопросы нашли должное отражение в научно-теоретических работах многих лингвистов на материале разносистемных языков: немецкого (М.М. Гухман 1955, 1976, 1983; Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко 1983; А.И. Домашнев 1983 и др.), русского (А.В. Десницкая 1968, 1970, 1984; А.П. Евгеньева 1963 и др.), адыгских (З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов 1979, 1981, 1985, 2001 и др.) и т.д.

Рассматриваемая проблема не обделена вниманием и тюркологами. Так, грамматическая вариантность в условиях наддиалектности на материале средневековых тюркских памятников рассмотрена Г.Ф. Благовой (1981), а наддиалектная природа языка караханидско-уйгурских письменных памятников – Э.Р. Тенишевым (1981). Были и попытки определения статуса наддиалектных форм, представленных в эпической устной традиции киргизов А.А. Бороновым (1985), казахов Е.А. Жубановым (1988).

На материале же карачаево-балкарского языка наддиалектные формы еще не подвергались специальному исследованию, хотя некоторые их аспекты освещены в работах Ш.Х. Акбаева (1999), Т.К. Алиевой (2006), Ж.М. Гузеева (1984), И.М. Отарова (1996), М.З. Улакова (2001, 2002, 2003), А.А. Чеченова (1996, 2001) и других лингвистов. Несмотря на это, все еще нерешенными остаются многие проблемы, связанные с определением места, структуры, границ и лексического состава наддиалектных форм исследуемого языка.

Между тем выявление и системное описание рассматриваемых форм, наличествующих в лексике и грамматике, имеет непревзойденное значение как для общего, так и для тюркского языкознания, поскольку это дает возможность проследить генезис языка, выявить и описать наиболее общие свойства конкретных тюркских языков, в нашем случае – карачаево-балкарского. Такой подход будет способствовать решению ряда вопросов, связанных с формированием и развитием карачаево-балкарского языка. При этом целесообразно опираться в первую очередь на устно-поэтическую речь, поскольку именно она во многом предопределила современное его состояние.

В специальной лингвистической литературе указывается на тот факт, что устно-поэтический язык представляет собой особую наддиалектную форму, влияющую в первую очередь на становление лексических норм языка (И.М. Тронский, М.М. Гухман, А.В. Десницкая, А.П. Евгеньева, Л.И. Баранникова и др.). Это имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарскому языку. При этом наиболее релевантными остаются следующие вопросы: а) является ли данный язык единственной обработанной наддиалектной литературной формой или он существует и с другим литературным языком, в каких преимущественно сферах действует литературный язык, распространяется ли его применение и на повседневно-бытовое общение; б) обладает ли литературный язык только устной формой, подобно языку эпической поэзии у бесписьменных народов, существует ли он только в письменной реализации или же, наконец, он обладает письменной и устной формой; в) имела ли у карачаево-балкарского языка длительная традиция или же является в рассматриваемую эпоху «молодым» письменным языком; г) какова структура общества, в котором функционирует данный литературный язык.

Ряд исследований указывает, что основы карачаево-балкарского литературного языка в своей устной форме сложились задолго до его письменной формы как язык устно-поэтического творчества. Передаваясь из поколения в поколение, устный язык в некоторой степени трансформировался, шлифовался, приобретал междиалектный, а затем наддиалектный характер. Лексика, используемая в узких кругах, становилась все более понятной широкому кругу носителей языка, в результате чего образовалась наддиалектная форма устно-поэтического языка, общепонятная и близкая носителям разных диалектов карачаевцев и балкарцев.

Как показывает собранный нами фактологический материал, наддиалектная лексика устно-поэтической речи характеризуется тематическим многообразием. Основу этого пласта лексики составляют этнографизмы, отражающие как материальную, так и духовную культуру этноса (названия богов и божеств, святынь, предметов быта, боевого снаряжения, явлений природы и т.п.). Многие слова являются топонимическими названиями, представленными только в устно-поэтической речи, в частности в карачаево-балкарском нартском эпосе.

Заслуживает особого внимания и древняя, обобщенная система личных имен в карачаево-балкарской эпической поэзии. Для эпической поэзии не характерно разграничение имен и фамилий. Представленная система имен героев древней эпической поэзии в некоторой мере сохраняется и в более поздних жанрах устно-поэтического творчества. Она представляет значительный интерес для истории и этнографии народа.

Безусловно, рассматривается роль наддиалектных форм в становлении лексических норм карачаево-балкарского языка: в устно-поэтической и обиходно-разговорной речи, диалектах. Тем самым выявляется функциональный потенциал наддиалектных образований в сближении региональных и диалектных расхождений на материале текстов нартского эпоса: историко-героических песен, сказок, сказаний, легенд, мифов. Систематизация всего многообразия их языковых выразительных средств является важным условием для выработки литературных норм карачаево-балкарского языка. Ведь, как известно, язык эпических произведений – язык наддиалектный, отличающийся от повседневно-бытовой речи устойчивостью форм, обработанностью, архаичностью лексики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями.

Как и в каждом первом опыте обращения к малоразработанной области науки, перед нами возникли трудности в процессе скрупулезного изучения и собирания фольклорных текстов, их отбора и изучения при отсутствии должной теоретико-методологической базы. В работе выделены языковые уровни: обработанный тип языка, представленный на материале эпических произведений, его образный вариант и художественные средства.

Как известно, карачаево-балкарский нартский эпос, непрерывно обогащаясь и развиваясь в процессе своего многовекового функционирования, послужил источником и питательной средой в формировании и дальнейшем развитии национальной художественной литературы. Поэтому осознание фольклора как устной формы поэтического творчества вовсе не означает, что прерываются его традиции в языке письменной литературы. Прошлое и настоящее – эти понятия тесно связанные, они зависимы друг от друга, неотрывны. Отмеченное также существенно для языка и имеет непосредственное отношение к функциональным стилям, к соотношению их устной и письменной форм реализации.

Наддиалектные формы карачаево-балкарской устной речи складывались в зависимости от конкретных исторических условий. Такого рода образования различаются по длительности и устойчивости, характеру функционирования, соотношению с другими типами и разновидностями языка, роли в формировании и развитии письменно-литературных форм языка. В его истории обнаруживаются различные наддиалектные формы – обобщенные формы устно-поэтического языка. Именно этот тип наддиалектных образований получил широкое распространение в тюркских языках в целом и сыграл большую роль в процессе формирования, складывания и дальнейшего развития карачаево-балкарского литературного языка.

Выбор темы данного научного изыскания мотивирован тем, что на современном этапе развития карачаево-балкарского языка лексическое богатство единого общенародного языка является необходимой предпосылкой в изучении и становлении национального языка. Монография написана на основе диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

О многом говорит также то, что в устно-поэтических произведениях в целом отсутствует территориальная ограниченность в плане функционирования языка, хотя имеет место ряд региональных и диалектных различий, которые проявляются на различных языковых уровнях. Совокупность функционально-стилистических особенностей, свойственная языку эпоса, составляет типологическую параллель языков и помогает исследованию функциональной структуры, определению роли наддиалектных форм языка в формировании литературного языка. Дальнейшее изучение языка нартского эпоса как наддиалектной формы может способствовать решению различных вопросов истории, лексикологии и словообразования карачаево-балкарского языка, определению моделей литературной нормы с учетом последних достижений в отечественной тюркологии.

Существует внушительное число базисных исследовательских трудов в области теории языка, а также в сфере общей и тюркской лексикологии. Написанию нашей работы в значительной степени способствовало изучение свода научных проблем и вопросов, которые содержатся в научно-теоретических исследованиях таких лингвистов, как В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, А.А. Юлдашев, М.И. Исаев, К.С. Горбачевич, В.Н. Ярцева, Э.Р. Тенишев, А.А. Боронов, Е.Х. Жубанов, М.М. Гухман, А.И. Домашнев, Н.Н. Семенюк, А.В. Десницкая, Ж.М. Гузеев, И.М. Отаров, Х.Х. Малкондуев, Т.К. Алиева, А.А. Чеченов, М.З. Улаков, З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов и др. Эти ученые добились конкретных и весомых результатов, позволивших нам получить ясное представление о сути предмета. Их исследования, касающиеся детальной разработки наддиалектных особенностей, способствуют многоаспектному пониманию общих закономерностей формирования и развития типов наддиалектных форм в становлении лексических норм карачаево-балкарского языка.

Особое внимание в указанных трудах уделено проблеме исследования таких типологических особенностей наддиалектных форм в становлении литературных норм лексики языка, как стандартность, наличие письменности, обработанность, отсутствие спонтанности речевого произведения, наддиалектность и полифункциональность на материале эпических произведений, которые определяют различительные признаки

литературного языка. Эти признаки наддиалектности возникают в результате взаимодействия диалектов. Их характер и состав меняются, отражая качественные преобразования общественных отношений.

Наддиалектность, как правило, возникает в результате вытеснения или просто «невключения» ряда региональных признаков в диалектную языковую систему. Наряду с этим наддиалектный языковой тип допускает и более или менее широкое включение других диалектных явлений, что приводит к объединению диалектных по происхождению черт в наддиалектной системе литературного языка. Даже там, где процессы диалектного смешения в литературно-письменном языке до известной степени опираются на идущие в том же направлении процессы, они присущи для сферы устного языка, носят обычно различный характер, имеют несколько вариантов и не всегда совпадают по набору взаимодействующих языковых явлений, а также по результатам подобного смешения.

Анализируя рассматриваемое явление, необходимо обратить внимание на богатство грамматических форм в языке фольклорных текстов, на многообразие их лексического состава. Так, например, встречается древняя форма множественного числа на **-лар** /-лер, которая широко употребляется в других тюркских языках. Однако эта форма не стала достоянием современного карачаево-балкарского литературного языка.

Значительным функциональным потенциалом в эпическом тексте отмечены различные лексические образные средства (метафора, аллегория, эпитет, сравнение и т.п.). Также встречается значительное количество пословиц и других устойчивых синтаксических конструкций, вбирающих в свой состав как диалектную, так и наддиалектную лексику.

В проявлениях языкового членения и варьирования с особенной ясностью раскрывается неоднородность и сложность состава каждого языка: любые реализации языка происходят в рамках определенной исторически сложившейся и дифференцированной системы форм его существования, статус которых зависит от характера общей языковой ситуации и потребностей тех или иных сфер общения.

В данной монографии предполагается выявить и систематизировать наддиалектные формы карачаево-балкарского языка; рассмотреть соотношение устно-поэтической речи с литературным карачаево-балкарским языком и его диалектами; изучить влияние наддиалектных форм карачаево-балкарского языка на становление его лексических норм; исследовать специфику варьирования лексических единиц карачаево-балкарского языка в условиях наддиалектности.

Также предпринята попытка системного изучения наддиалектных форм. Комплексная таксономия и функционально-семантическая интер-

претация наддиалектных форм дает возможность адекватно отразить их природу, что является новым для карачаево-балкарского языкознания.

Рассматриваются также теоретические вопросы, связанные с описанием лингвистических и экстралингвистических факторов, предопределяющих социальную дифференциацию литературного карачаево-балкарского языка. При этом в качестве базового признается положение о том, что единый карачаево-балкарский язык обслуживает коммуникативные потребности двух родственных народов – карачаевцев и балкарцев, проживающих на разных территориях. Естественно, это порождает ряд региональных различий на различных уровнях языка: в фонетике, лексике и фразеологии, словообразовании, грамматике. В то же время карачаево-балкарский язык в целом сохраняет общность благодаря наддиалектным и надрегиональным элементам.

Литературный карачаево-балкарский язык (письменная и устная разновидности), обиходно-разговорный язык, местные диалекты – основные формы существования языка – отражают не только один из типов языкового членения, но и особенности одной из разновидностей субстанционального и функционального варьирования, причем категории этого членения и варьирования относятся к уровню онтологических характеристик языка.

Надо отметить, что в процессе развития литературного языка часть исконных элементов устаревает и выходит из употребления, продолжая, тем не менее, функционировать в диалектах и говорах.

Так, например, цокающий диалект карачаево-балкарского языка, имеющий очень богатую лексику и являющийся более древним по отношению к другим диалектам, зачастую вбирает в себя слова, для которых отсутствует в нем исконно литературное определение. В этом диалекте есть и лексика, функционирующая в форме, не отличающейся от литературной нормы.

Наличие древних кыпчакских и огузских элементов в диалектах и говорах карачаево-балкарского языка, зафиксированных в письменных памятниках, имеет важное научное значение в изучении истории формирования рассматриваемого языка (Улаков, Чеченов 2001, 52).

В новейших тюркологических исследованиях по теории и истории литературных языков наддиалектный характер такого языка, как карачаево-балкарский, отождествляется с их смешанным характером, т.е. одна из наддиалектных форм реализации общенародного языка. Она возникает в определенных исторических условиях, существует в устной необработанной, нестандартной форме и используется для обиходно-бытового общения.

Карачаево-балкарский язык известен тем, что имеет два территориальных варианта: карачаевский и балкарский, что находит свое отражение в лексике носителей языка: региональные различия прослеживаются в результате отражения закона сингармонизма, отчасти в семантике, а также в фонетическом и грамматическом варьировании. Тем не менее, в литературном карачаево-балкарском языке основной состав слов совпадает в обоих вариантах.

Весь процесс взаимообогащения, взаимопроникновения является результатом сложных экстралингвистических факторов: этнических, культурных, исторических, экономических, географических и иных. Каждый региональный вариант и диалект имеет свою специфику, обуславливающую их некоторую самостоятельность.

Благодаря тому, что в обиходно-разговорной речи черты наддиалектности сохранялись очень долго, практически вплоть до наших дней, само понятие наддиалектности отнюдь не означает полного исключения регионального варьирования (фонетического, лексического и т.п.).

Наддиалектность – свойство не только современного, но и древнего литературного языка, точнее, языка устно-поэтического творчества. Она, особенно в донациональный период, реализуется в двух направлениях. В первом случае речь идет об отказе от узкорегionalных фонетических, морфологических и лексических черт диалекта, что нередко сопровождалось объединением признаков разных диалектных ареалов, во втором – о функционально-стилистическом обособлении. Это обособление обусловлено спецификой тех жанров, в которых реализовался данный литературный язык. С этим связана традиционность и известная архаичность штампов языка эпической поэзии.

Данное научное исследование призвано дать наиболее полное представление о многообразии лексического варьирования и использования синонимичных словообразовательных моделей. Немаловажную роль играл при этом региональный фактор, если под этим понимать зависимость от диалектного ареала.

Вместе с тем в каждом из территориальных диалектов и вариантов карачаево-балкарского языка присутствуют наддиалектные черты, свойственные только языку устной поэзии. В развитии новых средств словообразования проявлялась та же специфика наддиалектного статуса основных словообразовательных процессов письменного языка, что и в функционировании старых моделей.

Следовательно, литературный язык, являясь полифункциональным и стилистически дифференцированным образованием, в полной мере сохраняет способность к территориальному варьированию. Оно основывается на локальном членении устного языка, хотя в результате

действия наддиалектных тенденций полного совпадения литературно-письменных разновидностей языка с диалектной дифференциацией ни в одной из функциональных сфер не наблюдается.

Рассмотрены вопросы формирования лексических моделей литературной нормы, из чего истекает все многообразие языкового членения и варьирования, различия между членами функциональной парадигмы языка с точки зрения их статуса.

Таким образом, в процессе образования карачаево-балкарской народности унаследованные тюркские наддиалектные формы речи стали основной базой для становления общенародного языка.

Необходимо учитывать важность рассматриваемого спектра проблем для методологических и практических аспектов истории и лексикологии карачаево-балкарского языка. Фактологический материал и теоретические положения данной монографии представляют интерес в плане сравнительного изучения истории тюркских языков. В научный оборот вводится ряд новых данных относительно истории, лексикологии и словообразования карачаево-балкарского языка, обогащаются наши представления о его наддиалектных формах, что расширяет источниковую базу темы исследования.

Результаты исследования могут найти применение при написании академической грамматики карачаево-балкарского языка и подготовке научно-методических работ, что будет способствовать повышению языковых, коммуникативных и культуроведческих компетенций учащихся высшей и средней школы.

Кроме того, наддиалектная лексика может заинтересовать и специалистов в области других наук: историков, этнографов, социологов и др., поскольку в ней, с одной стороны, закодировано мировосприятие карачаевцев и балкарцев, отражаются их сознание и история, с другой – ощущается стремление приблизиться к научной картине мира.

ГЛАВА I

НАДДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Карачаево-балкарский литературный язык – исторически сложившаяся и развивающаяся разновидность карачаево-балкарского языка, представленная в многочисленных и разнообразных текстах с определенными характерными признаками (письменная закрепленность, стабильность, обработанность, наддиалектность, универсальность, наличие взаимосвязанных стилевых разновидностей, нормированность и т.п.). Он выступает средством устного и письменного общения в различных сферах карачаево-балкарского общества.

На формирование национального литературного языка, кроме отношения его к предшествующей истории развития письменно-литературной речи, оказывали влияние структурные особенности и объем социальных функций разговорного языка, степень диалектной дифференциации, свойства и качества народно-поэтической речи, темпы развития художественной литературы и отдельных ее жанров и т.п. (Виноградов 1967, 46). Еще в конце 20-х годов Б.А. Ларин писал: «Нельзя приступить к социологическому истолкованию литературного языка, пока не изучена его непосредственная среда, т.е. остальные типы письменного цикла и все разновидности разговорной речи...» (Ларин 1926, 176). Дифференциальные признаки различных промежуточных форм существования языка анализировались в работах А.И. Домашнева (1978, 1983, 2005) и С.А. Миронова (1981). С.А. Миронов справедливо отмечает, что различные типы наддиалектных образований, занимающих промежуточное, переходное положение между диалектом и литературным языком, являются, бесспорно, одним из важных и заслуживающих пристального внимания объектов при изучении форм существования того или иного языка (Миронов 1981, 79). По мнению автора, эти образования сочетают в себе противоречивые черты: с одной стороны, наддиалектный характер обнаруживается в стирании и приведении к одному уровню, сглаживанию различий наиболее заметных диалектных признаков, с другой стороны, они отличаются необработанностью, вариативностью и отсутствием упорядоченных и узаконенных норм литературного языка. Их наддиалектный характер

проявляется в чисто функциональных, социально обусловленных признаках, а также в языковых особенностях, выступающих в совокупности как критерии наддиалектных форм. Наддиалектные черты складываются в результате выравнивания и размывания местных диалектных признаков, также устранения обособленности и территориальной ограниченности диалектов в процессе их сближения с литературным языком. Под воздействием последнего на базе диалектов возникают такие промежуточные образования, как диалекты, региональные и обиходно-разговорные формы языка, связанные с расширением области распространения, функционального диапазона и социально обусловленной вариативности диалекта. Границы между ними зыбки, текучи и неустойчивы. Они определяются условиями развития данного диалекта в его соотношении с литературным языком и изменяются в соответствии с изменением условий исторической жизни данного народа.

На наш взгляд, этим объясняется значительная сложность и трудность выявления границ между этими промежуточными формами, с которыми сталкиваемся при установлении их стратификации. С этим, видимо, и связан существующий разнобой в их обозначении, а также отсутствие единства мнений среди исследователей относительно количества и соотношения исследования и выявления стратов. Тем более что это соотношение представляет собой переменную величину и в процессе исторического развития языка и его диалектов может изменяться.

Анализируя данную позицию, А.И. Домашнев подчеркивает, что одним из наиболее существенных признаков литературного языка в системе других форм существования данного современного языка является то, что он противостоит им как единственная обработанная форма, для которой характерен определенный отбор языковых средств из общего инвентаря и связанная с этим регламентация их использования. В этом смысле в отношении данной формы существования современного языка можно вполне применить термин «стандартный язык» (Домашнев 1983, 22).

Говоря о карачаево-балкарском литературном языке с точки зрения этого его главного признака, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на достигнутую договоренность в отношении однородности его нормы стандартности, нет определенного единства в диалектах, устно-поэтической и обиходно-разговорной речи. Это объясняется тем, что карачаевцы и балкарцы территориально находятся в разных республиках: карачаевцы – в Карачаево-Черкесии, а балкарцы – в Кабардино-Балкарии. Развитие таких национальных разновидностей единого языка является одним из следствий воздействия общественных структур на языковые, что наглядно подтверждается на примере собственно

балкарской разновидности языка. Но длительное наблюдение над языковой действительностью карачаево-балкарского этноса показывает, что в пределах национальных границ используется карачаево-балкарский литературный язык со свойственной ему в этих границах совокупностью различий и особенностей на всех уровнях языковой системы, которая осознается и поддерживается его носителями, т.е. считается одинаково образцовой, общественно утвержденной, помещающейся на той же плоскости, что и другие национальные разновидности данного языка. Такое представление о характере языка в современном языкознании соотносится с понятием варианта литературного языка. Безусловно, литературно-разговорные формы такого языка имеют более заметную национальную (территориальную) окрашенность, чем книжнописьменные, поскольку это связано с региональными различиями, которые их окружают и питают. Однако при определении понятия варианта литературного языка следует учитывать, что сущность вариантности лексических единиц заключается в том, что они существуют, оставаясь тождественными самим себе, по крайней мере, в двух различных модификациях. При установлении вариантности необходимо учитывать употребление варьирующихся единиц в различных стилях литературной речи (Филиппова 1957, 167; Капранов 1967, 139–140).

Норма карачаево-балкарского литературного языка привлекает внимание ученых и в другом аспекте, в плане теоретического осмысления и исследования самого понятия нормы как совокупности таких диалектных свойств, как устойчивость и подвижность, изменчивость, строгая ее однозначность и функционально-стилистическая обусловленность и т.п. Интерес к изучению и оценке литературной нормы в ее современном состоянии находится также в прямой зависимости от необходимости решения назревших практических языковых задач.

Сопоставительное изучение различных языков, несмотря на все многообразие возможных конкретных задач, в конечном итоге всегда служит определенной цели, а именно – выяснению наиболее общих, универсальных свойств языка.

До сих пор типологически чаще всего изучались языковые системы вне зависимости от тех реальных функций, которые они выполняют, и от времени их функционирования. Диалектные идиомы и литературные языки, языки современные и древние, различные состояния одного и того же языка во времени или его различные пространственные модификации могут при таком подходе равно служить представителям отдельных языковых структур.

Однако сравниваться может не только внутреннее строение языков, но и определенные типы их общественного использования. В этом

случае изучаются разные формы существования языка в их функционировании, а также некоторые особенности их инвентаря и их внутренней организации, которые хотя бы в самом общем плане обусловлены теми функциями, которые выполняют соответствующие системы.

Если первое из упомянутых направлений сопоставительных исследований обычно определяется как типология языковых структур, или структурная типология, то второе, по-видимому, может быть определено как типология функциональная.

Функциональная типология изучает стратификацию языковых форм в рамках определенной исторической языковой общности; выявляет основные типологические признаки разных форм существования, т.е. литературных языков, обиходно-разговорных форм языка и диалектов.

В зависимости от привлекаемого к сравнению материала и от характера его рассмотрения функционально-типологическое изучение языка может иметь несколько аспектов: 1) могут сравниваться разные формы существования языка, входящие в одну и ту же донациональную и национальную языковую общность; 2) сопоставляются отдельные формы существования, включающиеся в разные языковые общности, но выполняющие один и тот же или близкий комплекс функций.

Следует подчеркнуть, что оба аспекта в известной мере связаны между собою. В обоих случаях наиболее целесообразно принять за точку отсчета положение литературной формы языка, так как чаще всего именно оно является наиболее показательным или даже определяющим для функционирования всех остальных форм существования (Семенюк 1976, 61).

Реальная стратификация карачаево-балкарского национального литературного языка состоит из двух уровней: литературного языка и диалекта. Промежуточных форм в карачаево-балкарском языке практически нет. Встречаются отдельные формы, которые можно квалифицировать как обиходно-разговорные нормы. Так называемая обиходно-разговорная форма языка, например: *цафхан* — *чапхан* «бегущий», является результатом взаимодействия литературного языка и диалекта и функционирует вне рамок разговорного языка. Во многих формах выражается тенденция к экономии средств выражения при структурировании лексических и синтаксических единиц, к некоторой упрощенности форм на основе фонетических, лексических и синтаксических единиц: *Келгенди. Бюгюн. Ол бюгюн келгенди.* «Пришел. Сегодня. Он пришел сегодня». Обиходно-разговорные формы возникают как результат формирования определенной комфортности коммуникации. И частотность их употребления в повседневной речи,

которая доминирует в карачаево-балкарском языке – диалект, – есть отражение только диалектных форм.

На сегодняшний день можно констатировать в карачаево-балкарском языке факт наличия обиходно-разговорных форм, но отсутствие как формы существования карачаево-балкарского литературного языка, что объясняется доминантой диалекта, как средства повседневной коммуникации.

Традиционно принятую стратификацию национальных языков в европейском языкознании покажем на примере немецкого языка:

Литературный язык (письменная и устная разновидности)	
Обиходно-разговорный язык, или Umgangssprache	Литературный (верхненемецкий) обиходно-разговорный язык, или обиходно-разговорный язык образованных
	Областные обиходно-разговорные языки
	Местные обиходно-разговорные языки, или полудиалекты
Местные диалекты	

Таким образом, мы видим совокупность форм, в которых существует немецкий язык в этих ареалах, то есть язык представлен следующими основными формами: литературным языком, диалектами и заключенными между ними обиходно-разговорными типами языка (местный обиходно-разговорный язык, или полудиалект, областной обиходно-разговорный язык, литературный – верхненемецкий – обиходно-разговорный язык или обиходный язык образованных), известными под собирательным названием Umgangssprache (Домашнев 1983, 15).

Функциональная парадигма современного немецкого языка как модель, обобщенно отражающая иерархическое построение системы форм его существования, его функциональную стратификацию, включает по вертикали четыре основных страта. Ее верхний страт образует немецкий национальный литературный язык, нижний страт составляют территориальные диалекты, а среднюю (промежуточную) зону заполняют наддиалектные типы речи – разновидности обиходно-разговорного языка и полудиалекты. Это промежуточная зона многослойна

и, в свою очередь, иерархически упорядочена. Ее нижний пласт, непосредственно надстраивающийся над диалектами, занимают полудиалекты. В верхнем слое располагаются территориально окрашенные разновидности обиходно-разговорного языка, примыкающие к устной форме литературного языка или общенемецкому обиходно-разговорному языку литературного типа. Выполняя в процессе коммуникации разные функции, формы существования немецкого языка в его функциональной системе находятся в отношении взаимодополнения. Они могут исследоваться как моносистемы в известной абстрагированности от макросистемы в целом. Однако в полной мере их своеобразие выявляется только при диасистемном анализе, основывающемся на установлении корреляции между исследуемыми системами в синхронии или при диасистемно-диахроническом подходе, когда в дополнение к названным корреляциям устанавливается также соотношение с предшествующей исторической ступенью.

В силу того, что современный немецкий язык используется как главное средство общения населением нескольких государств, он носит полинациональный характер и функционирует реально в виде нескольких национальных вариантов. Поэтому структура функциональной системы немецкого языка в основных странах его распространения, состав и характер объединяемых ею форм существования языка, а также социальный статус последних обнаруживают известную дифференциацию, обусловленную спецификой общественного развития в том или ином немецкоязычном государстве, исторически сложившейся в нем конкретной языковой ситуацией. Различия подобного рода четко прослеживаются при сопоставлении индивидуальных функциональных парадигм, моделируемых для каждой из немецкоязычных стран в отдельности.

Так, функциональная парадигма немецкого языка в собственно немецком ареале «...включает следующие страты: литературный язык наддиалектного типа; разговорный язык, сближающийся с литературной нормой; региональные (территориально окрашенные) обиходно-разговорные языки; многочисленные полудиалекты и территориальные диалекты» (Филичева 1992, 15).

Если исходить из подобной стратификации, то в карачаево-балкарском языке друг другу противостоят только две формы существования языка: национальный литературный язык и диалект. Между ними существует так называемый устный уровень – отражение диалектных форм в устной речи.

Процессы становления литературного карачаево-балкарского языка отличаются от европейских. Здесь не было такой селекции. «Норма

складывается в целом как кодификация узуса, но при этом важнейшим моментом является отбор среди синонимических вариантов» (Гухман 1959, 172).

Процесс становления карачаево-балкарского литературного языка определяется не самими литературным языком и диалектом, а декларацией: по большинству носителей того или иного говора. К примеру, если говорить о чокающем диалекте, здесь имеет место явление количественного феномена: к большинству относятся жители баксанского и чегемского ущелий и еще карачаевцы. Также надо учитывать, что чокающий диалект намного древнее чокающего. Но это историческое старшинство в данном случае не сыграло никакой роли. Хотя малкарские формы диалекта, так же как и дигорский диалект в осетинском языке, являются наиболее древними, это не определило ничего в констелляции норм становления литературного языка.

Как известно, в теоретических работах, посвященных стратификации национальных языков, литературный язык характеризуется следующими свойствами, отличающими его от других подсистем национального языка:

- 1) нормированность; при этом литературная норма является результатом не только языковой традиции, но и целенаправленной кодификации, закрепляемой в грамматиках и словарях;
- 2) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов;
- 3) полифункциональность: литературный язык способен обслуживать коммуникативные потребности любой сферы деятельности;
- 4) коммуникативная целесообразность; это свойство естественным образом вытекает из членения литературного языка на функциональные стили и речевые жанры;
- 5) стабильность и известный консерватизм литературного языка, его медленная изменяемость: литературная норма должна отставать от развития живой речи. Это свойство литературного языка имеет исключительное культурное значение: оно обеспечивает связь между сменяющимися друг друга поколениями носителей данного национального языка, их взаимопонимание (Аликаев 2010, 315–316).

Язык как сложное и многогранное явление доступен для научного наблюдения в разных аспектах и ракурсах. При его исследовании основное внимание может быть сосредоточено на структурных особенностях определенной языковой моносистемы, которая изучается в плане синхронии и диахронии в отвлечении от ее реальной вариантности.

Развитие теории и истории литературных языков, разработка проблем диалектологии, ареальной лингвистики и социолингвистики в последние десятилетия раскрыли многообразие реальной языковой действительности и форм функционирования языка. Научные достижения этих отраслей языкознания способствовали все более глубокому осознанию полисистемного характера любого развитого национального языка, представляющего собой исторически сложную, иерархически организованную макросистему, которая объединяет разные формы его существования (Филичева 1992, 14).

Карачаево-балкарский язык – язык народа, включающего две этнически и лингвистически родственных группы – балкарцев (малкъарлы, таулу) и карачаевцев (къарачайлы), расселенных волей исторических судеб в основном в двух смежных государственных образованиях – Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках. Кроме того, небольшие группы балкарцев и карачаевцев проживают в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и за рубежом: в Турции, Сирии, США и др. Основной этнической территорией, на которой сформировался единый карачаево-балкарский народ, являются отроги Северного Кавказа, т.е. территории, на которых позднее возникли Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики. В зависимости от места расселения балкарцы и карачаевцы имели различные локальные названия, в основном по ущельям, где они селились. Так, балкарцы, имея общее название малкъарлы, или таулу, подразделялись по месту расселения на баксанцев (басханчы) – жителей Баксанского ущелья, чегемцев (чегемли) – жителей Чегемского ущелья, безенгиевцев (бызынгылы) – жителей Безенгийского ущелья, холамцев (холамлы) – жителей Холамского ущелья.

Карачаевцы и балкарцы в зависимости от мест расселения имели свои различные самоназвания. Наиболее популярными местными народными названиями карачаево-балкарского языка являются тау тил «горский язык, язык горцев»; **къарачай тил** «карачаевский язык, язык карачаевцев»; **малкъар тил** «балкарский язык, язык балкарцев».

Карачаево-балкарский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. И как справедливо отмечает А.А. Чеченов, в исследованиях, посвященных сравнительно-историческому изучению тюркских языков, историям отдельных тюркских языков и их классификации, карачаево-балкарский язык как один из кыпчакских языков занимает важное место в различного рода сравнениях и сопоставлениях (Чеченов 1996, 8).

Первые сведения о балкарцах и карачаевцах и их языке стали достоянием науки лишь в начале XIX века в трудах известного немецкого путешественника и исследователя И. Клапрота. Его перу

принадлежит первый список племен и народов Кавказа и первый глоссарий карачаево-балкарского языка. В основу этой работы были положены языковые материалы, собранные И. Клапротом во время своего путешествия по Кавказу и Грузии в 1807–1808 гг.

Уже в конце XIX в. Р. Эрккерт представил научной общественности систематический обзор народов Кавказа и их языков. Первый краткий очерк грамматики карачаево-балкарского языка на русском языке был составлен Н.А. Карауловым. Она состоит из грамматического очерка, небольшого образца балкарской устной словесности и двух небольших глоссариев: русско-балкарского и балкарско-русского. Очерк Н.А. Караулова был замечен такими тюркологами, как А.Н. Самойлович, Ю. Немет. Следует отметить, что несмотря на некоторые неточности в описании строя балкарского языка, работа Н.А. Караулова стала своеобразным событием в мировой тюркологии.

Важным вкладом в дело изучения карачаево-балкарского языка являются также труды венгерского ученого В. Прёле, содержащие более точные и подробные сведения по фонетике, грамматике и лексике языка. Кроме того, автор приводит более точные записи фольклорных текстов. Следует отметить, что В. Прёле посвятил отдельные работы балкарскому и карачаевскому языкам, т.к. он считал, что эти языки самостоятельные и имеют значительные расхождения между собой. Ученый установил генетическую связь между карачаевским и балкарским языками, с одной стороны, и с кыпчакским (куманским или половецким) – с другой. В 1911 г. другой венгерский тюрколог Ю. Немет издал сравнительное исследование кумыкской и карачаево-балкарской лексики, где приходит к выводу о ближайшем родстве между ними и соответственно о родстве этих языков с кыпчакским.

В связи с появлением указанных работ было установлено место карачаево-балкарского языка среди языков тюркской системы – относится к кыпчакской группе тюркских языков. Предстояло лишь определить место карачаево-балкарского языка внутри данной группы.

Появление новой отрасли лингвистической науки – карачаево-балкарского языкознания относится к послеоктябрьскому периоду, когда из-за необходимости разработки норм литературного языка, его алфавита, орфографии, грамматики, словарей, терминологии и учебников усиленно начинается работа в этом направлении.

В 1924 г. в связи с национальным этнополитическим размежеванием и образованием национальных республик и областей разрабатывается алфавит на латинской основе, создаются учебники, составляются систематические очерки грамматики, организовываются научные экспедиции по изучению диалектного членения языка и сбору

лингвистического материала. В 1937 г. был составлен новый проект алфавита уже на основе кириллицы, а также правила орфографии.

В течение десятилетия (1920–1930 гг.) были разработаны основы карачаево-балкарской письменности и орфографии, составлен и опубликован более полный вариант грамматики карачаево-балкарского языка, впервые написанный носителем языка У.Д. Алиевым (1930), появилась грамматика отдельно карачаевского языка У.О. Байрамкулова (1931). Несколько работ по карачаево-балкарскому языкознанию опубликовал известный тюрколог А.К. Боровков (1932, 1935). Также к этому периоду относятся работы А.М. Аппаева (1941), В.И. Филоненко (1940), Р. Шаумяна (1935), И.А. Акбаева (1926), В.П. Антонова-Саратовского (1930), Н.Я. Марра (1929), Р.О. Шора (1930), В.И. Абаева (1933). В начале 40-х гг. впервые выходят в свет работы Х.О. Лайпанова (1941) и др. исследователей, посвященные различным аспектам карачаево-балкарского языка.

Изучение истории языка в 20–40 гг. XX века, как показывает обзор основных работ по карачаево-балкарскому языку, не было целенаправленным, все силы исследователей были направлены на учение о языке, на создание учебных грамматик, словарей, справочников и т.д. Но и этот позитивный процесс развития карачаево-балкарского языка был приостановлен: сначала – войной начавшейся в 1941 г., а потом – тотальной депортацией в 1943–1944 гг., длившейся 14 лет. Систематическое изучение карачаево-балкарского языка возобновилось лишь в 1960-е гг. XX в. после восстановления карачаевцев и балкарцев в правах и возвращения их на свою историческую родину. Продолжается дальнейшее научное изучение языка, фольклора, истории и этнографии карачаевцев и балкарцев.

Усилиями исследователей были созданы большие словари – толковый словарь карачаево-балкарского языка в трех томах, русско-карачаево-балкарский и карачаево-балкарско-русский, грамматика карачаево-балкарского языка, в целом были исследованы практически все уровни языка. Неоценимый вклад в изучение карачаево-балкарского языка внесли У.Б. Алиев (1959), А.М. Аппаев (1960), А.Ж. Будаев (1964), А.Х. Соттаев (1968), А.М. Байрамкулов (1967), Ш.Х. Акбаев (1963, 1971) М.А. Хабичев (1961, 1967, 1970, 1971, 1974, 1975, 1978, 1981), И.Х. Ахматов (1968, 1970, 1972, 1980, 2006), С.Я. Байчоров (1981, 1982, 1987, 1989), Х.С.-А. Джанибеков (1987, 1988), И.Х. Урусбиев (1967), Х.М. Хаджилаев (1970, 1979), Ж.М. Гузеев (1974, 1975, 1984, 1985, 1986), И.М. Отаров (1996), М.М. Текуев (1979, 1982), М.З. Улаков (1977, 1982, 1994), Х.И. Суюнчев (1977), Л.Ж. Жабелова (1986), М.Б. Кетенчиев, Б.А. Мусуков, С.К. Башиева, А.И. Геляева, Т.К. Алиева и др.

Безусловно, современный карачаево-балкарский язык относящийся к группе тюркских языков доступен обозрению с вершин современного состояния тюркской компаративистики, его самый архаический диахронический уровень теряется в глубинах истории за тем условным диахроническим срезом, который принято называть прототюркским состоянием. Следовательно, задача современных историков-этнологов и языковедов заключается в выявлении тех этнических и языковых компонентов, которые исторически вошли в состав изучаемого этноса или языка, установить время и место многократных и различных этноязыковых контактов, выявить характер, внутреннюю динамику, направленность, интенсивность взаимовлияний и на их основе построить или, вернее, восстановить реальные исторические события и этнолингвистические процессы (Чеченов 1996, 31).

Иначе говоря, элементом исследования оказывается реконструкция языковых отношений, существовавших в прошлом. Но так как это прошлое было, по-видимому, всеобщим, соответствующие явления в их исторической ограниченности обладают в известной мере универсальной значимостью.

Сравнительный анализ древнейших рунических надписей в плане выявления их типологического своеобразия может представить известный интерес для постановки вопроса о типологии литературной нормы древних тюркских языков. Языковые особенности древнейших рунических надписей позволяют говорить об их наддиалектном характере. В то же время, как справедливо подчеркивает М.М. Гухман, «...наиболее спорным и сложным является определение самих понятий «диалект» и «наддиалектные формы языка» в связи с тем, что оба эти термина применяются недифференцированно к категориям разных исторических эпох и языковым отношениям, сложившимся в разных условиях» (Гухман 1972, 209). Развивая это положение, М.М. Гухман указывает далее на то, что «к наддиалектным формам одни исследователи относят, прежде всего, определенные лексические пласты, фразеологию и синтаксические конструкции, не свойственные разговорно-бытовой сфере общения, за которой предположительно закреплён диалект; другие считают важнейшим признаком наддиалектных типов речи отсутствие регионально связанных узкодиалектных явлений или включение инодиалектных для данной территории элементов, т.е. сочетание разнодиалектных признаков. Иными словами, в первом случае наддиалектность понимается как совокупность известных функционально-стилистических признаков, присущих более «высоким сферам общения», причем наддиалектность как бы отождествляется с любой обработанной формой языка, во втором случае опорным оказывается

такой признак, как преодоление большее или меньшее, региональной ограниченности, свойственной диалекту, его территориальной связанности. Тем самым к наддиалектным формам относятся и разговорные формы, не обладающие, однако, признаками обработанного языка» (Там же, 210). Указанные М.М. Гухман наддиалектные формы в равной мере приложимы к характеристике рунических надписей.

Таким образом, язык древнейших рунических надписей, являясь первым литературным языком, выступая как письменная форма не столько общения, сколько сообщения между различными племенами, консервирует и сублимирует в своем языковом статусе наиболее характерные черты эпической традиции (Макаев 1976, 61).

Так, М.М. Гухман во всех своих исследованиях, посвященных рассмотрению типологических особенностей литературных языков, последовательно проводит идею о том, что «...отнодь не универсальными процессами литературных языков являются стандартность, наличие письменности и кодификации» (Гухман 1976, 7). В качестве различительных признаков литературного языка исследователь называет обработанность, отсутствие спонтанности речевого произведения, наддиалектность и полифункциональность.

М.М. Гухман рассматривает совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, своеобразно сочетающихся и взаимодействующих в разных условиях, в определении специфики социальной дифференциации литературного языка:

- является ли данный литературный язык единственной обработанной наддиалектной литературной формой или он сосуществует и с другим литературным языком;
- в каких преимущественно сферах действует литературный язык, распространяется ли его применение и на повседневно-бытовое общение;
- обладает ли литературный язык только устной формой, подобно языку эпической поэзии у бесписьменных народов, существует ли он только в письменной реализации или же, наконец, он обладает письменной и устной формой;
- имелась ли у конкретного языка длительная традиция или же он является в рассматриваемую эпоху «молодым» письменным языком;
- какова структура общества, в котором функционирует данный литературный язык; если это классовое общество, то каково участие разных социальных групп в развитии и функционировании литературного языка (Гухман 1977, 44).

В актуализации исследований в этом направлении проявляется заметное усиление внимания к исторической роли обобщенных типов устной речи, слагавшихся в народной среде. Однако исследования

здесь сопряжены с особыми трудностями, главной из которых приходится считать отсутствие или недостаточность текстов, фиксирующих устную народную речь прошедших эпох. Перед нами встает задача воссоздания картины существования обобщенных форм устной речи, которые не только не зависели от влияния речи письменной, но и сами могли использоваться в качестве народно-речевой основы при создании литературных языков. В связи с этим следует отметить монографию А.В. Десницкой «Наддиалектные формы устной речи и их роль в развитии языка» (1970), где автор ставит задачу разграничения и определения типов обобщенных форм устной речи, а также выработку соответствующей терминологии.

Иначе говоря, элементом исследования оказывается реконструкция языковых отношений, существовавших в прошлом. Но так как это прошлое было, по-видимому, всеобщим, соответствующие явления в их исторической ограниченности обладают в известной мере универсальной значимостью.

1. Устно-поэтический язык как наддиалектная форма речи

У истоков некоторых литературных языков, как абсолютно точно отметила М.М. Гухман, был народный эпос. Существуют разные мнения по поводу того, является ли язык произведений народного творчества, язык эпоса, эпической поэзии разных народов литературным языком. Этот вопрос, относящийся к общей теории литературного языка, не представляется возможным решить однозначно для всех языков. Так, например, гомеровский эпос был образцом обработанного языка. Также, по мнению И.М. Тронского, количество так называемых избыточных стихов «Илиады» и «Одиссеи» очень незначительно (Тронский 1973, 64). Греческий эпос не только обработан и регламентирован, но и почти лишен варьирования самого текста, что не характерно для фольклорного творчества. Аналогичные явления исследователи отмечают в языке эпической поэзии и некоторых других народов. Поскольку же основной спецификой литературного языка является его обработанность и относительная регламентация, то обработанный и регламентированный язык эпической поэзии подводится под категорию «литературного языка».

Вместе с тем следует отметить различные пути развития фольклора, его традиции, его место в системе общенародного языка разных народов. Если греческий – гомеровский – эпос был обработан и письменно

зафиксирован, то у некоторых других народов иная эпическая традиция: устное народное творчество сохранилось до наших дней, передаваясь из поколения в поколение благодаря коллективному творчеству, традиционности и наддиалектности текстов, обобщенности языка и языковых средств, а также художественных форм построения фольклора.

Ранняя письменная фиксация произведений устно-поэтического творчества, характер их исполнения, социальное положение исполнителей, т.е. форма института певцов в обществе и другие экстралингвистические факторы, во многом определили степень обобщенности и регламентации языка эпических произведений. Среди чисто лингвистических факторов в этом отношении немаловажную роль, на наш взгляд, сыграла степень диалектного дробления языка.

Тем не менее, устно-поэтическая речь оказала значительное влияние на развитие и формирование литературного языка и современной художественной литературы. Следует подчеркнуть, что язык произведений наиболее крупных балкарских писателей, заложивших основы современной национальной литературы, в значительной степени основывается на традициях устно-поэтической речи. Необходимо сказать, что народное наследие, создававшееся еще до появления письменности, является продолжением вековых традиций карачаево-балкарского устно-поэтического творчества. В языке произведений многих поэтов и писателей встречается большое число наддиалектных лексических, морфологических и синтаксических особенностей, свойственных устно-поэтической речи.

Элементы фольклора, его стилистические и композиционные приемы прослеживаются и в прозе. В произведениях современных карачаево-балкарских писателей и поэтов используется традиционная сказительская манера повествования, лексические и грамматические особенности устно-поэтической речи: образные метафоры и эпитеты народной речи, эпифорические и анафорические предложения, эпические формы обращения, очень широко применяются народные поговорки и пословицы и т.д. Показательны в этом отношении, например, прозаические произведения Б.И. Гуртуева, А.М. Теппеева, Х.И. Шаваева, З.Х. Толгурова, Х.А. Аппаева и др.

Иначе говоря, осознание фольклора как устной формы поэтического творчества вовсе не означает, что прерываются его традиции в языке письменной литературы. «Прошлое и настоящее... эти понятия тесно связаны, они зависимы, неотрывны. Не учитывая их, нельзя даже наметить путь к дальнейшему, в будущее» (Климович 1975, 5). Это относится также и к языку, функциональным стилям и соотношению их устной и письменной форм реализации.

Наддиалектные формы устной речи складываются в зависимости от конкретных исторических условий. Типы наддиалектных образований различны по длительности и устойчивости, характеру функционирования, соотношению с другими типами и разновидностями языка, роли в формировании и развитии письменно-литературной формы языка.

В истории языков обнаруживаются различные типы наддиалектных форм – обобщенные формы устно-поэтического языка. Именно этот тип наддиалектных образований получил широкое распространение в тюркских языках и сыграл огромную роль в процессе формирования, складывания и дальнейшего развития литературных языков.

Устно-поэтический язык, или язык фольклора, имеет многовековую историю. Возникнув на ранней стадии развития народов, он выработал в процессе длительного существования принципы отбора и организации языковых единиц, определяющиеся общественными целями и задачами.

Широкая распространенность и богатство устно-поэтического языка, исключительная устойчивость его традиций, многовалентность его функционирования (при жанровом многообразии устного творчества) обусловили образование особого типа речи, выходящего за пределы территориального признака. Хотя пути развития и степень обобщенности устно-поэтического языка, его роль в истории языка, его отношение к письменно-литературным языкам неодинаковы у разных народов, тем не менее, наддиалектный его характер подтверждается материалом языков самых различных типов.

Таким образом, устно-поэтическая форма характеризуется совокупностью языковых черт, отличающихся от строевых особенностей как языка разговорно-бытового общения, так и территориальных диалектов.

Если устно-поэтическое творчество функционирует на диалекте, легшем в основу литературного языка, то оно, конечно, предстает уже как обобщенная литературная форма, лишенная территориальных признаков, поскольку особенности базового опорного диалекта получили статус литературной нормы. Тем не менее, это не говорит о том, что произведения фольклора, исполняемые или записанные на «нелитературном» диалекте, теряют свои специфические черты.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных признаков наддиалектных форм устно-поэтической речи на материале эпических произведений карачаево-балкарского языка, следует кратко остановиться на статусе самой устно-поэтической речи, ее месте в системе языка.

Устно-поэтическая речь обладает двуединой природой. Произведения устно-поэтического творчества каждый исполнял на своем диалекте.

Этим объясняется, что в устно-поэтической речи имеются территориальные признаки, сближающие ее с диалектными формами. Однако это не означает, что понятия «устно-поэтическая речь» и «диалект» равнозначны. Образование диалектных черт связано с территориальной общностью более или менее ограниченного числа людей, находящихся в непосредственном языковом контакте.

Чем же обусловлено образование особенностей устно-поэтической речи? Факторами, не связанными с территориальной общностью носителей того или иного диалекта. Основным инвариантом устно-поэтической речи является именно то, что объединяет речь представителей разных территориальных диалектов и отличает ее от языка повседневно-бытового общения. Причем инвариантные признаки (неизменяемые, независимые от каких-л. условий) охватывают, хотя и в неодинаковой степени, разные языковые уровни – лексику, синтаксис, морфологию, фразеологию и, отчасти, фонетику.

Что касается отдельных жанров устно-поэтического творчества, то важнейшими признаками становятся также их композиционные и ритмико-мелодические формы строения. Например, традиционные инициальные и финальные зачины народных сказок, особый ритмико-мелодический рисунок историко-героических, обрядовых песен:

Эртте-эртте, бек сансыз-санаусуз заманлада...;

Эртте-эртте, бурун заманлада, бир...;

Бурунгу ёмюрледе...;

Эртте тау элени биринде...

В приведенных инициальных зачинах сказок перевод практически одинаковый – «давным-давно, в неисчислимые времена...», «в давние времена...», «в древние столетия...», «давным-давно, в одном из горских аулов...» – ритмико-мелодическая и композиционная форма строения инвариантна.

Таким образом, устно-поэтическая речь является особой наддиалектной формой. В то же время есть основание утверждать, что устно-поэтическая речь, являясь в конечном итоге результатом социальной дифференциации языка, обособляется от других языковых образований в функционально-стилистическом плане. И как подчеркивалось выше, в том случае, если устно-поэтическое творчество базируется на диалекте, ставшим опорным, то оно, естественно, предстает уже как обобщенная литературная форма, лишенная территориальных признаков, поскольку особенности базового диалекта получили статус литературной нормы. Но это совсем не означает, что произведения эпического

творчества, исполняемые или записанные на «нелитературном» диалекте, теряют свои специфические особенности.

Это положение отчетливо проиллюстрировано на примере сказания об Ёрюзмеке и Белой Оленихе карачаево-балкарского эпоса, о нартах в разных вариантах, в которых непременно присутствуют наддиалектные черты, свойственные только языку устной поэзии, наряду с общими композиционными и ритмико-мелодическими признаками, особенностями строения стиха, входящими также в эпические наддиалектные традиции:

Айт-айт, батыр Ёрюзек атланып чыкъгъан эди, дейди.

Бара барып, ол бек арыды, сорукъду, дейди.

Жол юсюнде бир Акъ Маралгъа жолукъду, дейди.

Къоланындан тюшюп, атарем дегенде, дейди,

Ол бир сыртха ёрлеп кетди, дейди...

«Скажи-расскажи, богатырь Ёрюзек собрался в путь, говорят.

Побродив долго, он очень устал, затих (успокоился), говорят.

По дороге он встретил некую Белую Олениху, говорят.

Когда, слезав со своего Колана (кличка лошади, досл. «пестрый»),

задумал выстрелить, говорят.

Она (олениха) взобралась на возвышенность, говорят».

В приведенном отрывке отчетливо прослеживаются обиходно-разговорные формы слов: *айт-айт* «скажи-расскажи», *бара-барып* «побродив долго» – просторечные слова, *атланып чыкъгъан* «вышедший собравшись», *сорукъду* «успокоился, затих», *Къолан* «пегий, чубарый (о животных)» *атарем* (разг.) – *атар* эдим (лит.) «прицелился бы» – обиходно-разговорные слова, свойственные только языку устной поэзии.

Нужно отметить, что в любой форме функционирования устно-поэтическая речь остается наддиалектной, сохраняет свои строевые черты, возвышаясь по своим инвариантным качествам над территориальными признаками. Она не совпадает и с языком художественной литературы или научного изложения, хотя традиции фольклора, в частности, устной эпической поэзии, не только служат основой для зарождения многих письменно-литературных языков, но и продолжают оказывать сильное воздействие на их развитие.

Единство устно-поэтического творчества кавказских народов особенно наглядно проявляется в известном героическом эпосе «Нарты», основное ядро которого общее для карачаевцев и балкарцев, кабардинцев и черкесов, абхазов и адыгейцев. Между тем карачаево-балкарская

версия нартского эпоса является самобытным и оригинальным творением этих народов. Связанный с общекавказской эпической традицией, эпос о нартах впитал в себя и эстетический опыт балкарцев и карачаевцев, аккумулированный в различных жанрах фольклора. «В карачаево-балкарских сказаниях о нартах отразились история этих народов, их философия, мировоззрение, особенности психологии, быт и нравы» (Холаев 1974, 6).

Традиции эпической поэзии сами по себе наддиалектны. На них не накладываются ограничения, связанные с ареалом распространения данного языка. Более того, традиции устной эпической поэзии настолько устойчивы, что многие лексико-фразеологические и синтаксические черты по характеру обобщенности выходят за пределы одного языка, охватывая группу родственных языков. Также эпические традиции проявляются в наличии особых лексических, грамматических, фразеологических, композиционных и ритмико-мелодических средств, в совокупности способствующих функционально-стилистическому обособлению языка эпической поэзии.

Наддиалектная лексика устно-поэтической речи тематически многообразна. Это имена богов и божеств, названия святилищ, народов, племен, местностей, многих предметов нартского быта, боевого снаряжения, явлений природы и социальных отношений и т.д., например: *Жел тейри* «бог Ветра», *Жер тейри* «бог Земли», *Кёк тейри* «бог Неба», *Суу Желмаууз* «бог Моря (Воды)», *Элия* «божество грома и молнии» и покровитель нартских воинов; предметы быта и боевого снаряжения: *балата* «раствор для дубления кожи», *аякъ* «чаша, кубок», *гебенек* «войлочная накидка с капюшоном», *милдеу* «частица, небольшая доля», *тепси* «низкий столик на трех ножках», *сырпын* «меч», *солтанжыя* «лук (оружие)»; названия болезней: *гебох* «сибирская язва», *талау* «язва желудка» и т.д.

Ряд слов является названиями игр и состязаний: *къолташ* «камень для метания в национальной спортивной игре; состязание в толкании камня» (*этно.*) и др. (необходимо отметить, что эти слова по своей структуре одно- и двухкомпонентные); топонимическими названиями, представленными только в устно-поэтической речи: *Къаф тау*, *Накъут дорбун*, *Элхур*, *Къыркъ суу*, *Адил суу* – эпические топонимы. Подобные названия местностей обычно интерпретируются как мифотопонимы.

Наддиалектны также имена героев эпической поэзии, историко-героических песен, народных сказок и т.д. Среди них популярны такие имена эпоса, как *Дебет*, *Сосурукъ*, *Сатанай*, *Сибилчи*, *Агунда*, *Ачемез*, *Фук*, *Къарашауай*, *Акъбилек*, *Алауган* и т.д. Следует заметить, что некоторые из этих имен встречаются и в наши дни: *Ачемез*, *Сатанай* и др.

Заслуживает особого внимания и сама древняя и обобщенная система личных имен в эпической поэзии карачаево-балкарского народа, таких как: *Ачемез, Ёрюзмек, Алауган, Чюелди, Шырдан, Нёгер, Жёнгер* и др. Дело в том, что для нартского эпоса, как и вообще для эпической поэзии, не характерно разграничение имен и фамилий. Обобщенная и в то же время наддиалектная система древней ономастики эпической поэзии, несомненно, представляет значительный интерес для истории и этнографии народа. Безусловно, обобщенный характер системы имен героев древней эпической поэзии в той или иной мере сохраняется и в более поздних жанрах устно-поэтического творчества.

Степень обобщенности, устойчивость традиций и наддиалектных форм во многом зависят от социального положения исполнителей произведений устно-поэтического творчества, как в прошлом, так и в наши дни. Певцы-рапсоды играли исключительно важную роль не только в создании разных жанров устно-поэтического творчества, но и в регламентации его языковых норм, выработке традиционных и наддиалектных явлений. Становлению устно-поэтической речи, возвышающейся над территориальными диалектами, способствовала сама форма института певцов. С традициями народного рапсода, с его техникой исполнения произведений фольклора связано образование наддиалектных форм (в лексике, морфологии, синтаксисе и отчасти фонетике).

Следует отметить, что устно-поэтическая речь оказалась устойчивой не только в дописьменный период, она сыграла и продолжает играть значительную роль в развитии языка художественной литературы. Во всяком случае, традиции фольклора очень сильны в языке художественной литературы. Ранний период развития письменной литературы, особенно поэзии, неразрывно связан с фольклорными традициями.

Основоположники поэзии использовали все богатства устно-поэтической речи, ее лексико-фразеологические, грамматические особенности, принципы и формы построения традиционного стиха. Первые поэты создавали свои произведения по канонам фольклорных произведений, широко используя все жанровое разнообразие устно-поэтического творчества. Влияние лучших образцов народной поэзии на формирование литературного стиля поэта является всесторонним и охватывает все уровни языковой структуры (включая фонетику).

Устно-поэтическая речь является особой наддиалектной формой. В то же время есть основание утверждать, что она, являясь в конечном итоге результатом социальной дифференциации языка, обособляется от других языковых образований в функционально-стилистическом плане.

Следовательно, литературный язык – наддиалектная подсистема (форма существования) национального языка, которая характеризуется такими чертами, как нормативность, кодифицированность, полифункциональность, стилистическая дифференцированность, высокий социальный престиж в среде носителей данного национального языка. Литературный язык является основным средством, обслуживающим коммуникативные потребности общества; он противопоставлен некодифицированным подсистемам национального языка – территориальным диалектам, городскому просторечию, профессиональным и социальным жаргонам.

В синхронном аспекте карачаево-балкарский литературный язык, с одной стороны, является самостоятельной системой, состоящей из элементов и подсистем различного уровня организации (язык художественной литературы: язык произведения, язык писателя; язык публицистики; язык научной литературы; язык религиозной литературы; язык официально-деловых документов и т.п.); с другой – подсистемой более высокого уровня системы «общенародного языка», включающей в себя и другие подсистемы: обиходно-разговорный язык и язык фольклора. Эти подсистемы имеют собственную структуру, форму функционирования и значимость.

Карачаево-балкарский литературный язык в диахронном аспекте представляет собой развивающуюся систему, проходящую донациональный и национальный этапы развития.

Таким образом, очевидно, что все эти признаки в той или иной степени находят свое проявление и в эпических произведениях устного народного творчества карачаево-балкарского языка.

Понятие литературного языка может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих данной подсистеме национального языка, так и путем отграничения совокупности носителей этой подсистемы, выделения ее из общего состава людей, говорящих на данном языке. Первый способ определения – лингвистический, второй – социологический.

Исследователи отмечают одно важное свойство литературного языка наших дней: «литературный язык гетерогенен (от гр. heteros – «другой, иной»+genos «род») – неоднородный по своему составу» (Москвин 2003, 145); часть сложных слов, означающая «другой, иной», соответствует русскому «разно». Кажется, что этот вывод противоречит главной аксиоме, связанной со статусом литературного языка, – аксиоме о единстве и общеобязательности нормы для всех говорящих на литературном языке, о его кодифицированности как об одном из основных свойств. Однако в действительности и названная аксиома, и

свойство гетерогенности не только уживаются вместе, но и дополняют, поддерживают друг друга.

В самом деле, рассмотренное с собственно языковой, коммуникативной и социальной точек зрения, свойство гетерогенности литературного языка оборачивается такими характернейшими для него явлениями, как вариативные способы выражения одного и того же смысла. На этом покоится система перифразирования, без которой немислимо подлинное владение любым естественным языком, множественность реализации системных потенций, а также стилистическая и коммуникативная градация средств литературного языка, использование некоторых разрядов языковых единиц как средств социального символизма (ср. социальные различия в способах прощания, предусматриваемых нормой современного литературного языка: от социально немаркированного *сау къялыгъыз* «до свидания» до просторечного *хайда*, *хо* «пока») и т.п.

Норма литературного языка, обладая свойством единства и общезначимости, не запрещает, а предполагает различные, вариативные способы речи. И с этой точки зрения вариативность – как одно из проявлений более общего свойства гетерогенности – естественное, нормальное явление в литературном языке.

Гетерогенность литературного языка проявляется также в его локально и социально обусловленной вариативности: при общем и едином наборе средств литературного языка (фонетических, лексических, грамматических) и правил их использования эти средства различаются частотностью употребления их разными группами говорящих.

Гетерогенность (неоднородность по составу) литературного языка имеет как социальные, так и языковые проявления; она отражается в трех основных формах: 1) в неоднородности состава носителей – субстратная гетерогенность; 2) в варьировании языковых средств, зависящей от социальных характеристик говорящих (возраста, социальной принадлежности, профессии, уровня образования, территориальной характеристики и др.) – социальная, или стратификационная гетерогенность; 3) в варьировании языковых средств в зависимости от коммуникативных и стилистических факторов – функциональная гетерогенность.

Членение литературного языка в функционально-стилистическом отношении «ступенчато»: первое, наиболее очевидное, – это дихотомия книжно-письменного и разговорного языков. Называя это разделение литературного языка на две функциональные разновидности «самым общим и самым бесспорным», Д.Н. Шмелев писал по этому поводу: «На всех этапах развития литературного языка, даже при

преодолении так или иначе проявлявшейся отчужденности языка письменности, при потускнении ореола просто грамотности и владения особым книжным языком, у говорящих, в общем, никогда не исчезает ощущение различия между тем, «как можно сказать», и тем, «как следует написать» (Шмелев 1977, 168).

Книжный язык – достижение и достояние культуры. Он является основным носителем и передатчиком культурной информации. Все виды непрямого, дистантного общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную литературу, деловую переписку, законодательство, газетно-журнальную продукцию и даже такие устные по форме, но в целом строго кодифицированные сферы использования литературного языка, как радио и телевидение, невозможно себе представить без книжного языка.

Современный книжно-литературный язык – это мощное средство коммуникации. В отличие от другой разновидности – разговорного литературного языка (и тем более в отличие от таких подсистем национального языка, как диалекты и просторечие) – он полифункционален: пригоден для использования в самых разных сферах общения, для разных целей и для выражения самого разнообразного содержания. Письменная форма, как основная форма реализации книжного языка обуславливает еще одно важное его свойство: письмо «удлиняет время жизни каждого текста (устная традиция постепенно меняет текст); тем самым оно усиливает способность литературного языка быть связью между поколениями. Письмо стабилизирует язык, замедляет его развитие – и этим его усовершенствует: для литературного языка медленное развитие – благо» (Панов 1972, 18).

Итак, литературный язык характеризуется следующими свойствами, отличающими его от других подсистем национального языка:

1) нормированность; при этом литературная норма является результатом не только языковой традиции, но и целенаправленной кодификации, закрепляемой в грамматиках и словарях;

2) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов;

3) полифункциональность; литературный язык способен обслуживать коммуникативные потребности любой сферы деятельности;

4) коммуникативная целесообразность; это свойство естественным образом вытекает из членения литературного языка на функциональные стили и речевые жанры;

5) стабильность и известный консерватизм литературного языка, его медленная изменяемость; литературная норма должна отставать

от развития живой речи (ср. известный афоризм А.М. Пешковского: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет») (Пешковский 1959, 73). Это свойство литературного языка имеет исключительное культурное значение: оно обеспечивает связь между сменяющимися друг друга поколениями носителей данного национального языка, их взаимопонимание.

В социальном и коммуникативном отношениях одним из важнейших свойств литературного языка является его высокая социальная престижность: будучи компонентом культуры, литературный язык представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какой-либо другой.

Единство структуры национального языка осуществляется в наличии единой грамматической нормы, единой нормы словопроизводства, единой орфоэпической нормы, которые находят свое выражение в правилах грамматики данного языка, в орфографических и орфоэпических правилах и т.д. Но само это единство формируется исторически.

Соотношение всего лексического богатства единого общенародного языка и отдельных его форм употреблений, таких как разговорный язык, диалекты, регионализмы, правильная оценка соотношения этих отдельных форм употребления национального языка между собой являются необходимыми предпосылками изучения, становления и развития национального языка.

В процессе образования собственно письменности, унаследованные тюркские наддиалектные формы речи стали основной базой для становления общенародного языка. «И только благодаря наддиалектным формам народных языков, по справедливому мнению М.А. Кумахова, формировались литературные языки, сохранялись и развивались историко-культурные ценности, складывался межкавказский лексический фонд» (Кумахова, Кумахов 1985, 18).

Наддиалектный устный поэтический язык выполняет существенную роль в сближении диалектных расхождений, в выработке единых грамматических норм на основе общенародного языка и подготавливает тем самым почву для формирования национального литературного языка, для становления литературной нормы. «В этом – непреходящее значение языка эпоса в становлении лексических норм современного литературного языка» (Улаков 1994, 22).

Эпический язык является особым поэтическим языком, сложившимся в результате многовекового развития на основе отобранных поэтической традицией языковых форм реальных диалектов, но никогда не имевших прямых отношений ни с одним диалектом. Извлеченная из

реального диалекта форма начинала жить в поэтическом языке новой жизнью, будучи противопоставлена другим формам, в сочетании с которыми она в естественном языке не встречается. Разнодиалектные формы в языке единого произведения становились наддиалектными и образовывали сложное поэтическое единство. «Наддиалектность языка эпоса по новому дифференцировала разные формы, ставшие необходимой чертой эпического, а затем и литературного языка» (Славятинская 1981, 35).

Одним из признаков, подтверждающих статус литературного языка, является наддиалектность – это такая сумма языковых черт, которая не встречается ни в одном из диалектов и, соответственно, реализуется в двух направлениях: первом, заключающемся в отказе от узорегиональных фонетических, морфологических и лексических черт диалекта, что нередко сопровождается объединением признаков разных диалектных ареалов, и втором, состоящем в функционально-стилистическом обособлении, обусловленном спецификой функционирования и особенностей тех жанров, в которых реализовался данный литературный язык. С этим связана традиционность и известная архаичность штампов языка эпической поэзии (Гухман 1976, 260). Наддиалектность же поэтических произведений, на наш взгляд, отличается отсутствием территориальной ограниченности. Также показательной является совокупность функционально-стилистических примет, свойственная языку нартского эпоса. Они и составляют типологическую параллель языков. Преимущество наддиалектных форм, региональная специфика, обусловленная сохранением известной связи наддиалектных форм с тем или иным диалектным ареалом, являются широко распространенным свойством этих образований. Оно отмечается не только в разных вариантах наддиалектных обиходно-разговорных форм и в письменно-литературном языке, но и, главным образом, в языке эпоса.

Исследование языка эпоса с учетом жизненного уклада, миропонимания и обычаев балкарцев и карачаевцев, получивших соответствующее отражение в эпосе, позволяет считать, что они были созданы в дописьменный период развития карачаево-балкарского языка, «...даже до появления ислама, т.е. в VI–VII вв. или еще раньше» (Караева 1989, 47).

Карачаевцы и балкарцы в процессе многовекового исторического развития создали множество самых разнообразных по жанрам и тематике произведений устного словесного искусства, составивших общий для этих двух народов художественный фонд. Вместе с другими народами, населяющими Северный Кавказ (осетинами, адыгейцами, чеченцами, ингушами, абхазами, абазинами), они приняли участие в сложении эпоса о нартских богатырях – легендарных обитателях Северного Кавказа (Богатырев 1973, 14).

Мифы, народные сказания, легенды, словно невидимая цепь, протягиваются от поколения к поколению, соединяя их. Фольклор нередко позволяет современной литературе осознать мир не только в его умопостигаемом, но и в реальном единстве, помогает отдельному человеку и целому народу обрести свое место в системе культурных общечеловеческих ценностей.

За свою многовековую историю карачаевцы и балкарцы создали богатейший фольклор, центральное место в котором занимает героический нартский эпос. Первая публикация балкарских и карачаевских сказаний появилась в 1879 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», однако систематические записи и изучение этого памятника на научной основе стали осуществляться позднее.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что язык эпических произведений – это язык наддиалектный, отличающийся от повседневно-бытовой речи устойчивостью форм, обработанностью, архаичностью лексики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями. Его наддиалектность подтверждают устойчивые формулы, эпитеты, сравнения, метафоры, передававшиеся в процессе многовекового развития эпоса талантливыми сказителями из поколения в поколение, а также архаический характер его лексики (Боронов 1985, 71).

Диалекты карачаево-балкарского языка обладают богатой, самобытной лексикой. Так, в разных диалектах по-разному употребляются существительные: «шиповник» переводится как *итбурун*, *кьуллю* (ц.-диал.), *юлёкьу* (ч.-диал.); «слива» – *эрик*, *кьара эрик* (ч.-диал.), *кьыфца*, *гюрегей*, *хогулт* (ц.-диал.); наречия: «тихо» – *акьырын*, *акьыртын*, *тынч*, *сабыр*; «сейчас» – *олсагьат*, *олсагьатлай*, *олсагьатдан* и т.п. Это в определенной степени объясняется изолированностью, консолидацией в прошлом различных родов и их подразделений, ранними и поздними заимствованиями. Богатая и разнообразная национальная кухня, красочная одежда, обряды и обычаи, разносторонняя деятельность населения способствовали развитию языка. Так, язык изобилует различными терминологическими синонимами: «держак (на ручке косы)» – *гулос*, *гулой*, *гылмай*, *гылдыуай* (карач.) «подушечка на сиденье; обруч, оплетенный травой, на который кладется котел» – *аппун*, *аппын*; «кадка» – *куштел*, *чыккыр*, «паук, клещ, мелкое насекомое» – *гыбы*, *губу*, *габу*, «тупой» *гумух*, *гимадах*, *гумадах*; «посуда» – *адыр*, *саут*; «название хороводного танца, первоначально культового; имя богини-матери огня и название танца в ее честь; название урочища (в Балкарии)» – *Кепена*, *Кефена*, *Тепена*, *Тыпана*, *Тепана*; «петух» – *хораз*, *адакьа*, *кьычырыучу*, *гугурук*, *гугурукку*, *эркек*, *тауукь эркек*, *кьызылбаи*; «лопата» – *кюрек*, *жугар*,

бел, бекяхын; фразеологизмами: *кёзню жумуп ачхынчы, кёзню къагъып жумгъунчу, кёзню ачып жапхынчы, туюу деген сагъатха, туюу дегинчи* в значении «быстро, в мгновение ока»; пословицами: *атала сёзю – акъыл кёзю; атала сёзю – нарт сёзю* переводится как «изречения старших – изречения мудрости», *билим ёлмез, билимсиз кёрмез* «мудрость бессмертна, а незнание слепо» и т. д.

Весь процесс взаимообогащения, взаимопроникновения – это результат сложных этнических, исторических, экономических и географических положений и условий. «Каждый диалект имеет свою специфику, обуславливающую его самостоятельность» (Гузеев 1974, 62). Так, цокающий диалект (его малкарский говор) обуславливается такими фонетическими различиями: литературное **ч** изменяется на **ц**; а звук **ж** на **з**; **п** на **ф**; и т.п.: *ахча – ахца* «деньги», *чоюн > цоюн* «котел», *жух > зух* «рот, морда; край скалы», *жол > зол* «дорога», *пиринч > фирынц* «рис», *кёпюр > кёфюр* «мост» и т.д. Эти и другие особенности ц.-диалекта более подробно анализируются в работах А.М. Аппаева (1960); У.Б. Алиева (1963); Ш.Х. Акбаева (1963, 1975, 1999); Х.Л. Башиева (1981); Ж.М. Гузеева (1974, 1975, 1985).

Так, А.М. Аппаев пишет, что «...в качестве основного критерия для классификации балкарских диалектов можно принять так называемое «цокание» и «зокание». Эти два явления неразрывно связаны одно с другим» (Аппаев 1960, 16). Он выделяет четыре диалекта: черекский, хуламо-безенгийский, чегемский и баксанский. В цокающем черекском диалекте, в словах, где в литературном языке употребляется звук «ч», ему соответствует звук «ц»: *цибин* «муха» – лит. *чибин*; *цубур* «короткий жилет» – лит. *чубур*; *цефхен* «домотканое шерстяное сукно, черкеска; платье (карач.)» – лит. *чепкен*; *цёргем* «сверток» – лит. *чёргем*; *цомаца* «палка, которая вставляется в ярмо» – лит. *чомача*; *цоллакъ* «челнок» – лит. *чоллакъ*; *залкъа* «грива» – лит. *жалкъа*; *зортууул* «странствование, поход» – лит. *жортууул*; *зоргъа* «иноходец» лит. *жоргъа*; *желим* «клей» – лит. *желим*; *гуфха* «облучок на дереве» – лит. *гупха*; *кёфцек* «седельная подушка» – лит. *кёпчек*; *къафцыкъ* «мешок из бараньей шкуры» – лит. *къапчыкъ*; *цёфре* «отходы бузы, отжимки при изготовлении бузы» – лит. *чёпре* и т.п.

Диалект Черекского ущелья со свойственным ему «цоканьем» и «зоканьем» вклинивается также и в Хуламо-Безенгиевское ущелье. Поэтому второй диалект можно охарактеризовать как смежный с черекским и чегемским диалектами (там же, 28). Далее автор ошибочно утверждает, что фонетической особенностью данного диалекта является цокание, но в цокании уже не соблюдается последовательность, хотя, действительно, встречается нарушение гармонии гласных и замена

звука «м» звуком «н», как и в черекском ущелье. Например: *жетейин* «догоню» – лит. *жетейим*; *барайын* «пойду-ка» – лит. *барайым*; *козуне* «в его глаз» – лит. *кёзюне*; *халде* «в виде» – лит. *халда* и т.д.

За основу современного балкарского литературного языка принято считать диалект Баксанского и Чегемского ущелий, хотя в баксанском диалекте есть ряд специфических особенностей (*джилайды* «плачет» – лит. *жилайды*; *джомакъ* «сказка» – лит. *жомакъ*; *джюген* «уздечка» – лит. *жюген*; *келси* «пусть придет» – лит. *келсин*; *босу* «пусть будет» – лит. *болсун*; *о къыз* «та девушка» – лит. *ол къыз*; *адамлар* «люди» – лит. *адамла*; *айттылар* «сказали» – лит. *айтдыла*; *билгенлейиме* «как только узнал» – лит. *билгенимлей*; *келгеникде* «когда пришли» – лит. *келгенибизде* и др.), свойственных только этому диалекту и не входящих в современный балкарский литературный язык (Там же, 43).

Как видно из вышеизложенного, А.М. Аппаев классифицирует диалекты по признаку цоканья, хотя в итоге в каждом ущелье свой диалект (черекский, холамо-безенгийский, чегемский, баксанский). Но учитывая, что это первый опыт в своем роде, автор не претендует на окончательное разрешение проблем в этой области.

Главным недостатком исследования А.М. Аппаева является то, что в нем язык балкарцев признается самостоятельным языком, и количество диалектов определяется по количеству ущелий в Балкарии. Работа же автора вышла в свет в 1960 г., когда язык карачаевцев и балкарцев был единым, карачаево-балкарским.

У.Б. Алиев выделил в карачаево-балкарском языке три диалекта: карачаевский, промежуточный (баксано-чегемо-холамо-безенгийский) и малкарский. Однако, различия между баксано-чегемским и карачаевским говорами не такие значительные, по сравнению с холамо-безенгийским и баксано-чегемским говорами, что не дает достаточно оснований для выделения карачаевского говора в самостоятельный диалект.

Ш.Х. Акбаев выделяет два диалекта (основной, составивший основу литературного языка, и малкарский) и два говора, причем один из них входит в диалект, другой занимает зону между диалектами и в структурном отношении характеризуется совмещением обоих диалектов (Акбаев 1999, 11).

Наиболее полную и верную классификацию диалектов в карачаево-балкарском языке на сегодняшний день дает Ж.М. Гузеев, который выделяет два диалекта: ц.-диалект (с малкарским и холамо-безенгийским говорами), ч.-диалект (с баксано-чегемским и карачаевским говорами) (Гузеев 1974, 63). Следует отметить, что

территориальное членение более верное, так как воздействию как родственных, так и не родственных языков подвержены все диалекты.

К примеру, общее для тюркских языков явление протезы (вставка гласных в начале слова), вызванное в основном системой данных языков, находит широкое применение в русизмах, арабизмах и частично в исконно балкарских словах: *ырахат* / *рахат* «спокойно, спокойствие», *ыстауат* / *стауат* «стадо», *юлёкьу* / *лёкьу* «шиповник», *ырысхы* / *рысхы* «имущество, богатство», *илячин* / *лячин* «коршун», *ыразылыкь* / *разылыкь* «довольство, удовлетворенность чем» и т.п.

Эпентеза, то есть вставка тех же гласных в середине слов между сочетаниями согласных **бр, кър, пр, др, тр, хр, мр, мж, мч**, также последовательно проводится в русских и других заимствованиях: *тебуре* / *тебре* «собираться (куда-либо)»; *чокьуракь* / *чокьракь* «ракушка»; *чапыракь* / *чапракь* «лист бумаги, лист растения»; *топуракь* / *топракь* «почва, земля»; *седуре* / *седре* «размотаться, раскрутиться; разладиться»; *татыран* / *татран* «горчица»; *ахырат* / *ахрат* «тот свет, последний покой (досл.)»; *томуроу* / *томроу* / *томурау* «чурка, чурбан, колода; обрубок бревна»; *томуроу бычхы* «поперечная пила»; *къамыжакь* / *къамжакь* «жук»; *къамичи* / *къамчи* «розга» и т.д.

Сложность разграничения уровня письменного языка и уровня диалекта в применении к фонетико-орфографическим и морфологическим признакам – характерная черта письменного языка. С этим связаны длительные дискуссии между специалистами при определении причин сосуществования в языке многих памятников разнодиалектных признаков – отражает ли эта особенность специфику диалектного ареала, к которому относится данный памятник, или это явление обработанного языка, а быть может, влияние переписчика, не дошедшего до нас оригинала. Все эти обстоятельства крайне затрудняют изучение соотношения диалекта и языка письменности древней поры (Гухман, Семенюк 1983, 46–47).

Карачаево-балкарский литературный язык, являясь многофункциональным и стилистически дифференцированным образованием, в полной мере сохраняет способность к территориальному варьированию. Оно основывается на локальном членении устного языка, хотя в результате действия наддиалектных тенденций полного совпадения литературно-письменных разновидностей языка с диалектными особенностями ни в одной из функциональных сфер не наблюдается.

Таким образом, карачаево-балкарский литературный язык не обладает еще единообразием, обнаруживая на всех своих уровнях тенденцию к варьированию языковых средств, значительно усиливавшую нестабильность его системы.

В лексическом варьировании, имевшем преимущественно наддиалектный статус, получили реализацию процессы интенсивного развития словарного состава языка письменности. Будучи наиболее мобильной подсистемой языка, лексика быстро и непосредственно реагирует на изменения, происходящие в общественной жизни народа, в материальных формах его существования, в его идеологии.

Наряду с разнообразными процессами, приводившими к обогащению словарного состава карачаево-балкарского языка, выделяется группа лексем, которые в течение определенного периода постепенно выходили из употребления или функционировали в качестве архаизмов, способствуя созданию стилистических разграничений. Например:

*Аланы душманны **садакъ** огуу бла **сырпыны** тешалмазча,
Дебет аллай **кюбе** бла **такъыя** хазырласын,
Садакъ окъланы жилиян уу бла къатдырсын,
Ишленген окъ **илишандан жазмасын!**
Сырпын, созулуп, баи кесиучю болсун!*

«Пусть Дебет изготовит такую кольчугу и шлем,
Чтобы вражеская стрела и меч не могли их пробить.
Пусть стрелы змеиным ядом закалит,
Пусть изготовленные (им) стрелы не минуют цели!
Пусть (его) меч, удлиняясь, (сам) отсекает головы!»

В приведенном отрывке про Ёрюзмека и Красного Фука явно прослеживаются стилистические особенности архаизмов. Например, *садакъ окъ* «стрела» (*атанга голия*, где *голия* также в значении стрела), *сырпын* «меч», *кюбе* «кольчуга», *такъыя* «шлем», *илишандан жазмасын* «не минует цели (стрела)» в современном карачаево-балкарском литературном языке не употребляются, но, тем не менее, понятны носителям языка.

Карачаево-балкарский язык в своей устной форме сложился и воплотился в языке устно-поэтического народного творчества. Текст поэтического фольклора исполнителями воспроизводился без особых изменений и в ходе исторического бытования подвергался постепенной шлифовке, приобретая междиалектный, а затем и наддиалектный характер.

Так, до появления собственно письменности, – отмечает З.Б. Караева, – существовала устная форма карачаево-балкарского языка, сформировавшаяся на основе разговорного языка (Караева 1989, 47). Ее основной лексический фонд составляли диалектные слова, при отборе которых обращалось внимание на фонемы, морфологические формы и, собственно, слова.

Языковая ситуация, предшествовавшая созданию письменности, реконструируется лишь гипотетически. Выделяются два языковых уровня, две страты: обработанный тип языка, представленный в устной поэзии, в языческих обрядах, и язык повседневного общения, совокупность разговорных форм диалектов. Обработанный устный язык выступает в качестве древнего варианта наддиалектного типа. Таким образом, особое место среди тех жанров, где использовалась эта языковая форма, принадлежало эпической поэзии. Специфические приемы словесного творчества, любовь к синонимическому варьированию, способствовавшая созданию новых сложных лексических образований, закреплявшихся в поэтическом языке и становившихся шаблонами и формулами, использование архаической лексики резко обособляли язык устной поэзии от спонтанной устной речи:

*Деу Ёрюзмек саулай нартны башыды,
Усхуртукланы Усхуртукну жашыды.
Къонгур мыйыкълы, къой кёзлю,
Ётюрюксюз, кеси тамам бир сёзлю.
Ёрюзмек дегенинг нарт ёзденди.
Ол кёп кыйынлыкълагъа тёзгенди...
Тёбе санлы, арслан кёлли Ёрюзмек,
Сермегенин сытарча, ёсгенди бек.*

«Могучий Ёрюзмек – глава всех нартв,
Схуртука Схуртукова сын.
Темноусый, с глазами (большими), как у барана,
Правдивый, верный своему слову.
Ёрюзмек – нартский уздень.
Он много трудностей пережил...
Ёрюзмек вырос сильным и могучим,
Ростом с курган, с душою, как у льва».

В приведенном примере мы видим описание Ёрюзмек, закрепившееся в поэтическом языке, встречающееся и в дальнейшем тексте эпоса, шаблоны *тёбе санлы* «курганоподобный», *арслан кёлли* «душа, как у льва» и формулы типа *деу Ёрюзмек* «могучий Ёрюзмек» и т.д.

О наддиалектности языка карачаевцев и балкарцев свидетельствуют такие установившиеся устойчивые формулы, как модели-эпитеты, сравнения, метафоры, встречающиеся в нартском эпосе и придающие архаический характер его лексике:

*Нартла, жорта, Кёсе таугъа жетдиле,
Тёбелеча, эмегенле кёрдюле.*

*Нарт батырла садакълагъа болдула,
Садакъларын алагъа терк бурдула.
(Эмегенле) гыйыланы алып атдыла,
Нарт батырла къауум-къауум чандыла.
Эмегенле, ачыуланып, къая ташила къандыла,
Кёсе таудан къула тюзге къачдыла.
Деу Ёрюзмек къычыргъанды, хахайлап:
– Эмегенни тауусугъуз! – деп, тууайлап.
Алф Ёрюзмек сырпынын булгъай эди,
Аууз жели булутланы чача эди.
Сырпыны да, элияча, чакъгъанды,
Эмегенни бир ургъанлай жыкъгъанды.*

«(Долго) скакали нарты и до горы Кёсе добрались,
(Там) увидели эмегенов, огромных, как курганы.
Нартские богатыри схватили луки,
Стали в них целиться.
(Эмегены) каменные глыбы в нартов стали бросать,
(Но) нартские всадники (продолжали) их теснить.
Эмегены от злости камни кусали,
С горы Кёсе в бескрайние степи бежали.
Могучий Ёрюзмек громко закричал:
– Уничтожайте эмегенов!
Нарт Ёрюзмек мечом размахивает,
Сказанным словом тучи разгоняет.
Его меч, как молния, сверкает,
Разит эмегенов одним ударом».

В данном отрывке из нартского эпоса мы отчетливо видим такие сравнения, как *тёбелеча* «как курганы» (об эмегенах), *элияча* «как молния» (о мече Ёрюзмек); архаизмы: *садакъла* «стрелы», *гыйыла* «сланцы, плоские слоистые камни», *сырпын* «волшебный меч»; метафоры: *кёсе тау* досл. «лысая гора», *къула тюз* «бескрайняя степь»; это выражение имеет также значение «могильная степь, откуда никто не возвращался», *аууз жели* «слово сказанное (Ёрюзмеком)»; модели-эпитеты: *нарт батырла* «могучие богатыри», *деу Ёрюзмек* «сильный, могучий Ёрюзмек», *алф Ёрюзмек* «великий Ёрюзмек» и т.д.

Безусловно, язык нартского эпоса лексически очень богат, и в дальнейшем его изучение как наддиалектной формы карачаево-балкарского языка будет только способствовать решению различных вопросов истории карачаево-балкарского обиходно-разговорного, а также литературного языка.

Следовательно, если не ограничивать историю наддиалектных форм и, в частности, историю письменно-литературного языка только

поздним периодом, то наличие региональных признаков в различных наддиалектных формах речи окажется узальным (Десницкая 1981, 17).

Вместе с тем в разновидностях обработанной наддиалектной речи выделяются функционально-стилистическая и обиходно-бытовая формы. Изучение языкового аспекта фольклора является одной из важнейших задач карачаево-балкарского языкознания. Роль эпоса в формировании национального языка, нравственного, эстетического и идейного облика народа очень велика. Карачаево-балкарский героический эпос воплотил в себе высокие идеи, глубокие национальные чувства. Народ, творя образ эпического героя, наделяет его всей мощью народного сознания посредством релевантного языка.

Известно, что нормы литературного языка не являются чем-то вечным и устойчивым, они подвергаются медленным, но постепенным изменениям. Так как язык всегда развивается вместе с обществом, в определении объективной оценки современного его состояния и норм следует опираться не на сумму объективных мнений, а на анализ исторических и современных закономерностей.

Целенаправленный и сознательный характер процессов нормализации и специфический характер развития отличают литературный язык от наддиалектных форм. Наддиалектность – это термин, который скрывает за собой общие представления о более или менее существенных расхождениях между диалектными, устными и письменными формами. Наддиалектность возникает и проявляется в результате воздействия некоторых стимулов, определенных потребностей общества, которые определяют пути развития, а также и самый характер возникающих наддиалектных языковых форм.

Наддиалектность – свойство не только современного, но и древнего долитературного языка. Наддиалектные формы языка обычно понимаются как обладающие определенными функциональными и структурными признаками языковых единиц, возникающих в рамках одного языкового ареала, поскольку эти формы занимают более высокое место на шкале коммуникативных функций по сравнению с этно-территориальными диалектами, но при этом остаются ограниченными региональными рамками.

Так, между диалектами изучаемого языка складывались определенные взаимоотношения в виде наддиалектной нормы, обслуживающей более высокие сферы общения, в том числе устную поэзию, религиозные обряды, а также основные аспекты общественной жизни ареальных коллективов.

Формирование наддиалектных канонов карачаево-балкарского языка началось с процесса перехода диалектных форм к языковому

единству в пределах складывающейся народности (Улаков 2007, 84). В условиях отсутствия собственной письменности и слабого влияния исконно общетюркских письменных традиций основную роль в становлении норм лексической системы карачаево-балкарского языка сыграли обобщенные формы устной речи. Источником служили традиционные каноны древнетюркских наречий, сложная цепь взаимоотношений собственно диалектов, расширение структурных типов и социальных функций наддиалектных форм языка.

Таким образом, наличие необработанных устных наддиалектных форм не ограничено определенной языковой ситуацией. И, безусловно, формирование наддиалектных типов карачаево-балкарского языка совершается в результате постоянного устранения определенной части регионально связанных черт и возникновения – путем сознательного или стихийного отбора, а также в результате самостоятельного спонтанного развития – языковых систем более широкой территориальной и функциональной сферы использования.

2. Преемственность наддиалектных форм в становлении карачаево-балкарского литературного языка

Одним из существенных факторов, определяющих особенности функциональной парадигмы языка, характер противопоставления ее членов, бесспорно, является наличие или отсутствие давней письменной традиции, хотя функциональная стратификация из-за отсутствия ее отличается не только необычной устойчивостью дихотомии «диалект – литературный язык», но и статусом других языковых страт, в частности, разговорной речи, занимающей важное и самостоятельное место в стратификационной схеме старописьменных языков, чего нельзя сказать обо всех новописьменных языках.

Литературный язык, как язык, обработанный мастерами слова обладает определенными нормами, которые имеют следующие признаки: устойчивость, стабильность языкового факта; его распространенность, его соответствие закономерностям и тенденциям языка, принципы целесообразности, а также авторитет источника. По справедливому замечанию Ж.М. Гузеева, все эти признаки должны учитываться вместе (Гузеев 1984, 56).

Перед исследователями истории языка неизбежно возникает вопрос, следует ли разграничивать историю литературного языка и историю народно-разговорного языка. Историю языков с давней литературной традицией надо составлять раздельно (в зависимости от

«возраста» тюркские языки делятся на три группы, в первую входят языки, литературные формы которых существуют в продолжение нескольких столетий, их сравнительно немного; вторую группу составляют языки, литературные формы которых насчитывают небольшой период существования (полвека и меньше). Это – самая большая группа. Третью группу образуют языки, не имеющие литературной формы совсем) – историю литературного языка и историю народно-разговорного языка. Литературный язык – ответвление от общенародного, разговорного языка, хронологически более позднее образование, чем язык во всей совокупности диалектов. История литературного языка – это история формирования его норм и стилей, воплощенных в художественных произведениях, в прессе и в устной речи образованного населения. История литературного языка складывается из истории донациональной и национальной поры.

Тюркские литературные языки древней (донациональной) поры исследовались В.В. Радловым, А.Н. Самойловичем, П.М. Мелиоранским, С.Е. Маловым, А.К. Боровковым, А.Н. Кононовым и др. В настоящее время в этой области работает много исследователей. Расширяется круг задач, ставятся новые вопросы, но сохраняется неизменным лишь структурно-генетический подход к донациональным языкам. Безусловно, изучение графофонетической, грамматической и лексической структур донациональных языков останется одной из важных задач. Но не менее важной задачей является исследование функционально-стилистической структуры данных языков.

Исследование этой особенности откроет путь к пониманию статуса донациональных языков и их роли в формировании литературных языков национальной поры. Динамика процесса в общем виде представлена таким образом. Язык, зафиксированный памятниками тюркского рунического письма, был структурно разнороден (огузо-уйгурской природы) и носил наддиалектный характер. Им как литературным языком (рунический вариант) во всех стилистических разновидностях пользовались многие древнетюркские племена (огузы, уйгуры, кыпчаки и др.).

После IX века турфанские уйгуры, сохраняя основы рунического койне (общенародный язык, возникший на основе какого-либо господствующего диалекта или нескольких диалектов (Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2 1983, 69)), добавили к нему свой национальный материал и создали, таким образом, наддиалектный стандартный древнеуйгурский литературный вариант. Он обладал чрезвычайно богатыми грамматическими и лексическими системами и разнообразием стиливых вариаций (религиозный, художественный, научный, юридический, деловой, эпистолярный стили).

Древнеуйгурский литературный язык, очень популярный в свое время, был использован при создании третьего наддиалектного литературного варианта, который по структурно-генетическому принципу именуется караханидско-уйгурским. В XV веке на основе караханидско-уйгурского варианта усилиями Алишера Навои и его предшественников был создан, а в дальнейшем блестяще развит четвертый наддиалектный литературный вариант, называемый в научной литературе чагатайским.

Число древнетюркских литературных вариантов этим не исчерпывается. Существовали такие варианты более узкого, локального характера – языки огузских, болгарских и кыпчакских памятников.

Названные четыре литературных варианта имели широкий пространственный и временной диапазоны действия.

Чагатайское влияние испытывали в течение долгого времени многие современные национальные литературные языки – Средней Азии, Поволжья, Казахстана, Киргизии, Турции и др.

В процессе демократизации литературных языков получали перевес национальные элементы, которые добились господствующего положения: национальные языки ориентировались теперь на определенную в каждом случае диалектную основу.

История национальных литературных языков современных тюркских народов с давней письменной традицией не может не учитывать конкретный ход взаимодействия старых и новых литературных языков, не принимать во внимание этой ретроспективы, чрезвычайно важной в лингвистическом и культурно-историческом отношениях.

Следовательно, обиходно-разговорный народный язык, обработанный мастерами слова, является неистощимым источником пополнения литературного языка. Поэтому «...разговорная речь обслуживает все сферы деятельности карачаевцев и балкарцев, объединяет различные пласты: регионализмы, диалектизмы, просторечия, фразеологизмы и др., не имея строгих нормированных границ, в отличие от литературного языка, где такие границы строго установлены. Для разговорной речи характерны спонтанность, неофициальность, непринужденность, непосредственность общения, а главное – стремление к экономии языковых средств, – следовательно, она – речь устная, представляющая собой особую стилистически однородную функциональную некодифицированную систему, противопоставляемую кодифицированной речи литературного языка. Разговорная речь характеризуется особыми условиями функционирования, как то: отсутствием предварительного отбора языковых средств, непосредственностью речевого общения между его участниками» (Жашуев 2009, 17).

Ранняя история некоторых литературных языков, соотносимая с родоплеменной общественной структурой, характеризуется обобщенными типами устной речи, которые, закрепляясь письменностью, становились основой литературных языков.

Длительный процесс подобной обработки языка определил его произносительные нормы, – стабилизировались системы употребления как отдельно взятых слов, так и наиболее обиходных грамматических оформителей.

Фольклор, вызванный к жизни общественной необходимостью, свои жанры и стилевые особенности формирует веками, шлифуя их через горнило языкового коллектива. Только в новых изменившихся условиях каноны фольклора переходят в другое состояние, начинают соотноситься с традициями иной речевой культуры. Так, например, для родоначальников письменной литературы параллелизмы изустной поэтики, завуалированное речение через аналогии, паратаксическое построение повествования, рассчитанное на психологическое воздействие на слушателей, представляли своеобразный курс народной школы литературного мастерства. Такова была преемственность между устно-поэтической традицией и письменной литературой (Жубанов 1988, 64).

Своеобразие функциональной парадигмы молодых литературных языков во многом определяется также билингвизмом – национально-русским, получившим широкое распространение среди носителей данного языка.

Также новописьменные языки, повторяя в своем развитии в известной степени путь старописьменных языков, дают, как нам представляется, материал для типологической верификации функциональных систем, существовавших в более ранние исторические эпохи.

Устная авторская поэзия, будучи высокохудожественной, опирается на основной и важнейший состав языка, являющийся также основным и важнейшим для всех диалектов языка, а потому и наиболее стойким.

Современный карачаево-балкарский язык, как и другие тюркские языки, прошел сложный и длительный путь развития. Параллельно с творчеством тюркоязычных поэтов шло развитие устно-поэтического народного творчества, которое своими корнями уходит вглубь веков. Для них была характерна наддиалектная обработанная форма языка.

Иными словами, функциональные парадигмы, построенные с помощью гипотез и реконструкций, в ряде случаев могут быть типологически обоснованы данными, дошедшими до нас в живой традиции, а нередко в первозданной форме. Функциональная дифференциация языка, соотношение его разных форм существования – диалекта,

литературного стандарта, других наддиалектных типов речи – явление историческое.

Отсюда вытекают многообразие членения и варьирования в разных языках, различия между членами функциональной парадигмы языка с точки зрения их статуса.

Специфика функциональной стратификации языков состоит еще в том, что далеко не всегда имеются промежуточные формы или страты между диалектом и литературным языком, если под понятием промежуточной формы понимать наддиалектное образование типа просторечия или диалекта.

В текстах нартского эпоса можно выделить лексические диалектизмы: *кичи* (ц.-диал.) – *гитче* (ч.-диал.) «младший, маленький», *саут юй* (ч.-диал.) – *аш юй* (ц.-диал.) «кухня», *къаугъа* (ц.-диал.) – *къайгъы*, *хахай* (ч.-диал.) «переполох, смятение, внезапная тревога»; *уууз* (ц.-диал.) – *ырпыс* (ч.-диал.) «молозиво», *чогъожлен* – (ц.-диал.) – *сокъуран* – (ч.-диал.) «передумать, пожалеть», *эрик* (литер.) – *къыфца* (ц.-диал.) «слива» и т.д.

Нужно обратить внимание и на фонетические диалектизмы: *зылауукъ* (ц.-диал.) – *жиляуукъ* (ч.-диал.) «плакса», *жаяу* (ч.-диал.) – *зыйяу* (ц.-диал.) «пешком», *быцакъ* (ц.-диал.) – *бичакъ* (ч.-диал.) «нож», *ахсай-ахсай* (ц.-диал.) – *акъсай-акъсай* (ч.-диал.) «хромая, прихрамывая», *бишлакъ* (ч.-диал.) – *бышлакъ* (ц.-диал.) «сыр», *чапыракъ* (ч.-диал.) – *цафыракъ* (ц.-диал.) «страница, лист» и т.д.

Цокающий диалект имеет и некоторые морфологические особенности. Например, наблюдается стяжение формы глагола типа *боллугъенг* (ц.-диал.) – *боллукъ эдинг* (ч.-диал.) «был бы», *келсе уа* (ч.-диал.) – *келсеаа* (ц.-диал.) «а если придет».

Близость тюркских языков между собой и сложное их взаимодействие проявляются весьма часто и в том, что диалектная основа тюркского языка оказывается нормой для другого тюркского литературного языка или общенародного языка. Например: «шиповник» *итбурун* (балк., диал.), *итбурун* (азерб.), *этморон* (башк., диал.), *итбурун* (кум.), *ийт бурын* (ног.), *етпорон* (тат., диал.), *итбурун* (узб.); «бабочка» *дибилдирик*, *къубаллек*, *гёбелек* (балк., диал.), *губелек* (к.-калп.), *кôпôлôк* (кирг.), *гобелек* (кум.), *кепинек* (уйг.); «дождь» *жауун* (балк.), *джангур* (карач.), *янгур* (кум.), *ямгъур* (казах.), *жауны* (к.-калп.), *жамгыр* (кирг.), *жамгыр* (ног.), *ямгыр* (туркм.), *ягмыр* (узб.), *ёмгыр* (уйг.), *ямгур* (алт.), *дангмыр* (хак.), *нагбур* (шор.) и др. Следовательно, диалектная лексика одного и того же языка является также нормой, неотъемлемой принадлежностью диалекта другого тюркского языка. Некоторые

общие лексические явления в диалектах отражают не прямые контакты тюркских языков и диалектов, а экстралингвистические явления.

Преемственность наддиалектных форм устной речи в языке фольклора складывается в разных исторических условиях. Они различны с точки зрения длительности и устойчивости традиций, характера функционирования, соотношения с другими типами, разновидностями языка, а также роли в истории становления и развития письменно-литературного языка.

О наддиалектности языка карачаево-балкарского нартского эпоса свидетельствуют не только упомянутые особенности: установившиеся устойчивые формулы, модели-эпитеты, сравнения, метафоры, но также архаический устойчивый характер его лексики. Например: *орман* «лес», *къалкъан* «щит», *къара атхан* «стрелять в мишень», *гысса* «кожаный мешок между *къапчыкъ* и *тулукъ*», *гыпхын* «приспособление из дощечек или прутьев, накладываемое по обе стороны шеи коров, не дающее возможности сосать свое вымя; шина, применяемая в медицине», *барамта* «самовольный захват имущества должника с целью вернуть долг», *оба* «могила», *байкъама* «могучий, великий», *байдам* / *байдамлыкъ* «радость, веселье; радостное событие», *жортууул* «набег» и т.д. Архаизмы в языке эпоса придают ему особый, присущий только ему специфический колорит: *кюбе* «щит», *сырпын* «меч», *пелиуан* «богатырь», *нарт* «богатырь; мудрец», *садакъ окъ* «стрела», *айбалта* «бердыш», *мондай* «глупый» и т.д.

Дальнейшее изучение языка нартского эпоса как наддиалектной формы карачаево-балкарского языка может способствовать решению многих вопросов истории последнего.

До сих пор основное внимание уделялось изучению карачаево-балкарского эпоса как литературного памятника, язык же нартского эпоса оставался вне поля зрения исследователей. В последние десятилетия в этом отношении наметился определенный сдвиг, так как специалисты стали уделять внимание различным аспектам фольклора, его роли в формировании и развитии национального языка. В этом ключе исключительно большой интерес представляет язык карачаево-балкарского нартского эпоса, поскольку исследование его функционально-стилистической структуры поможет определить роль наддиалектных типов в формировании литературного языка.

Важно отметить, что функционально загруженным и вместе с тем приобретшим наддиалектный характер предстает любое даже чисто грамматическое средство, которое подверглось литературной обработке.

Наддиалектность поэтических произведений, для которой показательными являются отсутствие территориальной ограниченности и

совокупность функционально-стилистических примет, составляет типологическую параллель языков. Региональная специфика, обусловленная сохранением известной связи наддиалектных форм с тем или иным диалектным ареалом, является широко распространенным свойством этих образований. Она отмечается не только в языке эпоса и в разных вариантах наддиалектных обиходно-разговорных форм, но и в письменно-литературном языке.

Благодаря богатству живой эпической традиции фольклор народов Северного Кавказа уже с конца XIX века составил основное поле исследования универсальных признаков эпического творчества и исторических условий его бытования, а также характерных для него формально-языковых средств.

Фактор устойчивости стереотипных моделей языка фольклора в самом широком понимании этого термина, т.е. включая сюда не только произведения устно-поэтического творчества, но и текстовый материал разного рода календарных, семейных и общественных ритуалов, принятых в сельском быту, а также устные формулировки норм обычного права, играет определяющую роль в создании сублимированной формы устной народной речи, которая и по своей функции, и по своим формально-стилистическим признакам, а также и по характеру лексики отличается от речи повседневно-бытового общения.

Иначе говоря, для высоких жанров песенного фольклора используется наддиалектная форма речи, которая по своему обобщенному характеру оказывается близка к литературной форме общенародного языка. В связи с этим возникает вопрос об истории образования народно-поэтической формы языка. На больших исторических дорогах, и вообще в благоприятных условиях соседства и взаимных влияний, диалекты общались, сближались формы и словарь, получалось нечто среднее, действительно шедшее навстречу литературному языку, когда он сложился в том или другом центре и стал районировать.

Помимо указанного пути, образование народно-поэтической формы происходило в результате взаимодействия, сближения и обобщения говоров, что являлось результатом распространения песенного материала в смежных диалектах.

Устно-поэтическое народное творчество уходит своими корнями вглубь веков, причем для фольклорных произведений всегда была характерна наддиалектная обработанная форма языка. На протяжении всей истории развития литературного языка именно в народной поэзии (как эпической, так и лирической) сильнее ощущался дух народа, дух живой разговорной речи.

Параллельно с классической поэзией в народе развивалась народная поэзия. Созданные самим народом, эти поэтические произведения, исполнявшиеся на торжествах в сопровождении национальных музыкальных инструментов, передавались из уст в уста, проходили устную литературную обработку, поэтически и стилистически отшлифовывались.

Карачаево-балкарский национальный литературный язык создавался и окончательно сформировался в результате взаимодействия и взаимовлияния этих двух струй – эпической и лирической. Наряду с письменной литературой карачаевцы и балкарцы обладают богатым, многожанровым фольклором.

Особенно широко представлены в карачаево-балкарском фольклоре эпические произведения, сказки, легенды, песни, притчи, загадки, мифы и т.п. Большинство (если не все) этих произведений устного народного творчества создавалось в дописьменную пору развития карачаево-балкарского языка, хотя и были зафиксированы письменно несколько позже.

Будучи продуктом устно-поэтического творчества, в языковом отношении эти произведения всегда возвышались над повседневной бытовой речью и, как правило, все они носили наддиалектный характер. Исследования показывают, что в поэтических произведениях фольклора конкретные черты территориальных диалектов дают о себе знать, но редко. Причем обычно это случается лишь в конечных, то есть рифмующихся словоформах.

Нужно отметить, что языку эпических сказаний и поэзии устного народного творчества карачаево-балкарского народа на протяжении веков в определенной степени были присущи некая селективность и обработанность, что было связано с интуитивно осознаваемой адаптацией языка исполняемого певцом (жырчы) произведения к общенародному языку.

Возникновение карачаево-балкарского национального литературного языка начинается с образования языка народного. Нет сомнения, что на первом этапе функционирует устное ответвление этого литературного языка. Социально-экономическое объединение различных племен обуславливает единство и их художественного творчества. Афоризмы, пословицы и поговорки, песни, легенды и мифы переходят от племени к племени. Так начинается процесс обобщения языковых категорий. Все непонятное, неупотребительное в речи других племен отбрасывается, ибо в языке произведений устного творчества, хотя и стихийно, все же учитывается возможность понимания их всем коллективом.

Можно сказать, что в слиянии письменных языков большое значение имеет полное понимание произведений устного творчества. Таким

образом, формируется карачаево-балкарский общий устный литературный язык.

Преемственность наддиалектных форм в истории карачаево-балкарского литературного языка можно проследить и на примере эпоса «Нарты». Здесь широко развита синонимия. Количество синонимических параллелей в эпосе увеличивается по мере его творческой переработки в многовековой устно-поэтической передаче. По мере того, как сказания приобретают исламский колорит, в них появляются также соответствующие арабо-персидские лексические эквиваленты. Весьма часто встречаются в эпосе сочинительные парные словосочетания, объединяющие в одно целое синонимичные компоненты. Также в эпосе наблюдается варьирование и т.п.

Во всех тюркских языках в живой разговорной речи широко представлены парные, парно-повторные слова, параллельное употребление антонимичных и синонимичных пар слов, а также глаголы с так называемым внутренним объектом. Неслучайно, что в народно-поэтическом творчестве, широко использующем языковые средства живой разговорной речи, все эти повторы образуют целую систему. Устно-поэтическая традиция была воспринята письменным литературным языком, представленным в классической поэзии. Заметим, что некоторые из фразеологизмов, употребляемых в эпосе, возникли в связи с древнейшими обычаями, жизненным укладом и мироощущением народа. Все эти и подобные им фразеологизмы прочно вошли в литературный язык и широко употребляются как в живой разговорной речи, так и в языке художественной литературы с тех пор и по сей день. И хотя язык эпоса всегда возвышался над обыденной речью, здесь употребляются и присущие ей слова, типа *айтдырмай кьоймай эсенг* «в конце концов»; досл.: «если вынуждаешь говорить», *ачыулан* «сердиться», *атылгъан* «оставшийся, покинутый» и др.

Точность, лаконичность и ясность являются характерными чертами языка эпических произведений, ярким примером которого служит нартский эпос. При обращении героев субъективная оценка говорящего дифференцирована четко, текстуально-конструктивно. Здесь, подобно интонационным градациям, возможны ступени, начиная с многословного нанизывания друг на друга эпитетов, при положительном эмоционально-экспрессивном ключе и заканчивая полным отсутствием всякого эпитета при резко выраженном отрицательном отношении говорящего к собеседнику. Это явление можно рассматривать как своеобразное табуирование, что характерно и для языка письменной литературы.

В структуре живого общенародного языка, представленного в наддиалектной форме в устном народном творчестве и в книжно-письменном

языке, мы прослеживаем взаимовлияние и взаимосвязанность друг с другом на протяжении всей истории развития литературного языка. Устный литературный язык, который ранее находил свою реализацию в устном народном творчестве, начинает превалировать над классическим литературным языком, достигает особого совершенства.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что усиление тенденции к демократизации литературного языка обусловило обращение к народно-поэтическим традициям, дошедшим до нас из глубины веков не только в устной передаче, но и в письменно зафиксированном виде, древнейший образец которого представлен эпосом «Нарты», сохранившим в первозданном виде бессмертное и бесценное языковое творчество народа.

К сожалению, исключительно древнее, богатое и разнообразное в жанровом отношении литературное творчество народа дошло до нас лишь в устной форме. Многие из произведений народно-поэтического творчества, уходящие своими корнями вглубь веков, были зафиксированы на письме только после XVII в. Среди них особое место принадлежит эпосу «Нарты». Исследование языка эпических произведений с учетом жизненного уклада, миропонимания и обычаев, получивших соответствующее отражение в эпосе, позволяет думать, что эпос «Нарты» создавался в дописьменный период развития карачаево-балкарского языка, возможно даже еще раньше, чем зародился ислам.

Следовательно, наддиалектный характер почти всех произведений карачаево-балкарского народного устно-поэтического творчества, начиная с эпоса и заканчивая современной карачаево-балкарской поэзией, определяется, прежде всего, территориальной незамкнутостью и консолидирующей тенденцией их языкового статуса, облегчившими формирование и развитие литературного языка на основе не только классического письменно-книжного языка с преобладанием в нем элементов обиходно-разговорного языка.

3. Обиходно-разговорные формы языка в его национальных вариантах

Национальные особенности того или иного языка уже давно привлекают к себе пристальное внимание. По различным причинам, а в первую очередь по политическим или национально- и государственно-правовым, вопросы особенностей языка, как показывает опыт, приобретают иногда большую остроту.

Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить объективные особенности языка в пределах его распространения и дать такому состоянию системы языка адекватное терминологическое определение. Интерес к различным аспектам этой проблематики со стороны лингвистов отмечался уже давно, но лишь в последние десятилетия он обозначился наиболее полно.

Под структурой или строением языка мы понимаем иерархическую совокупность форм, в которых язык проявляется на определенном этапе его развития. Следует отметить, что, кроме литературного, современная карачаево-балкарская речь представлена различными обиходно-разговорными формами и диалектами. Противопоставленными единицами иерархии, образующими предельные уровни, являются литературный язык и диалекты. «Язык народа расчленен в диалектах, а собран воедино в литературном языке: вместе они выражают поразному содержание и структуру одного и того же языка. Тем самым, будучи предельно противопоставленными, оба эти понятия определяются не изолированно, а в их отношении друг с другом», – подчеркивал Х. Бринкман. Литературный язык и диалект находятся в условиях взаимодополнения. Между этими предельными формациями языка находятся различные так называемые обиходно-разговорные формы. Этот промежуточный слой является следствием взаимодействия литературного языка с диалектами и представляет собой в историческом плане самую позднюю языковую формацию.

При всем многообразии трактовок большинство лингвистов склоняется к мнению о том, что характер обиходно-разговорного языка определяется региональными, ситуационными и социальными факторами. Его конкретная реализация дифференцируется в зависимости от национальных территориальных и региональных особенностей, а одни и те же слова и выражения могут иметь в разных регионах различный статус (Люфтер 1985, 110), который в значительной мере обусловлен спецификой соотношения всех форм существования языка и положением диалекта. Наибольшая дифференцированность обиходно-разговорного языка наблюдается в территориальном отношении, что обусловлено локальными расхождениями в степени сохранения или вытеснения исконных диалектных форм.

В таком ракурсе обиходно-разговорный язык может рассматриваться как принятая в определенной местности (локально привязанная) языковая форма повседневного общения, которая в настоящее время является наиболее употребительным языковым типом в результате отступления диалекта со своих прежних позиций. Н.Н. Семенюк рассматривает обиходно-разговорный язык как совокупность частных

подсистем разной диалектной соотнесенности, функционирующих в более широких ареалах, чем местные диалекты (Семенюк 1978, 122).

В центре внимания отдельных исследователей оказывались те или иные аспекты применительно к литературному языку, изучались проблемы нормы и ее кодификации, соотношение письменной и устной форм литературного языка, территориальная вариантность языка. Территориальные диалекты исследовались с точки зрения их современного функционального статуса и системного состояния. Изучение обиходно-разговорных форм языка концентрировалось на проблеме системности данного языка. Определяя в качестве обиходно-разговорных форм языка совокупность элементов языкового сообщения, которые по своим параметрам не соответствуют как системе диалекта, так и системе литературного языка, и признавая, что эта сфера структуры языка характеризуется неоднородностью, исследователи постепенно все более склонялись к тому, чтобы видеть в обиходно-разговорных формах языка такой промежуточный слой, которому свойственна определенная внутренняя упорядоченность. Так, И. Радтке отмечал, что в отличие от литературного языка и диалекта спектр обиходно-разговорных форм языка несравненно шире и эта форма языка имеет «горизонтальную и вертикальную организацию» (Радтке 1973, 168).

К числу наиболее сложных вопросов, не нашедших однозначной интерпретации, должны быть отнесены следующие: соотношение письменной и устной формы литературного языка; понятие кодифицированной нормы и коллективного узуса; вопрос о границах литературного языка относительно обиходно-разговорных форм его; понятие системности данной формы существования языка; вертикальная дифференциация конститутивных языковых единиц обиходно-разговорных форм языка в направлении от диалекта к литературному языку и определение ее лингвистической сущности; проблема языковой гетерогенности обиходно-разговорных форм языка; состояние диалектов и оценка их функционального статуса; проблема влияния диалекта на развитие литературного языка; оценка перспективы существования диалектов в современной языковой ситуации и др.

Как известно, контакт диалектов с литературным языком или близким к литературному стандарту вариантом осуществляется в тех же категориях, что и языковой контакт: интерференция в области грамматики и словаря, образование контактных языков (обиходно-разговорного языка), функциональная дифференциация кода и т.д. В результате осуществления языкового контакта наблюдается сочетание и взаимопроникновение контрастирующих элементов – диалектной субстанции и литературной нормы. При этом каждая из форм может выступить

либо как воспринимающая, либо как воспринимаемая микросистема, поскольку диалектно-литературное взаимодействие представляет собой двусторонний процесс, включающий центробежные и центростремительные силы.

Процесс интеграции форм существования характеризуется в настоящее время, в первую очередь, экстенсивным расширением сферы применения стандартно-языковых (литературно-нормированных) средств. Заимствование, обмен языковыми средствами между двумя полярными языковыми типами в целях диверсификации и дифференциации коммуникативных возможностей объясняются, по всей видимости, как потребностями коммуникации, так и социальным давлением языкового стандарта на опорный базисный диалект (Копчук 2010, 68).

Трудности решения упомянутых вопросов связаны не только с постепенно меняющимся характером отдельных форм существования языка в условиях их взаимодействия в структуре современной речи и под влиянием, главным образом, литературного языка как высшей формы национального языка.

Одним из важнейших признаков и свойств национального варианта является общественная функция, выполняемая им в самостоятельном национальном коллективе: обучение в школе, использование по радио и телевидению, издание газет, журналов, книг и т.д., – практически и юридически функции национальной формы единого языка тождественны функциям отдельного национально-гомогенного языка.

Из сказанного со всей очевидностью следует, что национальные варианты не могут рассматриваться как некие территориально ориентированные субстандарты (Семенюк 1972, 183) какого-либо одного стандарта, признаваемого за эталон. Национальная форма речи – это такая разновидность единого языка, которая считается одинаково образцовой, общественно утвержденной, помещающейся на той плоскости, что и другая его национальная разновидность.

Являясь результатом взаимодействия литературного языка и диалекта, обиходно-разговорный язык представляет собой относительно молодой тип речи. В структуре современной карачаево-балкарской речи обиходно-разговорный язык представляет собой достаточно динамичное явление, поскольку оттеснение диалектов происходит в известной степени путем их сближения с обиходно-разговорным языком, который, в свою очередь, стремится к сближению с литературным языком. Обиходно-разговорный язык играет важную роль в решении стратегической задачи постепенного приближения носителей диалекта к литературному языку. Говорящие изучают литературный язык не как новый в дополнение к диалекту, а усваивают еще в семье наддиалектный,

надрегиональный обиходный язык, в котором отдельные диалектные признаки устранены, другие еще сохранились, с помощью которого образуются прочные предпосылки для освоения литературного языка (Домашнев 1983, 35).

Формирование регионального обиходно-разговорного языка является одним из двух основных путей движения диалекта к сближению с литературным стандартом, «...при котором, в отличие от ситуации диглоссии, происходит постепенное диалектно-литературное выравнивание через переходную форму регионального действия, содержащую меньшее количество диалектных признаков и форм, но сохраняющую непосредственную связь с диалектной основой» (Weiss 1980, 2–3).

В настоящее время заметна тенденция к преобладанию в устной коммуникации двух форм проявления языка: региональных обиходно-разговорных языков и литературного языка. Использование литературного языка ориентировано преимущественно на официальные, деловые, формализованные ситуации общения, в то время как обиходно-разговорный язык все в большей степени становится основной, наиболее подходящей для повседневной устной коммуникации формой языка, независимо от социального фактора (Раре 1981, 100).

Преимущества обиходно-разговорного языка, в сравнении с диалектом, которые способствуют его интенсивному распространению, состоят в освобождении от привязывающих диалект к ограниченной местности первичных признаков и распространении на крупные области, а также в том, что постоянный приток литературных элементов позволяет сочетать возможности языкового освоения современного мира понятий с жизненной силой и выразительностью, унаследованными от диалекта (Bellmann 1961, 61).

Вместе с тем обиходно-разговорный язык является тем посредником между двумя предельными уровнями макросистемы языка, через который осуществляется влияние литературного языка на диалект. «Одновременно, являясь срединной стратой, в которой пересекаются центростремительные и центробежные языковые потоки, обиходно-разговорный язык подпитывается с обеих сторон и сам подпитывает оба ограничивающих его слоя. Сила притяжения и свойства обиходно-разговорного языка обусловлены особенностями культурно-исторического развития конкретного социума» (Домашнев, Копчук 2001, 106).

Следовательно, обиходно-разговорные формы карачаево-балкарского языка становятся наиболее распространенными и употребительными. Но необходимо подчеркнуть, что способность обиходно-разговорного языка решать многие коммуникативные задачи не должна вести к переоценке роли этой формы существования языка. По своему значению

литературный язык остается важнейшей формой существования языка, коммуникативная ценность которой в обществе очень высока.

Таким образом, национальные обиходно-разговорные формы карачаево-балкарской речи приобретают автономию, которая осознается и поддерживается их носителями. Одновременно с этим определяются суверенность особенностей и норм национальных вариантов и закономерность развития национальной культуры речи.

Следует отметить, что основы карачаево-балкарского литературного языка сложились как язык устно-поэтического творчества. Передаваясь из поколения в поколение, устный язык подвергался незначительным изменениям, шлифовался, приобретал междиалектный, а затем наддиалектный характер. Лексика, используемая в узких кругах, становилась все более понятной широкому кругу носителей языка. В результате образовалась наддиалектная форма устно-поэтического языка, понятная и близкая для носителей разных диалектов карачаевцев и балкарцев.

Процесс формирования любого национального языка есть не что иное, как развитие языка данной народности в язык национальный. Безусловно, это сложный и постепенный процесс становления национального литературного языка. Язык складывался на протяжении нескольких веков, процесс был столь длителен и труден, что на сегодняшний день трудно указать, на каком стыке десятилетий язык сформировался и превратился в национальный.

Ну и, конечно, следует отметить, что соотношение всего богатства единого общенародного языка и отдельных форм его употребления, правильная оценка этих форм употребления национального языка между собой являются необходимыми предпосылками изучения становления и развития современного карачаево-балкарского литературного языка.

На современном этапе развития карачаево-балкарского языка лексическое богатство единого общенародного языка является необходимой предпосылкой в изучении и становлении национального языка. Исследование таких типологических особенностей наддиалектных форм в становлении литературных норм карачаево-балкарского языка как: стандартность, наличие письменности, обработанность, отсутствие спонтанности речевого произведения, наддиалектность и полифункциональность на материале эпических произведений определяют различительные признаки литературного языка. Эти признаки наддиалектности возникают в результате взаимодействия диалектов. Их характер и состав меняются, отражая качественные преобразования общественных отношений.

Возникновение наддиалектных форм является результатом вытеснения ряда признаков и способствует выработке языковых норм. Изучение разновидностей наддиалектных форм, региональная специфика, обусловленная сохранением известной связи наддиалектных форм с тем или иным диалектным ареалом, является широко распространенным свойством этих образований. Она отмечается не только в языке эпоса и в разных вариантах наддиалектных обиходно-разговорных форм, но и в письменно-литературном языке.

Выделены языковые уровни: обработанный тип языка, представленный на материале эпических произведений, его образный язык и художественные средства. Рассматриваются вопросы формирования лексических моделей литературной нормы. Отсюда истекает многообразие языкового членения и варьирования, различия между членами функциональной парадигмы языка с точки зрения их статуса.

Изучение обиходно-разговорных форм языка и территориальных диалектов по-разному выражает содержание и структуру одного и того же языка. Язык народа разделен на диалекты, а собран воедино в литературном языке. Литературный язык и диалект находятся в условиях взаимодополнения. Между ними находятся обиходно-разговорные формы, которые вследствие взаимодействия литературного языка и диалекта представляют собой самую позднюю языковую формацию и возникают как результат формирования определенной комфортности коммуникации и выражают тенденцию к экономии средств выражения при структурировании лексических и синтаксических единиц.

Также о многом говорит и то, что в поэтических произведениях отсутствует территориальная ограниченность. Совокупность функционально-стилистических особенностей, свойственная языку эпоса, составляет типологическую параллель языков и помогает исследованию функциональной структуры, определению роли наддиалектных форм языка в формировании литературного языка. Дальнейшее изучение языка нартского эпоса как наддиалектной формы может способствовать решению различных вопросов истории, лексикологии и словообразования карачаево-балкарского языка.

ГЛАВА II

РОЛЬ НАДДИАЛЕКТНЫХ ФОРМ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

1. Характер территориального варьирования литературно-письменного карачаево-балкарского языка и наддиалектные тенденции

Известно, что некоторые различительные черты охватывают все стороны языковой системы, имеют сложившийся и устойчивый характер и являются основной частью нормы современного карачаево-балкарского языка, осознаваемой и поддерживаемой его носителями. Научное изучение разных вариантов карачаево-балкарского литературного языка, несмотря на наличие ряда публикаций, еще не получило должного размаха. На это обстоятельство обращают внимание Ж.М. Гузеев и Т.К. Алиева, подчеркивая, что после периода наиболее пристального научного исследования вариантов диалектов, которые в последние десятилетия оказались наиболее подверженными различным изменениям. Необходимо с такой же тщательностью заняться изучением состояния системы литературного языка. При этом, как справедливо отмечает Т.К. Алиева, несмотря на влияние карачаевского языкового образца на балкарский, и наоборот, в век активных международных связей, бурного развития средств массовой информации и коммуникации, своеобразие как балкарской, так и карачаевской разновидности языка сохранится и в будущем. Однако, заключает Ж.М. Гузеев, в последние три десятилетия нашего столетия карачаево-балкарский язык обретает все новые черты. Все это делает всестороннее исследование современного литературного языка неотложной и важной задачей тюркского языкознания.

В данной главе предполагается наметить и в основных чертах рассмотреть ряд вопросов, связанных с характеристикой наддиалектных форм и, прежде всего, с теми признаками наддиалектности, которые свойственны литературному языку на разных этапах его развития.

Говоря о наддиалектности, нужно, прежде всего, разобраться в нескольких моментах, а именно:

– какие внешние экстралингвистические стимулы ведут к образованию наддиалектных форм, и какие именно языковые процессы сопровождают складывание наддиалектных типов литературного языка;

– каковы наиболее характерные признаки наддиалектности, и в какой степени эти признаки проявляются у разных наддиалектных образований, в частности, у различных форм литературного языка донационального периода и на ранних этапах образования национального языка.

В настоящее время не замечать влияния экстралингвистических факторов в объяснении особенностей языка невозможно, так как этой проблеме в лингвистике уделяется большое внимание (Ахманова 1963, 45).

Лексика быстрее всего реагирует на внешние факторы, в ней ярче отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни (Пядусова 1970, 150). Сказанное в большей мере относится и к области профессиональной лексики карачаево-балкарского языка. Самые разнообразные факторы (закон о всеобщем образовании, распространение просвещения, переход с арабской графики на латинскую, потом на русскую и др.): исторические, социальные, общественные события, происходящие в жизни карачаево-балкарского народа, нашли отражение в лексикологии. Давние взаимосвязи карачаевцев и балкарцев и их предков способствовали заимствованию из арабского, персидского и других, особенно кавказских языков. Совместная жизнь в составе одного государства с русским народом привела к появлению заимствований из русского языка. После Октябрьской революции в нашей стране религия была отделена от государства. В связи с этим вышла из употребления часть лексики, обозначающая предметы богослужения.

Одной из характерных черт нашего века является интенсивный рост науки и техники. В результате внедрения их достижений во все отрасли произошли коренные преобразования в языкознании и литературоведении. Возникли новые отрасли, вместе с ними и новый лексический состав. В то же время не находят применения в современной жизни некоторые старые виды ремесел и промыслов, выходит из употребления и связанная с ними лексика. Если сравнить лексику одного и того же ремесла в условиях ручного и машинного способов производства, то заметна большая разница. В терминологии машинного способа возникли новые названия, обозначающие машины, их части, детали, новые процессы, специальности и др. Поскольку в условиях двуязычия русский язык является для всех народов вторым родным языком, то естественно, что терминологию технических машин вместе с реалиями этого способа производства мы заимствуем из русского языка и через него из других языков. Например, в речи портного употребляются термины: *тигиучю* (кѡл, аякъ, ток) *машина* «швейная (ручная, ножная,

электрическая) машина», также названия отдельных частей машины: пружина, платформа, рычаг, пластинка и др. В сельской местности, где меньше влияния русского языка, встречаются карачаево-балкарские соответствия некоторых терминов: *машина къангачыкъ* «рейка», *лагъым* «рычаг», *машина ёзег* «платформа» и др.

Иногда предметы в разные времена выполняют одну и ту же функцию, но в зависимости от эстетических норм, вкусов, практических взглядов общества изменяются внешний вид, форма, объем, материал и др. Когда эти изменения в предметах становятся главными, им придается основное внимание, и предмет приобретает новое название. В большинстве случаев эти названия состоят из заимствований: *кёнчек* «штаны», *ич кёнчек* «внутренние, нательные штаны, рейтузы», *шалбар* «брюки, шаровары». Термин *шалбар* – карачаево-балкарский вариант из общего тюркского корня, фонетические разновидности которого в других тюркских языках зафиксированы Радловым в его словаре: *чалбар* (татар.), *шалбар* (кирг.), *шалбур* (уйгур.), *чанбар* (лебедин.), *цалбар* (бараб.) и др. (Радлов 1911, 98). Приведем примеры такого образца: *кёлек* «рубашка», *габара / габырай* «безрукавка», *кийиз габара* «войлочная безрукавка», *жагъалы габара* «безрукавка с воротником», *къысха женгли габара* «безрукавка с коротким рукавом», *чепкен габара* «безрукавка из сукна»; *аскер / чериу чепкен* «черкеска воина», *чепкен къаптал* «черкеска с длинными рукавами», *хуржунду чепкен* «черкеска с карманами», *чепкен къаптал* «бешмет-черкеска»; *бүсхулу габара* «бешмет с лентами», *жалгъанкъалта габара* «бешмет с фиктивными карманами» *жырмач габара* «бешмет с разрезом», *къарталы габара* «бешмет со складками», *къауракъ габара* «диагональный бешмет»; *тухтуй къаптал* «бешмет с разрезными рукавами», *окъалы къаптал* «бешмет с нарезными и геометрическими узорами»; *окъалы чуба* «корсет с узорами», *түймели чуба* «корсет с нагрудником»; *аба* «накидка», *гебенек* «бурка с капюшоном» *анди жамычы* «бурка с ворсом» и др. Следует отметить, что из вышеперечисленных примеров в современном обиходно-разговорном языке употребляются лишь некоторые: *кёлек* в значении «рубашка», *габара* в значении «жилет, телогрейка», а слова *къаптал* и *чепкен* у карачаевцев и в современном литературном языке существуют в обиходной речи, но в значении «платье».

Для некоторых пожилых людей прежние названия национальной одежды служат для обозначения современной одежды. Например, они употребляют слово *габара* вместо «жилет», *къаптал* вместо «безрукавка», *чарыкъ* вместо «туфли», *шалбар* вместо «брюки» и т.д. Для них, проживших большую часть жизни в своих селениях, трудно

усваивать и запоминать эти непривычные новые названия, и они продолжают их называть знакомыми терминами.

Эти значения уже не используются в активной речи современных специалистов. Но продолжают употребляться в литературе по истории, этнографии, в художественных произведениях, в народном творчестве.

Таким образом, наблюдения показывают, что изменения в составе профессиональной лексики происходят в результате воздействия на них некоторых экстралингвистических факторов. К таким факторам, в частности, относятся двуязычие, развитие науки и техники, различие пола, возраста, места жительства.

Безусловно, на сегодняшний день понятно, что формирование наддиалектных типов языка совершается в результате постепенного устранения определенной части регионально связанных черт и возникновения – путем сознательного или стихийного отбора, а также в результате самостоятельного спонтанного развития – языковых систем более широкой территориальной, а чаще всего, и функциональной сферы использования.

В карачаево-балкарском языкознании наддиалектные образования различны по устойчивости и длительности, характеру функционирования, соотношению с другими типами и разновидностями языка, а также роли в формировании и развитии письменной формы литературного языка.

Целенаправленный и сознательный характер процессов отбора и специфический характер развития отличает литературный язык от других наддиалектных форм, в частности, от диалектного и обиходно-разговорного типов языка, которые также относятся к наддиалектным образованиям.

Наддиалектность возникает и проявляется в результате воздействия некоторых стимулов, потребностей общества, которые направляют эти селективные и эволюционные процессы и в известной мере определяют пути развития, а также и самый характер возникающих в результате наддиалектных языковых форм.

Как можно предположить, экстралингвистические стимулы наддиалектности бывают для литературного языка в основном или прагматического, или эстетического плана. В первом случае наддиалектность складывается по преимуществу под влиянием практических коммуникативных задач, стоящих перед обществом, во втором – на основе той или иной литературно-эстетической традиции.

Следует заметить вместе с тем, что если для литературного языка в той или иной степени действительны оба ряда стимулов – прагматический и эстетический, то для формирования наддиалектных обиходно-

разговорных форм существенны, как представляется, прежде всего, стимулы прагматического порядка.

Наличие столь различных факторов, способствующих выработке наддиалектных языковых форм, в известной мере определяет тот весьма пестрый набор признаков, которые входят в общее понятие наддиалектности, а также и те разнообразные по характеру процессы, которые ведут к образованию наддиалектных форм карачаево-балкарского литературного языка.

Явление наддиалектности, наблюдающееся раньше всего и наиболее определенно в «высших сферах коммуникации» (Гухман 1959, 151) и ведущее уже на древних стадиях развития общества к возникновению своеобразных «сублимированных вариантов языка» (Десницкая 1970, 24), в том числе и языка устного, наиболее последовательно изучалось такими отечественными лингвистами, как И.М. Тронский (1973), А.В. Десницкая (1970), М.М. Гухман (1955), А.И. Домашнев (1983), Н.Н. Семенюк (1981) и др. В связи с исследованием процессов формирования и развития литературных национальных языков понятие наддиалектности использовалось также в работах В.Н. Ярцевой (1981) и С.А. Миронова (1981), З.Ю. Кумаховой, М.А. Кумахова (1985), М.З. Улакова (1994).

К числу наиболее ясно выделяющихся и вместе с тем наиболее общих признаков наддиалектных литературных форм следует отнести следующие черты:

- отказ – даже на ранних стадиях формирования литературного языка – от целого ряда местных диалектных особенностей;
- отбор явлений из гетерогенного (разнодиалектного) материала и их сочетание в рамках системы литературного языка;
- консервацию архаических явлений или вообще исчезнувших из употребления в данном языковом ареале, или сохранившихся лишь в исходных диалектных идиомах;
- появление инноваций, связанное, во-первых, со структурным и функциональным развитием наддиалектного языкового типа как некой самостоятельной языковой системы, а во-вторых – с воздействием других языковых систем (т.е. иноязычными влияниями).

Попытаемся на некоторых примерах рассмотреть, как формируются и каким образом могут проявляться некоторые из перечисленных признаков.

Как уже известно, наддиалектность возникает в результате вытеснения или просто «невключения» ряда узкорегionalных признаков в наддиалектную языковую систему. Наряду с этим наддиалектный языковой тип обычно допускает более или менее широкое включение

инодиалектных явлений. Это приводит к объединению разнодиалектных по происхождению черт в наддиалектной системе литературного языка. Даже там, где процессы диалектного смещения в литературно-письменном языке до известной степени опираются на идущие в том же направлении процессы. Они характеризуют сферу устного языка, носят обычно различный характер и не вполне совпадают по набору взаимодействующих языковых явлений, а также по результатам подобного смещения. Влияние отдельной диалектной зоны не являлось равноценным и к тому же не сохраняло устойчивости в разные периоды развития литературного языка.

Длительное и успешное развитие диалектологии привело к усиленным поискам генетических связей, существовавших между литературным языком и разнообразными диалектами. Безусловно, подобное сравнение явилось важным этапом в историческом изучении языка. В результате был снят вопрос об искусственном характере литературного языка и показана его непосредственная опора на диалекты.

В процессах выработки наддиалектного типа литературного языка принимают участие, по крайней мере, три компонента: 1) диалектные системы, 2) литературно-письменные варианты языка, 3) промежуточные, нередко к тому же посредствующие обиходно-разговорные формы наддиалектного типа.

Очень важно, что наддиалектный устный литературный язык играет весьма существенную роль в сближении диалектных и региональных расхождений. Например, взять такие существительные, как *къалыубала* (балк.), *къалюупеля* (карач.) «незапамятные времена»; *жабу-жаха* (ц.-диал.), *жабу-жубу* (лит.), *дауур-дууур* (балк.), *дауур-сүйюр* (карач.) «шум, гвалт»; *жаркъма* (ц.-диал.), *зыбыр* (лит., карач.) «грубый (о шерсти), шершавый, шероховатый на ощупь»; *къасхалта* (карач.), *сенгирчке* (балк.) «сверчок, кузнечик»; *кундуш* (балк.) *кюндюш* (карач.) «чемерица»; *къожан* (ц.-диал.), *жоппу* (карач.), *жокку* (карач.) «куча, толпа, скопление людей; роща, скопление деревьев»; *тиреу* (балк.), *тахан* (ц.-диал.), *дагъан* (карач.) «опора, подпорка»; прилагательные: *къатыш-къара* (балк.), *къатыш-къура* (карач.), *дардагъан* (карач.) «разбросанный, приведенный в беспорядок (о домашних вещах)»; *жут* (лит.) *жуду* (карач.) «прожорливый, ненасытный»; *къурумтюк* (*къой*) (карач.) «(овца) темной масти, темный»; *къурум бетли* (*айыу*) (балк.) «черный, бурый (медведь)»; наречия: *бошуна*, *бошнакъгъа* (разг.), *бошунакъгъа* (балк., лит.), *бошунагъа* (карач.), *бошнагъа* (карач., разг.) «напрасно, зря, понапрасну»; глаголы: *къаушал* (балк.) «красоваться, выделяться своей красотой», *къаушал* (карач.) «прийти в упадок» и др.

Велико его значение и в выработке единых грамматических норм на основе общенародного карачаево-балкарского литературного языка.

Таким образом, подготавливается почва для формирования национального карачаево-балкарского литературного языка, непреходящее значение языка эпоса в становлении лексических норм современного литературного языка.

Итак, своими строевыми чертами язык эпической поэзии и произведений других жанров устного творчества отличается от территориальных диалектов, обиходно-разговорной речи и других форм существования языка.

Наддиалектные формы в устно-поэтической речи многообразны. Причем здесь очень ярко обнаруживается и жанровое своеобразие, т.е. характер наддиалектности, ее распространение, ее отношение к кодифицированным формам литературного языка зависят от жанра, давности его бытования, его социальной значимости.

Необходимо отметить, что широкая распространенность, богатство и своеобразие устно-поэтической речи поставили ее над диалектными расхождениями, тем самым выдвинув на ступень своеобразного народного языка. Также следует подчеркнуть, что влияние устно-поэтической речи на развитие литературного языка до настоящего времени является всесторонним и охватывает все уровни языковой структуры. Исследование карачаево-балкарского литературного языка, путей его развития, особенностей его истории и типологии невозможны без глубокой разработки его основы – языка устно-поэтического творчества.

Бесспорно, устно-поэтический язык, или язык фольклора, имеет многовековую историю. Устно-поэтический язык, исторически возникнув и передаваясь из поколения в поколение, выработал и не утратил в процессе длительного существования свои языковые и композиционные формы, особые принципы отбора и организации языковых единиц, определяющихся целями и задачами реализации его функций в соответствующей сфере общественной жизни. Богатство устно-поэтического языка и широкая его распространенность, устойчивость его традиций, поливалентность его функционирования при жанровом многообразии устного творчества обусловили образование особого типа языка, возвышающегося над территориальными признаками. Так, к примеру, взять отрывок из историко-героической песни «Ууда» («На охоте»):

Юч нарт батыр тюлкю уугъа баргъандыла, дейди.

Ала барысы да сауут-саба алгъандыла, дейди.

Аланы таматалары уллукъэ Ёрюзмек болгъанды, дейди.

Ортанчылары – бир сёзде турмаучу
Сибилчи болгъанды, дейдиле.
Кичилери уа темир санлы Сосурукъ эди, дейди.
Къара тюлкюню ызларындан излегендиле, дейди.
Аны кече жатхан жерин сакъладыла, дейди,
Аны жюрюген жолун марадыла, дейди.

«Трое нартских храбрецов отправились
на лисью охоту, говорят.
Они все вооружились и [отправились], говорят.
Старший из них – большеглазый Ёрюзмек, говорят,
Средний – не всегда верный своему слову
Сибилчи был, говорят,
А младший – железнотелый Сосурук, говорят.
Все трое на лисью охоту пошли, говорят.
Черной лисицы искали [они] след, говорят.
Место, где она спит ночью, стерегли, говорят,
Дорогу, где она ходит, сторожили, говорят».

Из приведенного примера видно, что повествование ведется от третьего лица, прослеживается богатство языка в описании героев: коротко, одним предложением им дается характеристика, например, положительные образы Ёрюзмек и Сосурука, и отрицательный – Сибилчи, который «не всегда верен своему слову». Во второй части отрывка можно отметить выразительность языка описания того, как они втроем «искали след, стерегли место, где черная лисица спит, сторожили дорогу, где она ходит». Отсутствие повторений в данном отрывке также характеризует своеобразие языка и мастерство певцов, которые из поконов веков донесли до наших дней все богатство устно-поэтического языка. Хотя пути развития и степень обобщенности устно-поэтического языка, его роль в истории языка, его традиции в письменно-литературном языке неодинаковы у разных народов, наддиалектный характер данной разновидности языка подтверждается материалом языков самых различных типов, как старописьменных, так и новописьменных. Во всяком случае, материалы карачаево-балкарского языка показывают, что формы устно-поэтических традиций характеризуются совокупностью языковых черт, отличающихся от строевых особенностей как языка разговорно-бытового общения, так и территориальных диалектов.

Как было отмечено выше, обращая внимание на статус самой устно-поэтической речи, на ее место в системе языка, надо отметить, что она обладает как бы двуединой природой. Разумеется, что в устно-поэтической речи имеются территориальные признаки, сближающие ее с

диалектными формами, а также имеются свои диалекты. Однако это не означает, что понятия «устно-поэтическая речь» и «диалект» смешиваются друг с другом и равнозначны. Диалектные черты связаны с территориальной общностью более или менее ограниченного числа людей, находящихся в непосредственном языковом контакте. Образование же особенностей устно-поэтической речи обусловлено факторами иного характера, не связанными с территориальной общностью носителей того или иного диалекта. Основным инвариантом устно-поэтической речи является именно то, что объединяет речь представителей разных территориальных диалектов и отличает их от языка повседневно-бытового общения. Причем инвариантные признаки охватывают, хотя и в неодинаковой степени, разные языковые уровни – лексику, синтаксис, морфологию, фразеологию и отчасти фонетику. Например, «Песнь о Чюелди»:

...Чюелди *туу байталын тохтатханды, ойра,*
– А, кьонакъларым! – дегенни айтханды, *о-ой.*
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!
Атланнганда, муратыгъыз не эди? Ойра,
Сюрлюгюгюз жылкымыды, жесирмиди? О-ой.
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!
– Угъай! – делле, – жылкы керек туююлдою, *ойра,*
Муратыбыз – жесир алып сюрюудю, о-ой!
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!

«Чюелди остановил **своего резвого коня, ойра,**
– А, гости мои! – сказал он, **о-ой.**
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!
С какой целью вы вышли? **Ойра,**
Коней или невольников хотите взять? **О-ой.**
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!
– Нет! – сказали, – табун нам не нужен, **ойра,**
Наша цель – взять **наложников, о-ой!**
Орайда, эй-хей, ойра, осси, орайда!»

Анализируя эту «Песнь о Чюелди», нужно обратить внимание на язык песни, ее лексику: *туу байтал* «необъезженная, неприрученная кобыла (кобылица)», *жылкы* «табун лошадей», *жесир* «невольник, наложник (пленник)» и далее по тексту: *Боракъа къала* «башня Борака», *Жылкы кьош* «кош, где смотрят за табуном лошадей», *жетей тамгъа* «тавро», *къара сыра* «напиток спиртной», *къаракъулакъ акъ ёгюзле* «черноухие белые волы», *жортууул* «набег», *Аман жандан – бет ахшы (посл.)* «Достоинство и честь важнее недолговечной души»,

чепкен «кафтан», *Сырт* кьол «название местности», *жибек* аркъан «шелковый аркан», *жюген* «уздечка», *жесир* «заложник», *къабакъ* (в знач. «село, населенный пункт»), *чириген чалман* «сгнивший плетень», *артмакъ* «ноша, рюкзак», *гурушха* «недосказанность, недомолвка», *айгъыр* «резвый», *къылыч* «меч», (*жаугъа*) *бёрк алдырыу* в знач. «отступить перед врагом», *майдан* «площадь», *иер къаиш* «седло», *ат жауурлукъ* «чепрак, подседельник», *мычымазгъа* «не задержаться», *къыйпаргъа* «убить», *къанын-къунун сыйпаргъа* «вытереть всякую кровь», *ташларгъа* «отделаться», *сингерге* «внедриться», *жортургъа* «мчаться», *сирелирге* «торчать (негативное)» и т.д., которая носит также наддиалектный характер.

Следует заметить, что историко-героические («*тарых-жигитлик жырла*») и нартские (былинные) песни («*нарт жырла*») отличаются друг от друга. Так, если в нартских (нартовских) песнях повествуется непосредственно о героях эпоса, то историко-героические песни рассказывают о различных событиях и деятелях более поздней эпохи, и называются в карачаево-балкарском фольклоре «*эски жырла*» – старинные песни или «*тарых-жигитлик жырла*» – историко-героические песни. Взять, к примеру, историко-героическую песню «Мызы бла Зорт» («Мызы и Зорт»):

Тау Артында Мызы бла Зортму эди?
Тау Артында бу экисинден батыр жокъму эди?
Аякълары жалынмы эди, отму эди?
– Кел, Мызы, биз жортууулгъа барайыкъ!
– Къой-къой, кёп баргъан сау къайытмаз! – дегенди, –
Энди биз жортууулгъа баргъанны къояйыкъ,
Харам хантдан да бир тояйыкъ! – дегенди.
– Ой, сен аманны, отунг-огъунг тауусулгъан болур! – дегенди.
– Отум-огъум тауусулгъан эселе,
Экибиз да тергеп къарайыкъ! – дейди.
Экиси да тергеп къарагъанда окъларын бла отларын,
Эки да, юч да дорба артыкъ болду, дейди...
...Ой, алайдан кетдилер, кетдилер да, тангата артларына
айланып къарайлар,
Ой, къарагъанда тейри жарыгъын эслейлер, дейди,
Мызы бла Зорт, ой, эслейлер,
Ой, бир къарелдилер кёрелле да алай бир бирине айталлар:
Ол аман айыучукъла болурла, ары-бери ауалла!
Ой, аман болса да, жетдилер аланы, дейди,
Алайчыкъда къырдыла кёп къойларны
Ызларына айландылар да сюрдюле, дейди,
Атхан окълары жерге тюшмегенед, дейди.

В этой героической песне рассказывается о том, как Зорт (досл. рыскать, рысить «жорт»), носители ц.-диалекта говорят *зорт*), уговаривает Мызы поехать с ним, то в Чегем, то в Балкарию, на пастбища Сукан, угнать скот. Тот, предчувствуя недоброе, не желает, но Зорт, по вине которого впоследствии они погибают, уговаривает его, и они отправляются в набег. Анализируя это произведение, необходимо обратить внимание на богатство языка песни, на многообразие лексики; так, в ней встречается древняя форма множественного числа с окончанием на **-лар** / **-лер**: *айландылар* – *айландыла* (ызларына) (лит.) «вернулись (назад)», *кѣп кѣойларны* – *кѣп кѣойланы* (лит.) «(много) овец», *жетдилер* – *жетдиле* (лит.) «догнали», *кѣарелдилер* – *кѣарелдиле* (лит.) «силуэты, тени», *айталлар* – *айтадыла* (лит.) «говорят», *кетдилер* – *кетдиле* (лит.) «ушли», *кѣарайлар* – *кѣарайдыла* (лит.) «смотрят», *эслейлер* – *эслейдиле* (лит.) «замечают». Также здесь встречаются пословицы, повторы, диалектная и наддиалектная лексика: *Аякълары жалынмы эди, отму эди* «ноги их пламя или огонь» (здесь в знач. быстрые), *жортууулгъа кѣп баргъан сау кѣайытмаз* (лит. *кѣайтмаз*) (посл.) «тот, кто часто ходит в набеги, может не вернуться (живым)»; *жортууулгъа баргъанны кѣайыкъ, // Харам хантдан да бир тояйыкъ* «оставим хождение в набеги, // Чужим добром, имуществом насыщаться»; *ой, сен аманны, отунг-огъунг тауусулгъан болур* «ой, у тебя, плохого («аман» о своих ради скромности), боеприпасы, наверное, закончились»; *тергеп кѣарагъанда, эки да, юч да дорба артыкъ болду* «когда посмотрели и посчитали, оказались три торбы (сумка для корма лошади, которая вешается коню на шею) лишние». Здесь также встречаются устойчивые эпитеты, повторы и сравнения: *башлары – чирахтанны* (диал. – лит. *чырахтан*) *башынлай*, *Кѣуйрукълары уа – тирмен ташынлай* «головы их (баранов) – большие, как прикрепленная к стене доска, на которую ставили лампу / лучину, а курдюки / курдючное сало (их) – как мельничные жернова»; *Кѣара жерде кѣаргъа ызын ызларла, – дегенди. – Ёлюгюнгу, туз кѣуюп, тузларла, – дегенди* «На темной земле не оставят и следа, – сказал. А труп, посолят солью, – сказал»; *ахшы хорала* «хорошие породистые лошади»; *Кѣаурасы итден аман юреди, // Итлери адам тилни биледи* «высохшие стебли / стерня лают хуже собаки, // А собаки знают человеческий язык»; *Кѣарабаш итни кѣандан-кѣундан тойдуруп, юйге ийип кѣоярла* «Черноголовую (кличка) собаку напоят сырой кровью и отправят домой»; *саут юйге кирип ол, сынсыу этип* «на кухню зайдет (собака), скуля»; *чартлап чыгъарла Сарыбий бла Кѣарабий* «пулей выскочат (здесь «быстро») Сарыбий и Карабий»; *Ой, алай болса да, бизни эшигибиз жабылгъан болур. Кѣарабаш локъум кѣапмайды,*

сауутлагъа ёрге-ёрге секиред «ой, если это так, худо нам, Карабаш не ест лакум, прыгает вверх на посуду»; *Къарт Айдаболгъа болгъан ишден керти белги беред* «Старику Айдаболу о произошедшем дает верный знак»; *жауурунга къараргъа устады* «большой знаток в гаданиях на лопаточной кости»; *жерлеригизни ал къашиларын артха айландырын салыгъыз* «седло поверните передней частью назад» и т.п.

Есть основания утверждать, что устно-поэтическая речь, являясь в конечном итоге результатом социальной дифференциации карачаево-балкарского языка, обособляется от других языковых образований в функционально-стилистическом плане. В случае если устно-поэтическое творчество функционирует на диалекте, легшем в основу литературного карачаево-балкарского языка, оно, естественно, предстает уже как обобщенная литературная форма, лишенная территориальных признаков, поскольку особенности базового опорного диалекта получили статус литературной нормы. Однако это совсем не означает, что произведения устно-поэтического творчества, исполняемые или записанные на «литературном» диалекте, теряют свои специфические черты. Так, в карачаево-балкарском языке, нужно отметить, что цокающий диалект является более правильной формой употребления языка, и более древним, хотя не стала основой литературного карачаево-балкарского языка по количественному признаку, но на этом говоре встречается очень много эпических произведений, которые очень колоритно показывают все многообразие синонимичных и вариантных способов словообразования.

2. Роль письменных традиций в становлении лексических норм карачаево-балкарского языка

Необходимо учитывать огромную роль письменных традиций в становлении норм лексики карачаево-балкарского языка. Известно, что нормы литературного языка не являются чем-то вечным и устойчивым. Они подвергаются медленным, но постоянным изменениям. Так как язык всегда развивается вместе с обществом, в определении объективной оценки современного его состояния и норм следует опираться не на сумму объективных мнений, а на анализ исторических и современных закономерностей.

В проявлениях языкового членения и варьирования с особенной ясностью раскрывается неоднородность и сложность состава любого конкретного языка: любые реализации языка происходят в рамках

определенной исторически сложившейся и дифференцированной системы форм его существования, статус которых зависит от характера общей языковой ситуации и потребностей тех или иных сфер общения.

Литературный язык, разные типы просторечия, территориальный диалект – основные формы существования языка – отражают не только один из типов языкового членения, но и особенности одной из разновидностей субстанционального и функционального варьирования, причем категории этого членения и варьирования относятся к уровню онтологических характеристик языка.

Другой разновидностью языкового варьирования является возможная дифференциация в пределах одной определенной формы существования языка. Преимущественный интерес и наибольшую значимость эта проблематика имеет в применении к обработанным формам языка, суммарно обозначаемым, независимо от характера их реализации (устная, письменная форма), как литературный язык. В истории форм существования языка литературный язык в том широком понимании, которое было дано выше, всегда занимал и занимает особую позицию, обладая в большей или меньшей степени статусом средства общения высших сфер коммуникации даже там, где его функции относительно ограничены. По-видимому, данная черта может быть определена как один из универсальных признаков литературного языка, независимо от условий и уровня его развития, как признак, в равной степени свойственный литературным языкам донационального и национального периода, функционирующим в разных общественных системах.

Частично в связи с той ролью, которую литературный язык выполняет в процессе реализации определенных форм общения, его отличает от других языковых образований многообразие возможных типов варьирования. Отвлекаясь от специфики конкретных языков и следуя по пути создания типовой модели вариантных реализаций, в системе литературного языка потенциально возможны социальные модификации и варьирование функционально-стилистическое, жанрово-стилистическое, территориальное (пространственное) и, наконец, временное. Выделение типов варьирования в системе конкретного литературного языка осуществляется не на основе единичных явлений одного уровня, но предполагает существование определенной совокупности взаимосвязанных единиц разных уровней, маркирующих ту или иную разновидность членения литературного языка.

Членение языка, обусловленное его реализацией в разных формах его существования, и варианты дифференциации в пределах одного из языковых образований не представляют собой двух замкнутых изолированных систем. Характер варьирования в системе конкретного

литературного языка, роль отдельных типов варьирования во многом определяются языковой ситуацией, положением литературного языка, тем или иным его соотношением с территориальными диалектами или просторечием. В то же время состав и характер членения данного литературного языка маркируют его позицию в общей языковой ситуации и его соотношение с нелитературными языковыми образованиями. В сети взаимозависимостей двух типов языкового членения ведущую роль играют категории первого типа. Изучение этих взаимозависимостей, их роли в развитии и функционировании отдельных языков является одной из важных проблем теоретического языкознания. Однако постановка самой проблемы предполагает достаточно детальное и углубленное рассмотрение категорий обоих типов языкового членения.

Многочисленные и разнообразные исследования, посвященные анализу разных языковых ситуаций, изучение соотношения форм существования языка в разные исторические периоды позволили выявить определенные общие закономерности в развитии систем языковых образований на фоне индивидуальных различий, обусловленных конкретной историей отдельных языков. От изучения общих тенденций в формировании и развитии национальных языков оказалось возможным перейти к обобщенному типологическому анализу закономерностей развития группы родственных литературных языков (огузские, болгарские, уйгурские, кыпчакские) с дальнейшей перспективой выявления определенных общих типологических констант.

Карачаево-балкарский язык в своей устной форме сложился и воплотился в языке устно-поэтического народного творчества и поныне сохраняет свои диалектные особенности. Об истории происхождения тюркских языков в тюркологии имеются разные (порой противоречивые) мнения и предложения. Это обусловлено тем, что при изучении истории формирования конкретного языка не всегда учитывается комплекс источников, среди которых особое место занимают диалекты.

Общеизвестно, что в формировании языка народа принимают участие все племена и народности определенного ареала, следовательно, и в образовании общенародного языка участвуют диалекты и наречия этих народов и народностей. Обычно литературные языки имеют опорные диалекты или наддиалектные формы.

Кроме того, в процессе развития литературного языка часть исконных элементов устаревает и выходит из употребления, но она почти всецело продолжает функционировать в диалектах и говорах. Свидетельством тому может служить старописьменный язык. В нем наличествуют звуки **ц**, **з**, **ф**, **х**, **т**, **к** и др., употребляемые вместо литературных **ч**, **ж**, **п**, **къ**, **д**, **г**: *челек* – *целек* «ведро», *чепкен* – *цефхен*

«домотканное шерстяное сукно», «черкеска», *дуппур* – *туппур* «холм; курган», *доппан* – *топпан* «купол», «шапочка», *чыпчыкъ* – *цыфыцыкъ* «птица, воробей», *госук* – *косук* «вид съедобной травы», *гурт тауукъ* – *курт тауукъ* «квочка, наседка», *жыйрыкъ* – *зыйрыкъ* «платье» и др. Этот старописьменный язык, язык цокающих балкарцев, отличается от современного литературного также перестановкой звуков, устойчивостью сингармонизма и другими особенностями: *къаура* / *къауура* – *къарыуа* «стебель травянистого растения», *ахлу* – *ахул* «родственник», *асхакъ* – *ахсакъ* «хромой», *мырхык* – *мыркых* «репейник»; *жилян* – *жылан* «змея», *хычин* – *хычын* «пирог», *бишлакъ* – *бышлакъ* «сыр», *бичакъ* – *быцакъ* «нож» и др. Хочется отметить и тот факт, что именно в цокающем диалекте, который имеет очень богатую лексику, зачастую находятся слова, для которых отсутствует в языке исконно литературное определение, к примеру, слово *фотку* «опилка» имеется только в ц.-диалекте. Или же в этом диалекте есть определенная лексика, которая употребляется в форме, не отличающейся от литературной нормы, например: *жол* «дорога», *жети* «семь», *жыл* «год», *чаха* «безводное, каменистое место», *чуукал* (кекел лит.) «чуб», *чынакай* (чикина лит.) «мзинец», *жыкъыр* говорят верхнебалкарские, *зыкъыр* – представители Хуламо-Безенгиевского ущелья «жесткий», *жинк* «горящий уголек», *жанк* «клок шерсти», *жыгъери* «щепа», *жыгъыр* (лит. *зыгъыр*) «гравий» и т.п.

Наличие древних кыпчакских и огузских элементов в диалектах и говорах карачаево-балкарского языка, зафиксированных в письменных памятниках, имеет важное научное значение в изучении истории формирования рассматриваемого языка.

В новейших тюркологических исследованиях по теории и истории литературных языков наддиалектный характер такого языка, как карачаево-балкарский, отождествляется с их смешанным характером, т.е. одна из наддиалектных форм реализации общенародного языка. «Она возникает в определенных исторических условиях, – как справедливо отмечает Э.Р. Тенишев, – и существует в устной нестандартной форме, используется для обиходно-бытового общения» (Тенишев 1988, 67).

Разные диалектные формы – далеко не единственный способ достижения наддиалектности средневековых книжно-письменных языков. Письменная фиксация сама по себе способствует отграничению письменного языка от других форм существования языка. Показателями наддиалектности письменных языков являются «насыщенность лексики, которая охватывает все области: религия, духовная культура, бытовая сфера и прочие отвлеченные понятия, грамматическая вариантность

смешанных форм с учетом жанрово-стилистической дифференциации, их вес и назначение» (Горбачевич 1978, 23).

Как отмечалось выше, целенаправленный и сознательный характер процессов нормализации и специфический характер развития отличает литературный язык от наддиалектных форм.

Литературный язык может существовать не только в письменной, но и в устной разновидности, тем самым он не равен письменному языку. Но вместе с тем не всякая письменная фиксация является фактом литературного языка. Например, широкое использование диалектных слов в художественной литературе для речевой характеристики персонажей никоим образом не означает, что они стали литературными. Литературный язык и язык художественной литературы – понятия отнюдь не тождественные. С одной стороны, содержание понятия «литературный язык» шире, поскольку и язык публицистики, и язык других жанров письменности могут относиться к литературному языку. Вместе с тем литературный язык выступает не только в письменной форме, но и в устной.

Для литературного языка типичен отбор языковых фактов, сознательность которого особенно сильна, по мнению М.М. Гухман, «...в определенные исторические эпохи, например, в период формирования национального литературного языка, в другие периоды может действовать установившаяся традиция или сложившаяся общая норма» (Гухман 1953, 7).

Сам факт отбора создает особую обработанность литературного языка, которая является важнейшим его признаком, обуславливающим наддиалектные формы языка.

Как уже было сказано, наддиалектность – это термин, который скрывает за собою общее представление о более или менее существенных расхождениях между диалектными устными и письменными формами (разговорные наддиалектные типы языка, литературные языки). При определении большей или меньшей степени наддиалектности языка памятников играют роль различные, по-разному группирующиеся черты, такие, как традиционность / нетрадиционность жанра, наличие / отсутствие эстетической функции текста, а также, безусловно, и характер самой этой функции.

Следовательно, наддиалектные формы в карачаево-балкарском языке возникают и проявляются в результате воздействия таких стимулов, как соотносительность фонетического и морфологического аспектов, некоторых потребностей общества, которые направляют селективные и эволюционные процессы и определяют пути развития, а также и самый характер возникающих в результате наддиалектных языковых форм.

В процессе образования карачаево-балкарской народности унаследованные тюркские наддиалектные формы речи стали основной базой для становления общенародного языка. Качественно новые диалекты и говоры приобрели локальный региональный характер. С дальнейшим развитием их перспективных черт начинается закрепление отдельных лексических средств за определенными стилевыми формами.

Так, на формирование наддиалектных лексических норм оказывали существенное влияние внешние экстралингвистические факторы. Поскольку характер наддиалектности значительно меняется в процессе исторической эволюции литературного языка, данный признак на всех этапах развития выступает как сложный, комплексный, т.е. состоящий из ряда более простых признаков. Если подходить хронологически, то не меньший интерес представляют публичная речь, язык обрядовых и религиозных действий, своеобразная фразеология, связанная с разного рода семейными и общественными ритуалами, формулы вежливости и приветствий:

– *Кёп болсун, иги жаш!* – дегенди.

– *Сау бол, иги къарт!* (Алгышла... 2002, 347)

«– Пусть будет много, добрый (хороший) юноша!

– Спасибо, добрый (хороший) старик!»

– *А-ха, сау кел, жууукъ бол, балам!*

Мен сени эрттеден сакълайма! (Там же, 130).

«– А-ха, в добрый час, добро пожаловать, сынок!

Я жду тебя очень давно!»

Ныгъышлада олтургъан бир бёлек къарт

Алагъа адетли салам бердиле,

Аланы саламларын да алдыла;

– *Жууукъ болугъуз, сау жүрюген къонакъла!* (Эски жырла 1998, 4)

«Несколько стариков, сидящих в ныгышах

С почтением поздоровались с ними,

Их приветствие тоже приняли с уважением.

– Добро пожаловать, здравствующие гости!»

Из приведенных форм приветствий отчетливо прослеживается уважительное и вежливое обращение при встрече.

Таким образом, сюда включается вся система речевых форм, обслуживающая круг наиболее важных культурных и общественных явлений

в различные периоды жизни народа. Если эту систему рассматривать в единстве, она определяется как особый вариант языка, отличающийся в сравнении с диалектной и региональной речью относительной устойчивостью лексических средств, отдельных грамматических особенностей, а также некоторым консерватизмом звуковой стороны слов.

Даже речь повседневно-бытового общения, характерная своей вариативностью, выступает как диалект по отношению к выделившейся на фоне более устойчивой и целостной в своих определяющих признаках языковой системе.

Так между диалектами изучаемого языка складывались определенные взаимоотношения в виде наддиалектной нормы, обслуживающей более высокие сферы общения, в том числе устную поэзию, религиозные обряды, а также основные аспекты общественной жизни ареальных коллективов.

Формирование наддиалектных канонов карачаево-балкарского языка началось с процесса перехода диалектных форм к языковому единству в пределах складывающейся народности (Улаков 2001, 64). В условиях отсутствия собственной письменности и слабого влияния исконных общетюркских письменных традиций основную роль в становлении норм лексической системы исследуемого языка сыграли обобщенные формы устной речи. Источником служили традиционные каноны древнетюркских наречий, сложная цепь взаимоотношений собственно диалектов, расширение структурных типов и социальных функций наддиалектных форм языка.

Таким образом, исследование проблем образования наддиалектных форм имеет огромное значение в становлении его лексических норм. На сегодняшний день, безусловно, что формирование наддиалектных типов языка совершается в результате постепенного устранения определенной части регионально связанных черт и возникновения – путем сознательного или стихийного отбора, а также в результате самостоятельного спонтанного развития – языковых систем более широкой территориальной, а чаще всего, и функциональной сферы использования.

Как уже известно, наддиалектность возникает в результате вытеснения или просто «невключения» ряда узкорегionalных признаков в наддиалектную языковую систему. Наряду с этим, наддиалектный языковой тип обычно допускает более или менее широкое включение инодиалектных явлений. Это приводит к объединению разнодиалектных по происхождению черт в наддиалектной системе литературного языка. Даже там, где процессы диалектного смешения в литературно-письменном языке до известной степени опираются на идущие в том же направлении процессы, они характеризуют сферу устного языка,

носят обычно различный характер и не вполне совпадают по набору взаимодействующих языковых явлений, а также по результатам подобного смешения. Влияние отдельной диалектной зоны не являлось равноценным и к тому же не сохраняло устойчивости в разные периоды развития литературного языка.

Следовательно, необходимо учитывать огромную роль письменных традиций в становлении норм лексики карачаево-балкарского языка. Известно, что нормы языка не являются чем-то вечным и устойчивым и подвергаются медленным, но постоянным изменениям. Так как язык всегда развивается вместе с обществом, в определении объективной оценки его состояния и норм следует опираться на анализ исторических и современных закономерностей.

ГЛАВА III

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НАДДИАЛЕКТНОСТИ

В новейших исследованиях по теории и истории литературных языков наддиалектный признак языка отождествляется со смешанным характером вариантности, как неизбежным следствием развития языка, контакта его с диалектами, существующими в нем, а также другими близкородственными контактирующими языками.

Так, вариантность, разнообразие, разнотипность речи, определяемые различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц на разных уровнях языковой системы, проявляются неодинаково как во времени, так и по различным близкородственным письменно-литературным языкам, а различные типы вариантности обладают неодинаковой устойчивостью. Например, в смешанном диалектном склонении есть и сходства, и различия: *ала* (лит.) / *алалай* (диал.) «пестрый, препестрый»; *бедаргъу* (диал.) / *семиз* (лит.) «тучный, упитанный»; *гестанты* (лит.) / *кестанты* (разг.) «состязание, соревнование»; *шургу* (лит.) / *шугу* (разг.) «печаль, печально»; *шунха* (разг.) / *ишеклик* (лит.) «сомнение»; *сауру* (лит.) / *сауур* (диал.) «круп лошади» и мн.др.

Категория вариантности как закономерное следствие эволюции языка на данный момент является актуальной проблемой лингвистики, так как обилие вариантных слов в языке объясняется как неразработанностью орфоэпических, так и несовершенством существующих орфографических норм.

Языковые варианты распространены в разговорном языке, территориальных диалектах и регионах. В литературном языке обязательных норм и вариантов больше, так как вариантные формы используются в качестве одного из средств стилистического обогащения художественной речи. Посредством их можно «передать самые тончайшие смысловые оттенки, выразить эмоционально-экспрессивное отношение к высказываемому, устранить тавтологию» (Горбачевич 1978, 9), так как их состав зависит от степени дифференцированности или стилистической маркированности.

Как отмечалось выше, функционально нагруженным, и вместе с тем приобретшим наддиалектный характер, на наш взгляд, предстает

любое, даже чисто грамматическое средство, которое подвергалось литературной обработке. Традиционное литературно-языковое осознание грамматических вариантов, независимо от того, проявляются ли они в склонении имен или же в спряжении глаголов, соотносит их с различными группами в зависимости от соотношения вариантности слова в языке и в орфографии.

Общеизвестно, что каждый из языков контактирует с большим или меньшим количеством других языков. Внутри одного языка также идет непрерывное взаимодействие литературного языка с территориальными диалектами. С другой стороны, каждый язык подчиняется закономерностям, присущим только ему или группе языков, к которой относится данный язык. Это особенно наглядно и ярко проявляется в фонетике. Так, в тюркских языках, следовательно, и в карачаево-балкарском языке, действуют такие фонетические явления, как протеза, эпентеза, редукция и выпадение гласных, сингармонизм, вставка и выпадение согласных, ассимиляция, диссимиляция и метатеза (Алиева 1992, 59). Эти и другие факторы способствуют появлению в языке вариантных способов выражения, то есть двух или более вариантов одного и того же слова. К ним в карачаево-балкарском языке, например, относят варианты следующих слов: *къыйыр* / *къырый* «край, конец; периферия, окраина; сторона; околыш», *къол къап* / *къолпакъ* «рукавицы», *бегеуол* / *мегеуол* «сторож» и др. В данных примерах первый вариант является литературной нормой, а второй – диалектизмом.

По мнению Т.К. Алиевой, которое разделяем и мы, в карачаево-балкарском языке можно выделить следующие группы вариантов слова:

1. фонетические (связанные с устной и письменной разновидностями литературного языка): *топуракъ* – *топракъ* «глина», *къарауул* – *къалауур* «сторож», *сыркиу* – *сыркыу* «озорной (о ребенке)»;

2. фонематические (объясняются действием исторических закономерностей в развитии звукового строя языка, влиянием местных диалектов): *дефтер* – *тефтер* «тетрадь», *къонишу* – *хонишу* «сосед», *таякъ* – *тыякъ* «палка», *битеу* – *бютеу* «весь, целиком»;

3. морфологические (выражаются в видоизменении слова в связи с изменением его аффикса, не затрагивая его лексического значения): *игирек* – *игиракъ* «лучше», *бугъумуч* – *бугълууч* «прятки»;

4. орфографические (произносятся одинаково, но пишутся по-разному): *сенкил* – *сенгил* «конопатый», *эсгер* – *эскер* «вспомнить», *жинк* – *жингк* «искра, горящий уголек» и др. (Алиева 1993, 59).

Таким образом, вариантность как множественность средств выражения одного значения на лексико-грамматическом уровне способствует

объективному повышению культурно-эстетического содержания варьируемых языковых единиц уже за счет того, что создает ощущение приобщенности, причастности к ней носителей языка различных классификационных групп. Так был создан тип наиболее «широкой» наддиалектности (как бы даже «надязыковости») письменно-литературного языка.

Вариантность на разных уровнях языковой системы проявляется неодинаково как во времени, так и по различным близкородственным письменно-литературным языкам, а различные типы вариантности обладают неодинаковой устойчивостью. Например, в смешанном диалектном склонении есть и сходства, и различия: *инбаиш* (лит.) – *умбаиш* (разг.-обих.) «плечо», *басха* – *бахса* (разг.) «грабли», *хууан* (лит.) – *хауун* (рег.) «дыня», *кхамыжакъ* (лит.) – *кхамажакъ* (диал.) «жук», *жасяу* (лит.) – *жыяу* (разг.) «пешком», *ёргерек* (лит.) – *ёргеракъ* (разг.) *ёргетин* (нейтр.) «выше», *махтанчакъ* (нейтр.) – *махтаннгыч* (диал.) «хвостун», *тургуз* – *турдур* (разг.) «поднимать кого-либо, заставлять кого-либо встать», *безиреучю* (нейтр.) – *безиреуюк* (диал.) «любящий забавляться», *чыккыр* (балк.) – *жыккыр* (карач.) – *кюштел* (ц.-диал.) «бочка» и др. Диалектное варьирование не затрагивает именную парадигму. В целом же диалектное склонение позволяет верифицировать использование наборов разнодиалектных типологических форм для варьирования форм базисной системы склонения в языке.

Выше отмечалось, что одним из признаков, подтверждающих статус литературного языка, является наддиалектность. Обособленность от диалектов может реализоваться в двух направлениях: первом, состоящем в отказе от узкорегionalных фонетических, морфологических и лексических черт диалекта, что нередко сопровождается объединением признаков разных диалектных ареалов, и втором, где функционально-стилистическое обособление объясняется спецификой функционирования и особенностями тех жанров, в которых реализовался данный литературный язык. С этим связана традиционность и известная архаичность штампов языка эпической поэзии. Наддиалектность поэтических произведений, для которой показательными являются отсутствие территориальной ограниченности, и совокупность функционально-стилистических примет, составляет типологическую параллель языков. Региональная специфика, обусловленная сохранением известной связи наддиалектных форм с тем или иным диалектным ареалом, является широко распространенным свойством этих образований. Она отмечается не только в языке эпоса и в разных вариантах наддиалектных обиходно-разговорных форм, но и в письменно-литературном языке.

Следует отметить, что особые обобщенные варианты устной речи предназначались в основном для ситуации, возвышающейся над уровнем повседневно-бытового общения. В этом отношении наибольший интерес, безусловно, представляет язык фольклора, так как наличие необработанных устных наддиалектных форм не ограничено каким-либо определенным типом языковых ситуаций. Формы эти могут оказаться компонентами разных по своему составу функциональных парадигм, чем и определяется различие их статуса. И, безусловно, формирование вариантности в условиях наддиалектности совершается в результате постоянного устранения определенной части регионально связанных черт и возникновения – путем сознательного или стихийного отбора, а также в результате самостоятельного спонтанного развития – языковых систем более широкой территориальной, а чаще всего, и функциональной сферы использования.

В отличие от многих других тюркских языков, карачаево-балкарский известен тем, что распадается на территориальные варианты (карачаизмы и балкаризмы), а также наличием смешанного говора (холамо-безенгийского) в его балкарском варианте. Территориальные, региональные различия выражаются литературным языком карачаевцев и балкарцев. Ср.: *тамата* (балк.) / *тамада* (карач.) «старейший», *бохча* (балк.) / *бочха* (карач.) «кошелек», *ахча* (балк.) / *ачха* (карач.) «деньги», *чалгъы* (балк.) / *чалкъы* (карач.) «коса», *чыкъынжик* (балк.) / *чакъынжик* (карач.) «сорока», *бишлакъ* (балк.) / *бышлакъ* (карач.) «сыр», *тыбыр* (балк.) / *тыбыр* (карач.) «очаг; дом, жилище», *дыгъынен* (балк.) / *дыгъынен* (карач.) «костяника», *шибилия* (балк.) / *шыбыла* (карач.) «молния» и др. Региональные различия прослеживаются и в результате отражения закона сингармонизма: в карачаевском варианте сингармонизм лучше сохраняется, например: *хычин* (балк.) / *хычын* (карач.) «пирог», *къоргъашин* (балк.) / *къоргъашын* (карач.) «свинец», *жилян* (балк.) / *джылан* (карач.) «змея», *бичакъ* (балк.) / *бычакъ* (карач.) «нож», *чиммакъ* (балк.) / *чыммакъ* (карач.) «белый-пребелый» и пр.

«...Помимо всего сказанного, в литературном карачаево-балкарском языке имеется довольно много слов, сосуществующих в обоих вариантах, – справедливо отмечает Т.К. Алиева. – Такое сосуществование параллельных (или вариантных) форм – весьма распространенное явление» (Алиева 1993, 60). Например: *ахлу* / *ахыл* / *ахлы* «родственники», *бош* / *бошуна* / *бошунагъа* / *бошинакъгъа* / *бошунакъгъа* «зря, попусту», *палах* / *балах* / *пелях* «беда», *берекет* / *перекет* «изобилие» и мн. др.

Весь процесс взаимообогащения, взаимопроникновения – это «...результат сложных этнических, исторических, экономических и

географических положений и условий» (Максютова 1976, 292). Благодаря тому, что в разговорной речи приметы наддиалектности сохранялись очень долго, практически вплоть до наших дней, само понятие наддиалектности отнюдь не означает полного исключения регионального варьирования. Например: *жауун / джангур* «дождь», *тейри кьылыч / джанкьылыч* «радуга», *кюрек / жугар / беккяхын* «лопата», *чарыкъ / чаппа* «тапочки» и т.д.

Наддиалектные формы не противостоят всей системе дифференциальных признаков диалекта. Структурное обособление от диалекта проявляется уже в частичном отказе от наиболее специфичных, ограниченных небольшой территорией диалектных признаков и в совмещении в одном тексте или в одном наддиалектном образовании признаков разных диалектов.

Таким образом, наддиалектность — свойство не только современного, но и древнего литературного языка, точнее, языка письменно-книжной литературы. И, как было замечено выше, наддиалектность, то есть обособление от диалекта, особенно в донациональный период, реализуется в двух направлениях: в отказе от узкорегionalных фонетических, морфологических и лексических черт диалекта, что нередко сопровождалось объединением признаков разных диалектных ареалов и в функционально-стилистическом обособлении. Оно обусловлено спецификой тех жанров, в которых реализовался данный литературный язык. С этим связана традиционность и известная архаичность штампов языка эпической поэзии.

Формирование норм лексической системы карачаево-балкарского языка началось с процесса перехода диалектных форм к языковому единству в пределах складывающейся народности. В условиях отсутствия собственной письменности и слабого влияния исконных письменных традиций основную роль в становлении норм лексической системы исследуемого языка оказали обобщенные формы устной речи. Источником служили традиционные каноны древнетюркских наречий, сложная цепь взаимоотношений собственно диалектов (Алиев 1962, 67), структурные типы и социальные функции наддиалектных форм языка.

Характерно и то, что наддиалектные черты носили и «форма повествования» и «стиль поэзии». Именно они и формировали основы литературного языка карачаевцев и балкарцев. В них отразились наиболее яркие наддиалектные черты национального языка (Улаков 1993, 127). А наддиалектные формы отражены в фольклорных произведениях, а также в первых письменных памятниках карачаево-балкарского народа.

Рассматривая языковую вариантность в условиях наддиалектности карачаево-балкарского языка, с особенной ясностью мы видим, как раскрывается неоднородность и сложность лексического состава языка: любые реализации языка происходят в рамках определенной исторически сложившейся и дифференцированной системы форм его существования, статус которых зависит от характера общей языковой ситуации и потребностей тех или иных сфер общения.

Следует отметить, что языковое варьирование включает в себя лексическое, функционально-стилистическое и региональное варьирования.

1. Лексическое варьирование в условиях наддиалектности

Любая деятельность человека, в том числе и научная, может быть представлена и рассмотрена как непрерывный процесс смены целенаправленных действий, ситуаций или коммуникативных актов, в которых речевые намерения участников определяют как характер сообщения, так и характер восприятия конкретной информации. Познавательная и кумулятивная (накопительная, суммирующая) функции, через которые описывается процесс накопления и сохранения знаний в различных языковых и речевых проявлениях, являются важным звеном, характеризующим статус языка науки.

Весь комплекс перечисленных факторов принято относить к экстралингвистическим факторам, определяющим различные типы внутриязыковой дифференциации (социолингвистические, стилистические и т.д.) (Аликаев 1999, 16).

Теоретическое осмысление вариантности как особого языкового явления начинается с середины XX в., когда на первый план выдвигается комплекс проблем, связанных с различными аспектами практической стилистики. Особенно пристальное внимание лингвистов к проблеме вариантности стало в последние десятилетия XX в. Именно тогда, в 70–90-е годы прошлого столетия, выходят в свет наиболее глубокие исследования, связанные с именами таких ученых, как К.С. Горбачевич, Л.К. Граудина, Н.Н. Семенюк и некоторые др. Основными направлениями исследований в это время были: смена вариантов, конкуренция вариантов, нормативный аспект формальной вариантности слова, соотношение вариантности и тождества слова, прогнозирующий характер вариантности и некоторые другие.

Так, Н.Н. Семенюк пишет, что вариантность – это «...существование в определенном языке одной и той же лексемы, словоформы или одной

и той же конструкции, по крайней мере, в двух различных формальных модификациях, не связанных с изменением основного лингвистического значения данной конкретной единицы» (Семенюк 1977, 109).

Л.К. Граудина же термином «варианты слова» обозначает «разновидности одного и того же слова, характеризующиеся тождественной лексико-семантической функцией и частичным различием звукового состава неформальной части слов» (Граудина 1981, 39). Также она отмечает, что «вариантность обозначает особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей при сохранении того, что является основой» (Граудина 1996, 179).

По определению же Б.З. Букчиной, вариантность «...является органическим свойством языковых средств, вытекающим из характера языковой системы. Сущность вариантности заключается в принципиальной возможности передачи в языке одного и того же лингвистического значения двумя или несколькими формальными способами; таким образом, вариантность рассматривается как существование языковых средств, по крайней мере, в двух различных модификациях» (Букчина 1981, 215).

Вариантность, варианты слова как лексико-грамматическое явление, по мнению К.С. Горбачевича, – «это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями)» (Горбачевич 1978, 17).

Как отмечает В.М. Солнцев, «...под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой» (Солнцев 1984, 81). С.Г. Бережан считает, что вариантность – это свойство языкового знака видоизменять свое означаемое при сохранении тождества означаемого (Бережан 1982, 36).

Из вышеприведенных определений языковой вариантности ясно, что вариантами могут быть и слова (лексемы) и словоформы (грамматические формы слова). Однако О.С. Ахманова вариантами слова считает лишь «его лексические разновидности, его лексические модификации, а не его грамматические формы» (Ахманова 1957, 216).

Н.М. Шанский считает вариантами слова, имеющие тождественный морфемный состав, различия между которыми настолько незначительны, что не нарушают единства лексической единицы в целом. По его

мнению, «тождество слова не может сохраняться, если не сохраняется тождество составляющих его основу морфем» (Шанский 1959, 13).

Различия во входящих в состав однокоренных образований типа *лиса* – *лисица*, *волчица* – *волчиха* О.С. Ахманова считает пустыми, т.е. лишенными соответствующих смысловых функций и, следовательно, не нарушающими лексико-семантического тождества слова. «При явном тождестве корня внешнее различие, – пишет она, – оказывается в таких случаях второстепенным, и поскольку оно, кроме того, не выражает никакого лексико-семантического различия, постольку оно не воспринимается как несуществующее и не препятствует отождествлению слова в соответствующих глоссах» (Ахманова 1957, 214).

Итак, О.С. Ахманова рассматривает такого типа образования как модификации одного и того же слова, называя их словообразовательными вариантами.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о том, что понятие «вариант слова» разными языковедами интерпретируется по-разному. Большинство языковедов вариантность понимают в узком смысле, рассматривая варианты слова как способ его существования и функционирования в синхронии.

Тем не менее, однако, есть ученые, которые трактуют понятие «вариантность» в широком смысле, понимая под вариантом всякую языковую изменчивость, использование всех параллельных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений. Такое понимание вариантов, по мнению многих исследователей, приводит к расширенному и неопределенному применению данного термина. В этом случае получается, что к вариантам могут быть отнесены и все типы языковой синонимии.

Для отграничения вариантов слова от смежных явлений языковеды предпринимают попытки выработать соответствующие процедуры. Несколько критериев идентификации, предложенные К.С. Горбачевичем, здесь могут служить примером различных вариантов.

Первым критерием он считает совпадение лексического значения. Совпадение лексического значения и вытекающая из этого обстоятельство возможность взаимозамены в свободных сочетаниях слов – первое и основное условие опознания вариантов одного и того же слова. Вторым критерием считается совпадение грамматического значения, являющегося необходимым для идентификации, прежде всего, грамматических вариантов слова. Вариантность форм возникает только при совпадении лексического и грамматического значения.

Для отграничения вариантов одного и того же слова от разных слов лингвисты предлагают также условие стилистического тождества

сопоставляемых единиц. О.И. Москальская пишет, что «критерием вариантности является равнозначность сосуществующих форм, свободное варьирование их в пределах одной эпохи и одного стиля. Именно это создает демаркационную линию между вариантностью и синонимией» (Москальская 1969, 57). Вариантные формы, по ее мнению, не должны нести одна по сравнению с другой дополнительной информации (Там же, 58).

В.М. Филиппова и В.А. Капранов также считают, что наличие стилистических различий, стилистической окраски у семантически тождественных единиц позволяет говорить не о вариантности, а о синонимии, что при установлении вариантности необходимо учитывать употребление варьирующихся единиц в различных стилях литературной речи (Филиппова 1957, 167; Капранов 1967, 139, 140).

Однако общеизвестно, что совпадать по значению и стилистически могут и полные синонимы. Поэтому, на наш взгляд, эти особенности не могут разграничивать варианты слова и полные синонимы. Иначе говоря, эти явления друг от друга отличаются ни по смыслу и ни стилистически, а по форме, т.е. разностью одной-двух фонем в корне или аффиксе: *дуппур* / *туппур* «холм, курган», *ахлу* / *ахыл* «родственник»; *юйренчек* / *юйренчик* «привычный», *айланчук* / *айланжюк* «юла» и др.

Следовательно, при определении понятия «варианты слова» следует учитывать, что они должны иметь общий корень и одно и то же значение при звуковых различиях в корне или аффиксах, а также различиях стилистических, где варьирование происходит в корне или аффиксе.

С учетом вышеизложенных признаков вариантности слова, вариантами слова в карачаево-балкарском языке являются его разновидности, имеющие одинаковое значение, одинаковую морфологическую структуру (корень и аффиксы) и морфемный состав (варианты должны быть безаффиксальными или аффиксальными), различающиеся звуковым составом корня или словообразовательных аффиксов, а также стилистическими оттенками (Алиева 2006, 64).

В лексическом варьировании, имевшем преимущественно наддиалектный статус, получили реализацию процессы интенсивного развития словарного состава языка письменности. Будучи наиболее мобильной подсистемой языка, лексика быстро и непосредственно реагирует на изменения, происходящие в общественной жизни народа, в материальных формах его существования (Гухман, Семенюк, Бабенко 1983, 54).

Язык эпических произведений – это язык наддиалектный, отличающийся от повседневно-бытовой речи устойчивостью форм, обработанностью, архаичностью лексики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями. Его наддиалектность подтверждают

устойчивые формулы, эпитеты, сравнения, метафоры, создававшиеся в процессе многовекового развития эпоса талантливыми сказителями из поколения в поколение, а также архаический характер его лексики.

Если говорить о функциональной классификации вариантов, нужно учитывать такие факторы, как нормативность / ненормативность; *тукъум* (лит.) / *дукъум* (ч.-диал.) «род, фамилия», *чалдиу* (лит.) / *чаллиу* (ц.-диал.) «подножка», «зацеп (в спортивной борьбе)», *дуппур* (лит.) / *туппур* (ц.-диал.) «холм, бугор, курган», *мазакой* (карач.) / *мазаллы* (балк.) «огромный, здоровенный, громадный»; стилистическая и эмоционально-экспрессивная маркированность: *ансы* (лит.), *ансын* (прост.) «иначе, а то, а не то», *керексизге* (лит.), *керексизине* (разг.) «зря, напрасно», *ариу* «красивый» / *ариука* (ласк.) «красивенький», *уллу* / *уллука* (пренебр.) «большой»; особенности сочетаемости слов-вариантов и происхождение вариантов в научной литературе. Они выделяются в качестве несобственно вариантных (второстепенных) признаков, которые используются при функциональном исследовании вариантов. Ненормативные варианты используются вне пределов литературного языка и противопоставляются литературным вариантам (нормативным).

Причины, порождающие лексическое варьирование, многочисленны и достаточно разнохарактерны. На каждом ярусе языка варьирование имеет свои особенности, а значит и специфические предпосылки своего зарождения. Среди факторов, способствующих появлению вариантности в литературном языке, часто называют территориальные и социально-профессиональные различия, возрастную структуру общества, функциональное многообразие литературного языка, требования отдельных жанров художественной речи. Перечисленные стороны языковой и социальной действительности, безусловно, являются импульсами, порождающими варьирование, но первопричины, очевидно, следует искать не в них.

Известно, что варьирование свойственно любому уровню языка на любом этапе его истории (Ярцева 1983, 5). В. Матезиус писал, что «развитие языков вообще складывается, прежде всего, из изменений» (Матезиус 1967, 380). Варьирование часто вызывается не одной, а несколькими причинами (комплексом причин: влияние территориальных диалектов и существование локальных разновидностей литературного языка, межъязыковые контакты – заимствование одного и того же слова из разных языков, влияние языка-посредника, условия билингвизма и пр.).

Рисуя картину возникновения лексического варьирования в языке, следует заметить, что «...изменения в языке, вызванные внешними, неязыковыми причинами, порождают другие изменения и, таким образом, возникает «цепная реакция» появления, исчезновения, изменения тех

или иных элементов, которые обуславливаются сложными взаимодействиями факторов, действующих извне, и внутриязыковых, подчиненных системе данного языка» (Михайловская 1981, 113). Существует и ряд других факторов (частота и сфера употребления слова), способствующих образованию варьирования. Нельзя не учитывать также влияние социальных преобразований, которые нередко служат толчком к изменению формы обозначающего, или, наоборот, способствуют сохранению традиции вариантности, которая в целом обусловлена эволюцией языка и потребностями коммуникации.

Как показывает наше исследование, наличие вариантов слова в исследуемом языке в большинстве случаев объясняется влиянием разговорной речи, территориальных диалектов. В многообразии лексического варьирования, в использовании синонимичных словообразовательных моделей отражается типичное для младописьменного языка отсутствие устойчивости сложившегося узуса. Весьма ограниченную роль играет при этом региональный фактор, если под этим понимать зависимость от диалектного ареала.

Диалекты и говоры – это исторически сложившиеся языковые формы, они отражают те древние черты локальных языков тех племен, которые существовали в очень далекую эпоху, то есть тогда, когда карачаево-балкарский язык только начинал складываться. Первоначально карачаево-балкарский язык, как, наверное, любой другой язык, существовал как совокупность этих говоров, как совокупность диалектов, и только потом, когда начали складываться единые на всем пространстве для данного народа языковые черты, тогда стал вырабатываться так называемый наддиалектный тип языка, который был общим для этого народа и который обслуживал нужды всей общины, независимо от того места, где жил тот или иной человек. При этом говоры всей общности в каждой среде продолжали прекраснейшим образом сохраняться. Они сохраняются и до сих пор и составляют собой естественное богатство любого национального языка, в том числе и карачаево-балкарского. Говоры питают собой карачаево-балкарский литературный язык, и следует сказать, что это никакие не отклонения от нормы.

2. Функционально-стилистическое варьирование в условиях наддиалектности

Значительно менее разработанными по сравнению с языковым варьированием оказались вопросы, связанные с изучением разновидностей членения литературных языков. Хотя в отдельных работах обращалось

внимание на факты территориального членения литературных языков, само это членение изучалось изолированно от других типов дифференциации литературного языка и не рассматривалось как одна из возможных разновидностей его варьирования. Функционально-стилистические исследования на материале современных тюркских языков достигли определенных успехов в изучении отдельных функциональных стилей. Изучение вопросов, входящих в указанную проблематику, естественно, сделало необходимым создание новых исследований. Две задачи оказались при этом в центре внимания: а) изучение форм дифференциации на материале разных литературных языков, причем особое внимание обращалось на привлечение тех языков, которые ранее исследовались в этом аспекте, и б) выявление соотношения и возможных связей между разными типами варьирования в системе того или иного литературного языка.

Функционально-стилистическое варьирование литературного языка сопряжено с другими разновидностями его членения – с социальной, пространственной и жанровой дифференциацией. Определяющими факторами являлись сферы общения и виды письменного и устного общения.

В стилистической дифференциации ведущим было соотношение книжной и народно-разговорной стихий. Различия проявились не только в отборе лексики, фразеологии и синтаксических структур, но и в общих параметрах, большей или меньшей обработанности языка, его гомогенности и наддиалектности.

Одним из ярких проявлений стилистической дифференциации были степень включения обиходной (разговорной) и просторечной лексики и фразеологии и их соотношение с пластом заимствованных слов.

Стремление сделать письменный язык понятным приводило к отказу от канонизированных (традиционных) языковых образцов. А такие образцы, в свою очередь, развивались в отрыве от наддиалектных форм языка устного общения и способствовали усилению контактов устной и письменной разновидностей языка, преодолению разрыва между ними. Эта общая тенденция реализовалась в отдельных произведениях с разной степенью интенсивности, обнаруживая разную направленность и мотивированность.

В связи с этим следует отметить, что влияние узуса языка устного общения проявляется не столько в опрошении стилистических моделей письменных форм языка, сколько в увеличении в языке книжного типа доли обиходно-разговорных элементов разной стилистической окраски, нередко относящихся к сугубо сниженным пластам устного языка.

Стиль речи состоит из относительно ограниченных структур речи. Еще задолго до образования литературных норм карачаево-балкарского языка началось становление и формирование его стилей. В процессе дальнейшего развития национального литературного языка в становлении норм, также и в изучении истории развития литературного языка, народный язык, несомненно, может стать основой, так как современный карачаево-балкарский язык своими корнями сплетается с народным языком, и поэтому лексико-грамматические, стилистические, орфографические нормы заложены в народном языке.

Так, определяя развитие и становление стилей в карачаево-балкарском языке, М.З. Улаков отмечает, что долитературный период формирования языка характеризуется бытованием в лексико-семантической системе функционального разговорного стиля. Следует отметить, что в его состав входили такие подсистемы, как *уучу тил* «охотничий стиль», *келишим тил* «деловой стиль», *келечи тил* «стиль сватовства», *къара сёз* «форма повествования», *назму тил* «стиль поэзии». Известно, что «форма повествования» и «стиль поэзии» носили наддиалектные черты, и именно они постепенно формировали основы карачаево-балкарского литературного языка. Здесь отразились самые яркие черты национального языка и этими формами изложены фольклорные произведения, а также первые письменные памятники языка карачаевцев и балкарцев (Улаков 1993, 126).

Замечательным памятником устного народного творчества не только карачаевцев и балкарцев, но и других народов Северного Кавказа является нартский эпос. Много исследований посвящено анализу нартского эпоса, но некоторые вопросы до сегодняшнего времени не нашли удовлетворительного ответа. Древнейший героический эпос «Нарты» характеризуется чрезвычайно богатыми и разнообразными особенностями языка, стиля и поэтики. Изучение стилистических особенностей нартского эпоса открывает новые возможности для раскрытия литературного образа, художественного мира произведения в целом. Художественный образ может существовать только в словесной форме. Слово или язык является материальным носителем образности. «Язык является первоосновой поэзии как письменной, так и устной. Нельзя изучать особенности как литературного, так и фольклорного произведения, не зная того «первоэлемента», из которого создаются эти произведения», – справедливо отмечает П.Г. Богатырев (Богатырев 1973, 107).

Язык эпоса, в лингвистическом понимании, можно рассматривать как особый лингвистический пласт, противопоставленный языку художественной литературы, а вместе с ним и другим языковым стилям

(научному, деловому и т.д.). Изучение языкового богатства произведений карачаево-балкарского нартского эпоса, его стилистических и художественно-изобразительных средств дает возможность не только глубоко и разносторонне оценить эти произведения, но и помогает изучению карачаево-балкарского языка в целом.

В быту карачаевцев и балкарцев нартские сказания существуют в двух основных формах – певческой (музыкальной) и прозаической, или же в сочетании обеих форм. Именно язык поэзии дает возможность максимально выявить семантические и стилистические особенности слова и выразить авторскую оценку явлений. В этом отношении наибольший интерес представляют *нарт жыры* «нартские песни», то есть произведения, существующие в поэтической форме. По определению исследователей, песни нартского эпоса относятся к типу эпического повествовательного творчества, и в своей морфологии сближаются с мифом (Рахаев 1988, 94). Для песенной эпики карачаево-балкарского нартского эпоса характерны развитый сюжет и эпический стиль повествования с многократными повторами одних и тех же эпизодов:

*Жанбаш сыртда Жангыз Терек ёсмесин,
Ёссе, ёссюн, ууалмасын, сынмасын!
Аналагъа жангыз улан туумасын,
Тууса, туусун, аурумасын, ёлмесин!*

«На плато Жанбаш пусть не растет одинокое дерево,
А если вырастет, пусть растет, не ломается!
У матерей пусть не рождается единственный сын,
А если родится, пусть растет, не болеет».

В карачаево-балкарском песенном фольклоре выражены разные аспекты его национальной духовной культуры: мифология, этнография, хореография, история, общинные и календарные обряды. Значительная часть устной поэтической культуры «...посвящена лирической песне, которая традиционно считается душой и сердцем народа» (Малкондуев 2000, 9). В песенную культуру через отвлеченные образы и реальные события народ вкладывал свое отношение ко всему, что происходило в его многолетней истории:

*Чилле Гоша чий чилле эше эди,
Чилле Гоша чий дарийле тизе эди,
Он бармагъын чий чилле кесе эди,
Чилле Гоша къаллай жашны сюе эди?*

*Аягъыны туюнде тауукъ бала – ары-бери ётеди.
Чилле Гоша къаллай жашха барлыкъ эди?
Чилле Гоша аллай жашха барлыкъ эди:
Къолуна да **жибек аркъан** алгъаннга,
Къабартыны жылкысына баргъаннга,
Аркъан бла туу эмилик буугъаннга,
Ат къарындан жангыз айыл тартханнга,
Керек салмай, айланч ётмей чыккыгъаннга,
Артха айланып, кийик кирик келгеннге,
Ай, Къобан суунда да ма чабакъ кирик жюзгеннге!*

«Чилле Гоша натуральные шелка пряла,
Чилле Гоша натуральные шелка собирала.
Десять пальцев ее изранились дорогие шелка.
Чилле Гоша, в какого бы парня хотела влюбиться?
Под ступнями ее чтобы цыпленок мог пробежать.
Чилле Гоша, за какого парня бы вышла?
Чилле Гоша за такого парня вышла бы:
Кто бы в руки взял шелковый аркан взял
И отправился бы в кабардинские табуны,
И арканом поймал бы дикого неук,
Чтобы (потник) был бы закреплен лишь на одном ремне,
Чтобы спускался бы он оттуда, словно архар,
Чтобы в Кубани, словно рыба, он плавал».

Зачинное повествование в этих строках носит открытый и довольно развитый характер. Очевидно, какие события могут последовать за условиями гордой красавицы. Эти условия и являются устойчивым зачинным, сюжетно-повествовательным элементом данной песни. Чтобы будущий жених мог бы поймать арканом необъезженного кабардинского коня, чтобы потник на коне был бы закреплен только одним ремнем, чтобы и без нагрудника, и не сворачивал с пути, прямо бы поднимался на гору и опустился бы оттуда быстро, словно тур, да и в бурных водах Кубани показал бы свое искусство плавать, словно рыба. В описании важное место отводится глаголам, которые передают дерзкие и трудновыполнимые условия, чтобы быть достойным руки и сердца княжны. Такие словосочетания, как: *жибек аркъан* – «шелковый аркан», *туу эмилик* «дикий неук», *жангыз айыл* «единственный ремень» в сочетании с соответствующими глагольными формами «взявший (в) руки»; *буугъан* «поймавший», *тартхан* «закреплявший» образуют императивные смысловые формулы, выполняющие роль доминантных художественно-стилевых систем в описании основных содержательных элементов зачина песни.

Для карачаево-балкарского фольклора характерна эмоционально-экспрессивная функция стилистических приемов. Как справедливо отмечает М.З. Улаков, «эмоционально-экспрессивные слова представляют собой разновидности высоких и сниженных стилистических средств языка. Они составляют значительную часть карачаево-балкарской лексики. На эмоционально-экспрессивную окраску слова накладывают отпечаток его значение, которое содержит элемент оценки. Это значит, что номинативная функция слова осложнена экспрессивностью» (Улаков 1995, 21).

В нартском эпосе эмоциональность слов выражает субъективное отношение говорящего к объекту речи, его чувства и настроение. Она может выражать положительную или отрицательную оценку, передающую различные чувства:

Эртте, узакъ чакълада, эмегенле, нартла деп болгъандыла. Эмегенле бийикле, базыкълыкълары да, анга кёре, бек базыкъ болгъандыла. Эмегенле адамлагъа ушайыракъ, эриши, ийисли, акъылсыз, анкъау, менгиреу, эссизле болуп, агъачлада, дорбунлада жашап, ханс, тамыр, не жаныуар тапсала да, ашап жюригендиле.

Нартла уа адамла болгъандыла. Къаллай адамла десенг, къарыулу, батыр, кеслери да улу санлыла, акъыллы, оюмлу, баи адамла болгъандыла. Алай а хар заманда ол аман ийисли эмегенле бла суулары сюзюлмегенди. Хар заманда эмегенле, нарт элге чаба да, маллары ашай, анда-мында сабийлерин кёрселе, къаба тургъандыла.

«Давно, в очень древние времена, жили нарты и эмегены. Эмегены были огромного роста, а в ширину, соответственно, тоже были очень толстые, полные. Они походили на людей, но были уродливыми, вонючими, глупыми, распущенными, бестолковыми, несообразительными и жили в лесах, пещерах, питались травами, кореньями, поедали живое без разбору.

А нарты были людьми. Если спросишь, какими, – сильными, отважными, к тому же крупными, умными, находчивыми, одним словом, настоящими людьми. Но у них всегда не ладились дела с теми зловонными эмегенами. Эмегены все время устраивали набеги на нартские аулы, пожирали их скотину, [крали] и съедали детей [нартов]».

Так, в приведенном примере в описании эмегенов – отрицательных героев – приводятся прилагательные *эриши* «некрасивые», *ийисли* «вонючие, зловонные», *акъылсыз* «глупые, неумные», *анкъау* «невоспитанные, распущенные», *менгиреу* «бестолковые, непонятливые», *эссизле* «несообразительные, невнимательные, недогадливые». Противопоставляются им прилагательные в описании людей-нарттов – положительных героев – *къарыулу* «сильные», *батыр* «отважные», *улу*

санлыла «крупные, большого роста», акъыллы «умные», оюмлу «находчивые, догадливые», баи адамла «настоящие люди». Эмоциональность слов в полной мере выражает субъективное отношение к тем или иным персонажам, выражая положительную или отрицательную оценку.

Традиционность фольклора весьма ярко отражается в устойчивости многих, так называемых «общих мест», эпических клише. Это очень тонко и образно отмечает В.М. Мокиенко: «Устное народное творчество насквозь пронизано устойчивыми формулами, стереотипными оборотами и сочетаниями, они подобны разноцветным камешкам, из которых складывается мозаика фольклорного целого» (Мокиенко 1986, 203). Языковой материал исключительно важен для постижения национального колорита нартского эпоса, так как именно в языке эпоса традиционные формулы приобретают эмоционально-экспрессивную неповторимость.

Значительную роль в определении особенностей языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса выполняет анализ стилистических функций таких художественных средств, как антонимы, эпитеты, метафора, гипербола, эпифора, диалог, повторы и т.д. Они несут важную стилистическую функцию – служат для создания контрастных художественных образов. Их стилистическая особенность заключается в создании психологических портретов героев нартского эпоса. Именно благодаря удачному употреблению этих стилистических приемов во всей своей эпической яркости создаются неповторимые мифические образы.

Таким образом, использование подобных стилистических фигур еще ярче выделяет в эпосе такие духовные ценности, как справедливость и добро, торжество жизни, во имя которых и совершали свои подвиги герои нартского эпоса. Как справедливо утверждают многие исследователи, только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, так как требования к нему здесь максимальные, все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов. «...Поэзия как бы выжимает все соки из языка; язык превосходит здесь себя самого» (Бахтин 1975, 15). Поэтому именно изучение стихотворной речи является одной из важнейших задач теоретической стилистики. В этом отношении особо можно выделить сказания об основных героях эпоса: Сосуруко (имя этого героя дается в различных вариантах), Дебете, Ачемезе и др. Здесь особое внимание привлекают наддиалектный архаизм лексики, ее выразительность, эмоциональность. Известно, что эпический язык нартского эпоса – это наддиалектный язык, который отличается от повседневно-бытового языка архаичностью лексики, а также некоторыми лексико-грамматическими особенностями:

*Ёрюзмек дегенинг къаялада кийик аякълы эди,
Сёлешигенде, багъыр жаякълы эди.*

«А тот, кого звали Ёрюзмеком, на скалах олененогим был,
В беседах неустанным был».

Ориентация на разговорный тип языка «...характеризует, прежде всего, демократическую разновидность драматургии и некоторые формы сатирических произведений» (Гухман, Семенюк 1977, 441), изменения же в языковой ситуации, по-видимому, связаны с формированием обиходно-разговорных форм наддиалектного типа.

Статус наддиалектных форм языка определяется соотношением с диалектами, причем не только на уровне стилистически маркированных лексических пластов и синтаксических конструкций, но и всей системы строевых признаков.

Стилистическая система карачаево-балкарского языка, как и любого другого литературного национального языка, вырастает из взаимодействия общественно обусловленных речевых и экспрессивных форм и образующих их языковых средств. Стиль речи состоит из относительно ограниченных структур речи.

Древнейший героический нартский эпос характеризуется чрезвычайно богатыми и разнообразными особенностями языка, стиля и поэтики, основной задачей изучения должен стать анализ языкового материала художественного произведения с точки зрения стилистики. В связи с этим А.И. Ефимов пишет: «Рассматривая стиль как категорию структурно-синтаксическую, мы должны выделить специализированные элементы каждого стиля на всех уровнях языка: лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса» (Ефимов 1969, 12).

Но многие исследователи в изучении языка и стиля художественного произведения отдают предпочтение семантико-стилистическому принципу, так как наиболее эффективным в классификации лексики признают именно эго, ориентирующего на определение стилистического «паспорта» слов и на соотнесенность их со стилями языка.

На эмоционально-экспрессивную окраску слова накладывает отпечаток его значение, которое содержит элемент оценки. Это значит, что «...номинативная функция слова осложнена экспрессивностью» (Улаков, 1995, 21). Например: положительных героев эпоса – нарттов – характеризуют такие качества, как *бир сёзюнде тургъан* «верный данному слову», *деу* «могучий, великий», *пелиуан* «богатырь», *тёбе санлы* «курганоподобный», *мазаллы* «здоровый», *ариу* «красивый», *чомарт* «щедрый», *алф* «великий, могучий, гигантский»; а

отрицательных героев – их врагов – характеризуют следующие определения: *анкъау* «некрасивый, невоспитанный, распущенный», *мондай* «глупый», *аман* «подлый», *чий* «незрелый, с изъяном», *чий тели* «набитый дурак», *чийбел* «ленивый», *бошбел*, *бошбоюн*, *эринчек* «ленивый, несобранный», *фитна* «хитроумный», *бир сёзюнде турмагъан* «неверный своему слову» и т.д.

До сих пор основное внимание уделялось изучению эпоса как литературного памятника, язык же нартского эпоса оставался, можно сказать, вне поля зрения исследователей. В последние десятилетия в этом отношении намечилось определенное продвижение, специалисты стали все чаще уделять внимание языку фольклора, его роли в формировании и развитии национального языка. В этом аспекте исключительно большой интерес представляет язык карачаево-балкарского нартского эпоса, поскольку исследование его функционально-стилистической культуры поможет понять роль донациональной формы языка в формировании литературного языка.

Известно, что язык эпических произведений отличается от повседневно-бытовой речи более устойчивыми формами, обработанностью лексики.

Значение эпоса для карачаево-балкарского народа велико. Сказители из года в год совершенствовали искусство исполнения текста, отшлифовывали его для усиления эмоционального воздействия на слушателей. Поэтому с течением времени язык нартского эпоса становился все более совершенным, вырабатывались удачные устойчивые обороты речи, стандартные фразы, отбирались наиболее колоритные языковые средства, вырабатывались грамматические и фонетические особенности, отличающие его от обыденной речи.

Обработанность языка нартского эпоса особенно наглядно проявляется в устойчивых словесных моделях. Например, такими моделями сказитель пользуется в тех случаях, когда описывает мастерство, умение и трудолюбие героя:

*Таза жигит эди Ачей улу Ачемез,
Ач бёрюге танг аласында кьой бермез.*

«Поистине герой был сын Ачея Ачемез,
На рассвете голодному волку барана не отдаст».

Или же:

*Ол шишкилни дорласында орнатханд,
Мал меишутун сабанлагъа кьуярча.*

*Боюнсасын, чомачасын хазырлап,
Хычауманда сабан сюрюрге баргъанд...*

«Он установил большую корзину из прутьев
(для перетаскивания навоза),
Чтобы навозом удобрять пашни.
Ярмо и штырь (деталь ярма) он подготовил
И в марте пошел пахать».

Следующая модель используется при описании оружия богатыря Дебета:

*Садакълары Минги таудан ётгендиле,
Къылычлары (Дебетни) къаяланы кесгенди...*

«Стрелы (Дебета) Эльбрус пробивали,
Мечи (Дебета) скалы рассекали» (Нарты 1994, 70).

Необходимо отметить, что большинство моделей являются общетюркскими или древнетюркского происхождения. К ним относятся, например, формулы-эпитеты, характеризующие главных героев-богатырей эпического произведения.

Язык нартского эпоса, наряду с подобными традиционными моделями, так же богат различными эпитетами, сравнениями, метафорами. У каждого героя имеется основной эпитет, определяющий характерный его признак. В языке эпоса встречаются также эпитеты-характеристики: *Аны (Ёрюзмекни) бёрю тону да желпегей, эки мыйыгъы да кёрпелей* «Его (Ёрюзмека) волчья шуба внакидку, его усы подобны мерлушке» (Там же, 84).

Помимо эпитетов в эпосе имеется много сравнений и метафор, делающих его язык богатым, выразительным, образным и красочным. Например: *Ариулугъу (Сатанайны) тауну, таины кюнча жарыта* «Красота (Сатанай), как солнце, озаряла камни и горы» (Там же, 72).

Как показывает материал, все эти устойчивые модели, эпитеты, сравнения, метафоры, которые создавались в процессе многовекового развития эпоса различными сказителями, сохраняются во многих вариантах нартских сказаний неизменными. Именно это указывает на то, что язык нартского эпоса является наддиалектным языком, отличающимся от повседневной бытовой речи. Язык эпических произведений отличается устойчивостью форм, обработанностью лексики и некоторыми фонетико-грамматическими особенностями. Его наддиалектность подтверждают устойчивые формулы, эпитеты,

сравнения. Например, когда краснобородый Фук садится на своего коня, то «скачет быстрее, чем ветер» – *барады желден къаты*; метафоры, к примеру, описание Сатанай: *кённо билген, ариу бийче Сатанай* «всезнающая, красивая Сатанай» и др. В нартских сказаниях и песнях балкарцев и карачаевцев постоянно подчеркивается лучезарная, ослепляющая красота Сатанай: *кёз къаматхан, чыммакъ къоллу* досл. «ослепительная, белорукая». В ее образе нашел отражение культ матери-прародительницы: она мудрая, вещая чародейка, покровительница и советчица, помощница всех нартвов, восприемница и воспитательница (Сосурука и Карашауая) и даже целительница.

Создававшийся в процессе многовекового развития эпос, его лексика передавались из поколения в поколение талантливыми сказителями. Его лексический состав отличается архаическим характером. Например: *садакъ* «лук», *гоппан* «чаша», *суулукъ* «фляжка», *гебенек* «одежда свободного покроя», *жал* «зарплата», *балакъа* «розга», *гошала*, *бийче къызла*, *бийчеле* «девушки дворянского сословия, жены князей», *сёюнжю* «тяжелая ноша», *чунакъ къулакълы*, *къурта къулакълы* «с маленькими ушами (о лошади)», *белкъау* «ленивый, не любящий работать», *къалкъан* «щит», *кюбе* «кольчуга», *оспар* «гордый, большой», *чериу* «армия» и пр.

3. Региональная вариантность в условиях наддиалектности

Формы перехода от языка народности к национальному языку, процесс выработки новых отличительных признаков национального языка не тождественны для разных языков. Конкретные исторические условия образования той или иной нации, прежде всего, а также специфические языковые отношения, характеризующие переходный период от языка народности к региональному языку, неодинаковые в истории различных народов, определяют многообразие проявления общих закономерностей развития от языка народности к региональному языку.

Варьирование слова связано с взаимодействием устной и письменной разновидностей литературного языка, процессами, действующими в данном языке. Варьирование может также быть обусловлено действием исторических закономерностей в развитии звукового строя карачаево-балкарского языка, территориальной разобщенностью носителей карачаево-балкарского языка: проживанием карачаевцев в Карачаево-Черкесской республике, балкарцев – в Кабардино-Балкарской республике.

Таким образом, возникновению вариантов слов в основном способствовали внешние факторы. При этом проникновение диалектных и региональных форм и заимствование слов из других языков происходило главным образом через устную речь.

Так как литературный язык создавался на базе устно-разговорной речи, нормативный статус приобрели многие разговорно-просторечные слова и их произносительные формы в каждом регионе.

Подобные регионализмы встречаются также в эпосе «Нарты» – величайшем памятнике карачаевцев и балкарцев, поэтому народный эпос подобрал все лексические варианты. Здесь можно выделить несколько видов региональных вариантов, например:

1. Фонетические регионализмы:

а) варианты, которые являются нейтральными: *ахшы* / *ашхы* «хороший, хорошо», но первый из них употребляется балкарцами, а второй – карачаевцами;

б) варианты, вызванные выпадением звуков, обычно гласных: *къарындаш* (балк.) / *къарнаш* (карач.) «брат», *кёргюзт* (балк.) / *кёргюз* (карач.) «показать», *къура* (балк.) / *къур* (карач.) «организовать», *жамычы* (балк.) / *джамчы* (карач.) «бурка», *тамычы* (балк.) / *тамчы* (карач.) «капля»;

в) варианты, вызванные чередованием согласных одного и того же места образования: *бийик* (балк.) / *мийик* (карач.) «высокий», *чыккыр* (балк.) / *джыккырк* (карач.) «бочка», *тамата* (балк.) / *тамада* (карач.) «старший», *факъырачы* (балк.) / *пакъырачы* (карач.) «нищий», *кукук* (балк.) / *гузук* (карач.) «кукушка»;

г) варианты, вызванные эпентезой: *топракъ* (балк.) / *топуракъ* (карач.) «глина», «почва», *ахрат* / *ахырат* «потусторонний мир, тот свет»; *сохран* / *сохуран* «изжога», *хумжу* / *хумужу* «творожная масса как продукт скисания молока»;

д) варианты, вызванные протезой: *чирги* (балк.) / *ичирги* (карач.) «старые матрац и подушка», *рысхы* (карач.) / *ырысхы* (балк.) «богатство, состояние», *стауат* (карач.) / *ыстауат* (балк.) «стойбище», *схарла* (карач.) / *ысхарла* (балк.) «сукно»;

е) варианты, вызванные законом сингармонизма: *бичакъ* (балк.) / *бычакъ* (карач.) «нож», *къоргъашин* (балк.) / *къоргъашын* (карач.) «свинец», *билалмайма* (балк.) / *билелмейме* (карач.) «не могу узнать», *шибила* (балк.) / *шыбыла* (карач.) «молния»;

ж) варианты слов с тюркским корнем, которые различаются в гласных фонемах: *бел бау* (балк.) / *белибау* (карач.) «пояс», *тилманч* (балк.) / *тылмач* (карач.) «переводчик», *сонгра* (балк.) / *сонгура* (карач.) «затем, и, следом»;

з) варианты, различающиеся по твердости / мягкости согласных: *атта* / *аття* «папа, отец»; *тятя* «дед», *гауур* / *гяуур* «гяур, иноверец», *кямар* / *камар* (ц.-диал.) «женский пояс из серебра, отделанный чернью или филигранью», *лазим* / *лязим* «ей-богу», *Кязим* / *Казим* (ц.-диал.) (муж. имя);

и) варианты с соотношением губное гласное / негубное гласное: *осуят* / *осият* «завещание», *аптюек* (балк.) / *аптиек* (карач.) «религиозное начальное учебное пособие»;

к) варианты, вызванные выпадением слога типа **-ге**: *барыргъа* / *баргъа* «идти, ехать», *кёрюрге* / *кёрге* «видеть», *келирге* / *кеге* «прийти, приехать», *билирге* / *билге* «знать», *бурургъа* / *бургъа* «крутить», *бёлюрге* / *бёлге* «делить»;

л) варианты, вызванные чередованием гласных фонем: *тартыргъа* (балк.) / *тартаргъа* (балк.) «тянуть, дергать, молотъ», *угъай* (балк.) / *огъай* (карач.) «нет», *алмосту* (балк.) / *алмасты* (карач.) «демоническое существо в образе женщины», *сюртюрге* (балк.) / *сюртерге* (карач.) «вытереть, протереть», «штукатурить».

В кратких сведениях по карачаево-балкарской орфоэпии в качестве орфоэпических вариантов приводятся почти все виды языковых вариантов. В нартском эпосе часто встречаются грамматические варианты: *эталлыкъ туююлдю* (балк.) / *этеллик туюлдю* (карач.) «не сможет сделать», *болуучу* (балк.) / *болуучан* (карач.) «было», *къыйыр* (балк.) / *къырый* (карач.) «край, конец» и т.д.

2. Лексические регионализмы: *менгиреу*, *мынгырау* (балк.) / *мыкырау* (карач.) «бестолковый, непонятливый», *сабан агъач* (балк.) / *къаладжук* (карач.) «сошник», *жауун* (балк.) / *джангур* (карач.) «дождь», *ёчюлт* (балк.) / *джукълат* (карач.) «выключить», *даучу* (балк.) / *дауачы* (карач.) «обвинитель в потустороннем мире; предъявитель иска, обвинитель», *малта* (балк.) / *тепле* (карач.) «топтать, вытаптывать», *хахайла* (балк.) / *тууайла* (карач.) «орать, кричать, издавать крики (на стойбище ночью отгонять зверей)».

Морфологические регионализмы в исследуемом языке не распространены: *шуёхлашыргъа* (балк.) / *шохайлашыргъа* (карач.) «сдружиться, подружиться», *тизилип* (балк.) / *тизгинлешиб* (карач.) «построившись», *ийискеп* (балк.) / *ийисгеб* (карач.) «понюхав», *тилленип* (балк.) / *тиллешиб* (карач.) «заговорив».

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что регионализмы в народном эпосе придают тексту своеобразный стилистический колорит.

В многообразии лексического варьирования, в использовании вариативных и синонимичных словообразовательных моделей

отражается типичное для младописьменного языка отсутствие устойчивости сложившегося узуса. Немаловажную роль играл при этом региональный фактор, если под этим понимать зависимость от диалектного ареала.

На каждом из территориальных диалектов и регионализмов непременно присутствуют наддиалектные черты, свойственные только языку устной поэзии. В развитии новых средств словообразования проявлялась та же специфика наддиалектного статуса основных словообразовательных процессов письменного языка, что и в функционировании старых моделей.

Так, например, в двух вариантах одной песни «Айдаболну жыры» (Песня Айдабола) и «Сарыбий бла Къарабий» (Сарыбий и Карабий) встречаются такие регионализмы, как *чырпы* (балк.), *чымырта* (карач.) «мелкие ветки, прутья, хворост», *къонакълыкъ*, *къонакъла* «гости, положение гостя», *гыпы* (карач.), *гыпхы* (балк.) «инструмент из кости, которым на кожаных изделиях накладывали узоры», *алтынлы* (балк.) «ружье», *гёбел кийиз* (карач.) «пушистый войлок», *чарламазча булганып* (карач.) «подвешен так, что не сорвется (не даст осечку) (досл.)», *джаныбыз боллукъ* (карач.), *жаным боллукъ* (балк.) «как душа моя», *гиртчи* (карач.), *тири, жигер* (балк.) «подвижный, живой»:

*(Жаным, жаныбыз боллукъ) Къарт къойчу сора
Этни (къарт эркечни) отха асханды.
Чырпы от эте да, къайната да, бишире,
Суу къуя да, къайтара да, гиртчи эте,
Къонакъланы тангнга дери тыйгъанды.*

В другом варианте есть небольшая разница:

*Акъ эркечни къонакълыкъгъа сояrsa,
Чымыртадан отчукъ эте, къайната.
Айландырып, сууукъ суу къуя да, гиртчи эте,
Алай бла, къонакъланы тангнга къояrsa.*

«Пожилой чабан тогда подвесил (на котле) мясо (старого козла-вожака), разводя огонь из хвороста, кипятил, варил, наливая холодную воду, повторяя, (кипятил), таким образом, задержал гостей до утра».

Или взять другой отрывок:

*Чегем элде гыпы деп бир болады,
Ингир болса, бирер аякъ аталла,*

*Къара жамычыны кёнденен ийип жаталла.
Алтынлы деп алада бир болады,
Ол тура болур гёбел кийизге чулгъанып,
Къара отха самнал ташы
Чарламазча булгъанып.*

«В селе Чегем закваска для кефира
Когда вечереет, по одной чаше пьют,
Черную бурку поперек опустив лежат.
Есть еще у них ружье,
Он, наверное, завернут в пушистый войлок,
Подвешен к очагу спусковым крючком,
Так, что не сорвется, не даст осечку».

Совокупность наддиалектных форм карачаево-балкарского языка может члениться по функциональным признакам. Высшую ступень занимает литературный карачаево-балкарский язык, который отличается от других наддиалектных форм четкими дифференциальными признаками.

Так, литературный язык, являясь полифункциональным и стилистически дифференцированным образованием, в полной мере сохраняет способность к территориальному варьированию. Оно основывается на локальном членении устного языка, хотя в результате действия наддиалектных тенденций полного совпадения литературно-письменных разновидностей языка с диалектной дифференциацией ни в одной из функциональных сфер не наблюдается.

Процессы архаизации определенных слоев лексики, частью являлись в стилистическом отношении нейтральными и захватывали все виды письменности, а частью оказывались связанными лишь с определенными функциональными сферами или с разными литературными традициями. Стилистический отбор касался и архаизмов. Они распределялись от высокосторжественного до бытового, разговорного языка и, таким образом, увеличивали различные дифференциации в их использовании и усложняли общую картину их употребления.

Исходя из вышеизложенного, возникает «цепная реакция» появления, исчезновения, изменения тех или иных элементов, которые обуславливаются сложными взаимодействиями факторов, действующих извне, и внутриязыковых, подчиненных системе данного языка.

В лексическом варьировании, имевшем преимущественно наддиалектный статус, получили реализацию процессы интенсивного развития (возникновения) лексического варьирования в языке. Следует заметить, что, изменения в языке, вызванные внешними, неязыковыми причинами, порождают другие изменения.

В многообразии лексического варьирования, в использовании синонимичных словообразовательных моделей отражается типичное для младописьменного языка отсутствие устойчивости сложившегося узуса. Весьма ограниченную роль играл при этом региональный фактор, если под этим понимать зависимость от диалектного ареала.

Функционально-стилистическое варьирование сопряжено с другими разновидностями его членения – с социальной, пространственной и жанровой дифференциацией. Определяющими факторами являлись сферы общения и виды письменного и устного общения.

В стилистической дифференциации ведущим было соотношение книжной и народно-разговорной стихий. Различие проявлялось не только в отборе лексики, фразеологии и синтаксических структур, но и в общих параметрах большей или меньшей обработанности языка, его гомогенности и наддиалектности.

Существует и ряд других факторов (частота и сфера употребления слова), способствующих образованию варьирования. Нельзя не учитывать также влияние социальных преобразований, которые нередко служат толчком к изменению формы обозначающего, или, наоборот, способствуют сохранению традиции вариантности региональной, которая в целом обусловлена эволюцией языка и потребностями коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном тюркском языкознании проблемам образования наддиалектных форм и их влияния на становление моделей лексических норм языка уделено недостаточное внимание. В имеющихся исследованиях по некоторым конкретным тюркским языкам даются весьма противоречивые и поверхностные сведения по указанной проблеме.

Научная новизна настоящей монографии заключается в теоретической и практической разработке вопросов, связанных с выявлением и систематизацией наддиалектных форм карачаево-балкарского языка, в определении моделей литературной нормы с учетом последних достижений в тюркском языкознании. При этом определены наддиалектные тенденции в литературно-письменном карачаево-балкарском языке, роль письменных традиций в становлении лексических норм в нем, а также рассмотрен такой языковой феномен, языковая вариантность в условиях наддиалектности.

Последнее десятилетие характеризуется тем, что филологи уделяют больше внимания изучению типов наддиалектных форм, в связи с чем возрастает интерес к последним в аспекте становления и формирования моделей литературной нормы.

В характеристике разновидностей наддиалектных образований участвует набор перекрещивающихся дифференциальных признаков: устная или письменная реализация, совмещение обоих типов реализации; наддиалектность, развивающаяся в результате сознательной обработки или спонтанно; наличие стилистического или структурного стандарта, отсутствие этого стандарта; развитие наддиалектности на основе функционально-стилистического или (и) структурного отбора; развитие наддиалектности в результате исключения определенных региональных признаков или (и) совмещения характеристик разных регионов; ограниченность сфер общения или универсальное для данного социума средство общения на всех уровнях; позиция данного наддиалектного образования и функциональной парадигмы.

В тюркологии вопрос изучения наддиалектных форм устной речи уже ставился и успешно решался в трудах разных исследователей. В лингвистическом аспекте, к примеру, фольклор карачаевцев и балкарцев стал объектом специального исследования Л.С. Этезовой «Особенности языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса» (Этезова

2008). Язык в основном рассматривается с точки зрения отражения в его богатой лексике элементов традиционной культуры карачаевцев и балкарцев.

Тем не менее, необходимо учитывать огромную роль письменных традиций в становлении норм лексики карачаево-балкарского языка. Известно, что нормы литературного языка не совсем устойчивы. Хотя и медленно, они изменяются время от времени. Это связано с тем, что язык всегда развивается вместе с обществом, в определении объективной оценки современного его состояния и норм следует опираться не на сумму объективных мнений, а на анализ исторических и современных закономерностей.

Хотя типы наддиалектных форм и являются наименее изученными в лингвистическом плане, между тем они играют немаловажную роль в формировании лексических норм карачаево-балкарского литературного языка.

Как дописменный жанр, устное народное творчество сохранилось до нашего времени, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение. Благодаря коллективности творчества, наддиалектности и традиционности текстов, обобщенности языка и языковых средств, а также художественной форме построения фольклор дошел до наших дней.

Наддиалектность – это термин, который скрывает за собою общее представление о более или менее существенных расхождениях между диалектными устными и письменными формами (наддиалектные типы языка, литературные языки). При определении большей или меньшей степени наддиалектности языка памятников играют роль различные, по-разному группирующиеся черты, такие, как традиционность / нетрадиционность жанра, наличие / отсутствие эстетической функции текста, а также, безусловно, и характер самой этой функции.

Сам факт отбора создает особую обработанность литературного языка, которая является важнейшим его признаком, обуславливающим наддиалектные формы языка.

Следовательно, наддиалектные формы в карачаево-балкарском языке возникают и проявляются в результате воздействия таких стимулов, как соотнесенность фонетического и морфологического аспектов, а также некоторых потребностей общества, которые направляют селективные и эволюционные процессы и определяют пути развития и сам характер возникающих в результате наддиалектных языковых форм.

В процессе образования карачаево-балкарской народности унаследованные тюркские наддиалектные формы речи стали основной базой для становления общенародного языка. Качественно новые диалекты и

говоры приобрели локальный региональный характер. С дальнейшим развитием их перспективных черт начинается закрепление отдельных лексических средств за определенными стилевыми формами.

На формирование наддиалектных лексических норм оказывали существенное влияние экстралингвистические факторы. Так как характер наддиалектности значительно меняется в процессе исторической эволюции литературного языка, данный признак на всех этапах развития выступает как сложный, комплексный, т.е. состоящий из ряда более простых признаков.

Карачаево-балкарский нартский эпос является наименее изученным в лингвистическом плане жанром фольклора, между тем он играет значительную роль в формировании карачаево-балкарского литературного языка. Язык фольклора для карачаево-балкарского языка является неувядаемым актуальным образцом. Он доходчив и лаконичен, богат наддиалектными формами, которые отличаются от повседневной речи большей устойчивостью и обобщенностью. Тексты фольклорных произведений содержат характерные черты, свойственные данному языку на различных этапах его развития. Им присуща так называемая норма, отличающаяся от живой речи своими стереотипными формулами, то есть особой лексикой, а также некоторыми архаичными особенностями стилистики, грамматики и фонетики.

В данном обзоре языковых особенностей карачаево-балкарского устного народного творчества мы попытались показать степень обработанности общенародного языка в нартском эпосе. Не подлежит никакому сомнению, что в процессе многовекового функционирования язык карачаево-балкарского нартского эпоса подвергался народом определенной обработке, освобождался от узколокальных диалектных особенностей, что получило отражение на всех уровнях: в фонетике – подавляющее большинство диалектных фонетических соответствий унифицировано, но в то же время остались звуки, характеризующие самобытность карачаево-балкарского языка; в грамматике – вследствие обработки вытеснены многие малопродуктивные морфологические варианты; словообразующие и формообразующие аффиксы также подверглись унификации; связь слов и синтаксические конструкции соответствуют нормам общенародного разговорного языка, хотя стихотворная форма требовала определенных условностей; в лексике, где отсутствуют узколокальные диалектизмы, отразился основной словарный фонд общекарачаево-балкарского языка, понятный всему народу. Подобная обработанность и в определенной степени нормированность фольклорного языка, тем не менее, не дают возможности считать его литературным языком.

Как известно, литературный язык имеет две основные формы функционирования – письменную и устную. Поскольку произведения народного творчества в основе своей дошли до нас в устных рассказах, а основной формой их функционирования является пересказывание, обработанный и в определенной степени нормированный их язык имеет лишь устную форму, закреплённую только за поэтическими жанрами фольклора.

Когда мы говорим об устной форме литературного языка, то, прежде всего, имеем в виду его разговорную форму, фольклорный же язык не является разговорным. И устная, и письменная формы литературного языка имеют стилевую дифференциацию, чего нет в языке устно-поэтического творчества.

И, наконец, язык литературных произведений лишь отражает особенности существующего литературного языка: литературные произведения, даже их отдельные жанры не могут охватить и отразить все богатство, все разнообразие литературного языка.

Вышеизложенное свидетельствует о невозможности отождествления языка фольклорных произведений, изданных на литературном языке, с теми, которые существовали в устной форме, до появления письменности. Поэтому язык устно-поэтического творчества никак не может быть устной формой литературного языка, а скорее является его предысторией, одним из важнейших питающих его источников.

Карачаево-балкарский нартский эпос, непрерывно обогащаясь и развиваясь в процессе своего многовекового функционирования, послужил истоком и живой средой в формировании и дальнейшем развитии национальной художественной литературы. В любом из творений карачаевских и балкарских писателей и поэтов, к какому бы периоду истории литературы они не принадлежали, можно найти образы, мотивы, традиции, языковые узоры народного эпоса.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(Различные варианты – считалки «Къакъ-къакъ, къаргъала»)

*Къакъ-къакъ, къаргъала,
Къамиш туюбю жаркъала,
Ачы сууда балыкъла.*

Тийре ичинде жылкыла.

– *Жылкы кимни жылкысы?*

– *Къазий улу Къаммолатны жылкысы.*

– *Къаммолат къайры кетгенди?*

– *Мал жолуна кетгенди.*

«Кар-кар, вороны,

Под камышами полена,

В Ачы суу (досл. «Горькая вода») рыбы,

В окрестностях табун лошадей.

– Чей это табун (лошадей)?

– Казиева Каммолата табун.

– Куда ушел Каммолат?

– (Он) ушел в Мал жол».

Къаркъ-къаркъ, къаргъала,

Къанатлары жоргъала.

Терен къолда балыкъла,

Тийресинде жылкыла.

– *Бу жылкы кимни жылкысыд?*

– *Адемейни жылкысыд.*

– *Адемей къайда?*

– *Къарангы бауда.*

Чох-чох эчкиле,

Къанкъылдагъан тауукъла,

Чюйюлдеген чыпчыкъла,

Биз этейик зауукъла.

«Кар-кар, вороны,

Крылья иные.

В Терен кол рыбы,

В окрестности табуны.
– Этот табун, чей табун?
– Табун Адемея.
– Адемей где?
– В темном сарае.
Чох-чих, козы,
Кудахтают куры,
Щебечут птицы
И мы рады».

*Къакъ-къакъ, къаргъала,
Исси суугъа баргъанла,
Суудан чѣмюч алгъанла,
Байрым чѣгю салгъанла.*

*Къакъ-къакъ, къаргъала,
Къамиш туюбю жогъала,
Исси суудан къайтханла,
Хайыр хапар айтханла.*

«Кар-кар, вороны,
В Горячие воды летящие,
Из воды деревяшку достающие,
Пятничное торжество (в честь пеленания первого новорожденного
в люльку) справляющие.
Кар-кар, вороны,
Под камышами ничего нет,
Вернувшиеся с Горячих вод,
Хорошие вести говорят».

**(Вариант историко-героической песни
«Мызы бла Зорт» «Мызы и Зорт»)**

*Тау Артында Мызы бла Зортму эди?
Тау Артында бу экисинден батыр жокъму эди?
Аякълары жалынмы эди, отму эди?
– Кел, Мызы, биз жортуулгъа барайыкъ!
– Къой-къой, кѣп баргъан сау къайытмаз! – дегенди, –
Энди биз жортуулгъа баргъанны къояйыкъ,
Харам хантдан да бир тояйыкъ! – дегенди.*

– Ой, сен аманны, **отунг-огъунг** тауусулгъан болур! – дегенди.
 – Отум-огъум тауусулгъан эселе,
 Экибиз да **тергеп къарайыкъ!** – дейди.
 Экиси да тергеп къарагъанда окъларын бла отларын,
 Эки да, **юч да дорба артыкъ болду**, дейди.
 – Кел, алай эсе, Чегем башына барайыкъ, – дейди, – барайыкъ!
 Анда кѣп къойла, семиз къочхарла кѣргенме, – дейди, – кѣргенме,
 Башлары – **чирахтанны башынлай**,
 Къуйрукълары уа – **тирмен ташынлай**.
 – Къой-къой, Чегем дегенни мен сюймейме, – дегенди, –
Къара жерде къаргъа ызын ызларла, – дегенди, –
Ёлюгюнго, туз къуюп, тузларла, – дегенди.
 – Кел, алай эсе, Малкъаргъа барайыкъ,
 Сукан жайлыкъгъа! – дегенди, –
 Анда **ахиы хорала** кѣргенме, – дегенди.
 – Къой, бармайыкъ, сюймейме мен Сукан жайлыкъланы:
Къаурасы итден аман юреди,
Итлери адам тилни биледи!..
 – Ой, алай эсе да, мен санга бир жууап берейим,
 Бизде кишиликни мен да алай кѣрейим, – дейди.
 – Кѣре эсенг, **сарыбаи эркечни** соярла,
Къарабаи итни къандан-къундан тойдуруп,
 Юйге ийип къоярла, – дейди, – къоярла!
 Ол барыр Айдаболагъа, **сауут юйге** кирир,
 Ол, **сынсыу этип**, сауутлагъа узалыр, – дегенди, –
узалыр, **ойт-ойт!**
 Ой, алай болса да, **чартлап чыгъарла** Сарыбий бла Къарабий,
 Ой, алай болса да, бизни **эшигибиз жабылгъан** болур.
 Къарабаи **локъум** къапмайды, сауутлагъа ёрге-ёрге **секиред**,
 Къарт Айдаболгъа болгъан ишден керти белги **беред**.
 Къарт Айдабол да жаишларына алай айтды:
 – Ой, Мызы **жаууруннга къараргъа устады**,
Жерлеригизни ал къаишларын артха айландырып салыгъыз!
 Ой, алар жерлерин артха айландырып салгъандыла, ой,
Сары атха,
 Ой, алайдан **кетдилер, кетдилер** да, танг ата артларына
айланып **къарайлар**,
 Ой, къарагъанда, тейри жарыгъын **эслейлер**, дейди,
Мызы бла Зорт, ой, **эслейлер**,
 Ой, бир **къарелдилер кѣрелле** да ала бир бирине **айталлар**:

*Ол аман айыучукъла болурла, ары-бери ауалла!
Ой, аман болса да, жетдилер аланы, дейди,
Алайчыкъда къырдыла кѣп къойларны,
Ызларына айландылар да сюрдюле, дейди.
Атхан окълары жерге тюшмегенед, дейди.*

«В местности Тау Арты (Грузия) были Мызы и Зорт («жорт» лит., носители ц.-диалекта говорят *зорт* досл. «рыскать, рысить, скакать»)?

В Грузии не было смелее их двоих?

Ноги их огонь или пламя?

– Давай, Мызы, совершим набеги!

– Оставь-оставь, тот кто часто ходит в набег, может
не вернуться (живым)! – сказал, –

Давай теперь мы оставим хождение в набеги,

Давай прекратим чужим добром, имуществом насыщаться! –
говорит.

– Ой, у тебя плохого (*аман* о своих ради скромности),
боеприпасы, наверное, закончились! – сказал.

– Если у меня боеприпасы закончились,

Посмотрим и посчитаем! – сказал.

Когда посмотрели и посчитали свои пули и порох,

Оказались три торбы (сумка для корма лошади,
которая вешается коню на шею), – говорит.

– Давай, если так, пойдем в верховья Чегема, – говорит, – пойдем!

Там много овец, упитанных баранов видел, – говорит, – видел.

Головы их (баранов) – большие, как прикрепленная к стене доска,
на которую вешают лампу / лучину,

А курдюки / курдючное сало (их) – как мельничные жернова.

– Оставь-оставь, я не люблю Чегем, что говоришь, – сказал, –

– На темной земле не оставят и следа, – сказал, –

– А труп посылат солью, – сказал.

– Давай, если так, пойдем в верховья Балкарии,

В пастбища Сукан! – сказал, –

Там хорошие породистые лошади я видел, – сказал.

– Давай, оставим (не пойдем), не хочу я на пастбища Сукан:

Высохшие стебли / стерня лают хуже собаки,

А собаки знают человеческий язык!..

– Ой, даже если так, я дам тебе один ответ,

Мужество в нас я тоже испытаю, – сказал.

Если испытаеть, желтоголового (досл.) вожака зарежут,

Черноголовую (кличка собаки) напоят сырой кровью и отправят /
отпустят домой, – говорит, – отпустят!
Он побежит к Айдоболовым, зайдет на кухню,
Он, скуля, потянется к посуде, – говорит, – потянется, скажи-скажи!
Ой, если так случится, пулей выскочат Сарыбий и Къарабий,
Ой, если так будет, нам несдобровать, худо нам.
Черноголовая не ест лакум, прыгает вверх на посуду,
Старику Айдоболу о произошедшем дает верный знак.
И старик Айдобол говорит сыновьям:
Ой, Мызы большой знаток в гадании на лопаточной кости,
Седла поверните передней частью назад!
Ой, они повернули седла передней частью назад, ой,
на Желтого (кличка) коня,
Ой, ушли, ушли оттуда, к рассвету смотрят назад,
Ой, когда посмотрели, свет заметили, – говорят, –
Мызы и Зорт, ой, заметили,
Ой, видят какие-то тени / образы, говорят друг другу:
Это наверное плохие медведи, туда-сюда качаются!
Ой, если и плохие, догнали их, говорят,
Там же убили много овец,
Вернули пригнали назад, говорят.
Ни одна пуля не упала в землю, говорят».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретические исследования и научные грамматики

1. *Абаев В.И.* Общие элементы в языке осетин, балкарцев, карачаевцев // *Язык и мышление*. Л., 1933. Т. 1. С. 71–89.
2. *Акбаев Ш.Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 1999. 258 с.
3. *Акбаев Ш.Х.* Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цокания // *Советская тюркология*. Баку, 1971. № 2. С. 98–101.
4. *Акбаев Ш.Х.* Къарачай-малкъар диалектле эмда школда ана тил // *Материалы научно-практической конференции преподавателей русского, кабардинского, балкарского языков и литератур*. Нальчик, 1963.
5. *Акбаев Ш.Х.* О причинах редукции гласных в тюркских языках // *Советская тюркология*. Баку. № 3. С. 3–13.
6. *Акбаев Ш.Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1963. 166 с.
7. *Акбаев Ш.Х.* Характеристика диалектов карачаево-балкарского языка // *Ученые записки КБНИИ*. Т. 27. Серия филологическая. Нальчик, 1975. С. 157–169.
8. Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики: сб. ст. / отв. ред. А.А. Жаппуев. Нальчик: КБНИИФЭ, 1982. 192 с.
9. Актуальные проблемы культуры и речи / под. ред. В.Г. Костомарова. и Л.И. Скворцова. М.: Наука, 1970. 369 с.
10. *Алахвердиева Л.К.* К вопросу о динамике диалектной системы языка (специфика вариантности диалектных фразеологических единиц) // *Известия Ростовского гос. строительного ун-та*. 2005. № 9. С. 356–361.
11. *Алексеева Д.И.* О понятии вариантности и вариантных слов // *Вопросы теории и методики изучения русского языка*. Ульяновск, 1969. С. 39.

12. *Алиева Т.К.* Вариантность слова и литературная норма (на материале современного карачаево-балкарского языка). Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2006. 287 с.

13. *Алиева Т.К.* Вариантность слова и орфография карачаево-балкарского языка // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИНФЭ, 1993. С. 59–65.

14. *Алиева Т.К.* Варианты слов и причины их возникновения (на материале карачаево-балкарского языка) // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногойского языков. Черкесск: КЧНИИФЭ, 1993 С. 122–126.

15. *Алиева Т.К.* Языковая ситуация в КЧР и проблемы становления норм карачаево-балкарского литературного языка // Вестник Кабардино-Балкарского гос. ун-та. 2004. № 14. С. 102–114.

16. *Алиев У.Б.* Вопросы сложного предложения в русском и тюркском языках (на материале русского, карачаевского, балкарского и киргизского языков). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 90 с.

17. *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев / Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Вып. III.

18. *Алиев У.Б.* Залоги глагола русского и балкарского языков // Уч. зап. КБГУ. Нальчик, 1960. Вып. 9.

19. *Алиев У.Б.* Къарачай (Карачаевская автономная область): историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1961. 320 с.

20. *Алиев У.Б.* Причастие карачаево-балкарского языка // Уч. зап. КБГУ. Нальчик, 1958. Вып. 4.

21. *Алиев У.Б.* Слово и части речи // Уч. зап. КБГУ. Нальчик, 1960. Вып. 7.

22. *Алиев У.Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

23. *Алиев У.Д.* Карачаево-балкарская грамматика: (горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнаиздат, 1930. 197+6 с.: 1 л. табл.

24. *Алиев У.Д.* Очерк исторического развития горцев Кавказа и туземного влияния на них. Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. 111 с.

25. *Аликаев Р.С.* Язык науки как объект лингвистического описания. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1998. 77 с.

26. *Аликаев Р.С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 318 с.

27. *Аликаев Р.С.* Макроструктура языка науки. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1998. 74 с.

28. *Аликаев Р.С.* Микроструктура языка науки. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1999.

29. *Алхасова С.М.* Проблемы перевода адыгского фольклора (XIX–XX вв.). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2000. 155 с.

30. *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Л., 1941; Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1960. 78 с.

31. *Аппаев А.М.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск, 1999. 259 с.

32. *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. № 3. С. 4.

33. *Асланов В.* Преимущество наддиалектных форм в истории азербайджанского литературного языка // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 55–78.

34. *Афанасьев Г.Е.* Буртасы // Исчезнувшие народы. М., 1988.

35. *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. М., 1993.

36. *Ахатов Г.Х.* Татарская диалектология. Средний диалект (учебное пособие) / отв. ред. Тенишев Э.Р. Уфа, 1979. 78 с.

37. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Наука, 1957. 296 с.

38. *Ахманова О.С.* Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 45–49.

39. *Ахматов И.Х.* Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.

40. *Ахматов И.Х.* Основные нормы согласования сказуемого с подлежащим в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 2.

41. *Ахматов И.Х.* Неполные предложения в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 7.

42. *Ахматов И.Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1980.

43. *Ахматов И.Х.* Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках: статьи / предисл. М.З. Улакова и М.Б. Кетенчиева; послесл. М.З. Закиева. Нальчик: Эльбрус, 2006. 280 с.

44. *Бабаев С.К.* К вопросам истории языка и религии балкарского и карачаевского народов: Историко-этнографические очерки. Нальчик: Эльбрус, 2000. 248 с.

45. *Баишев Г.Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку / под ред. проф. Н.И. Дмитриева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 112 с.

46. *Байрамкулов А.М.* Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. 1-чи кесек: фонетика бла морфология. Черкесск, 1965.
47. *Байрамкѣулланы А.М.* Къарачай тилни грамматикасы. 1 кесек: Фонетика бла морфология. Черкесск, 1958.
48. *Байрамкулов А.М.* Къарачай тилни фонетикасы (къысха очерк) // Тюркологический сборник. Нальчик, 1967.
49. *Байрамкулов У.О.* Грамматика карачаевского языка. Кисловодск, 1931.
50. *Байчоров С.Я.* Диалекты протобулгарского языка по данным Северокавказских рунических памятников // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Нальчик, 1981. Ч. 2. С. 348–355.
51. *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы: отношение Северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989. 294 с.
52. *Байчоров С.Я.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 114–139.
53. *Байчоров С.Я.* Термины «къарачай» и «ас» в карачаево-балкарской этнонимике // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1987. С. 41–64.
54. *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
55. *Баранникова Л.И.* К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 97–119.
56. *Бартольд В.В.* Турецкий эпос и Кавказ. Соч. Т. V. М., 1968.
57. *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
58. *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
59. *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1960.
60. *Башиев Х.Л.* Вокализм черекского диалекта балкарского языка // Сборник докладов, прочитанных на 15 республиканских педагогических чтениях. Ч. 2. Нальчик: Каб.-Балк. ин-т усовершен-ния учителей, 1977. С. 155–169.
61. *Башиев Х.Л.* Система согласных звуков черекского диалекта балкарского языка. Нальчик, 1981. 20 с.
62. *Белова А.Г.* «Средний язык» в системе наддиалектных форм арабского языка // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 174–198.

63. *Бережан С.Г.* К проблеме лексической вариантности // Вариантность как свойство языковой системы: тез. докл. / отв. ред. В.М. Солнцев. Ч.1. М.: Наука, 1982. С. 36–38
64. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
65. *Богатырев П.Г.* Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 326–334.
66. *Богатырев П.Г.* Добавочные гласные в народной песне и их функции (о языке славянских народных песен и его отношении к разговорной речи) // Славянское языкознание. М., 1963.
67. *Богатырев П.Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 106–116.
68. *Боровков А.К.* Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Л., 1932. Т. VII. С. 37–55.
69. *Боровков А.К.* Очерк карачаево-балкарской грамматики // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований. М.: Л., 1935. Т. 1. С. 11–40.
70. *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тевфсира XII–XIII вв. М., 1963.
71. *Боронов А.А.* Язык эпоса «Манас» как наддиалектная форма киргизского языка // Советская тюркология. 1985. № 6. С. 76–83.
72. *Будаев А.Ж.* Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С. 302–327.
73. *Будаев А.Ж.* Методика изучения балкарской фонетики. Нальчик, 1994.
74. *Будаев А.Ж.* Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.
75. *Будаев А.Ж.* Скифо-балкарские лексические схождения // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7.
76. *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978. № 4.
77. *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка. М., 1977.
78. *Будагов Р.А.* История слов и история общества. М.: Просвещение, 1971. 270 с.
79. *Будагов Р.А.* Проблемы развития языка. М.–Л.: Наука, 1965. 72 с.
80. *Букчина Б.З.* Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 215–217.

81. Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М.: Наука, 1982. Ч. 1. 146 с.; Ч. 2. 154 с.

82. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: опыт систематизации. 1983.

83. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

84. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.

85. *Вешикова И.А.* Об особенностях функционирования разговорных (компрессированных) вариантов произношения в публичной речи // Филологические науки, 2008. № 2. 130 с.

86. *Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.

87. *Виноградов В.В.* История русского литературного языка. Избр. тр. М.: Наука, 1978. 320 с.

88. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

89. *Винокур Г.О.* Язык литературы и литературный язык // Контекст-1982. М., 1983.

90. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.

91. Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1963. 169 с.

92. Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 196 с.

93. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.

94. *Гак В.Г.* Языковая вариантность в свете общей теории вариантности (к проблеме факторов и роли вариантности в языке) // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М.: Наука, 1982. Ч. 1. С. 72–75.

95. *Глинкина Л.А.* Грамматическая вариантность в истории русского языка. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 110 с.

96. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 238 с.

97. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М., 1978. 272 с.

98. Граудина Л.К. К истории нормализации вариантов в грамматике // Литературная норма и вариантность. М.: Наука, 1981. С. 39–68.

99. *Граудина Л.К.* Хрестоматия по истории русской риторики. М., 1996. 396 с.
100. *Гузев Ж.М.* Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. Т. 27. Серия филологическая. Нальчик, 1975. С. 131–133.
101. *Гузев Ж.М.* Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 62–66.
102. *Гузев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 160 с.
103. *Гузев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 194 с.
104. *Гузев Ж.М.* Фонетические и морфологические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. Баку, 1986. № 3. С. 34–36.
105. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 160 с.
106. *Гухман М.М.* Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период (на материале германских языков) // Энгельс и языкознание. М.: Наука, 1972. С. 46–47.
107. *Гухман М.М.* К типологии германских литературных языков донационального периода // Типология германских литературных языков. М., 1976. 296 с.
108. *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
109. *Гухман М.М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Часть I. Развитие языка немецкой народности. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 164 с.
110. *Гухман М.М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 204 с.
111. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1983. 200 с.
112. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С.* История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1983. С. 248.
113. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории // Изв. ОЛЯ. Т. 36. 1977. № 5. С. 441.
114. *Дадов И.А.* Развитие национальных языков и культура межнациональных отношений // Педагогика. 2000. № 4. С. 30–33.
115. *Данияров Х.Д.* Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975.

116. *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 100 с.
117. *Десницкая А.В.* Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 352 с.
118. *Десницкая А.В.* Славяно-албанские отношения и албанская диалектология // Славянское языкознание. Докл. сов. делегации на VI Международном съезде славистов. М.: Наука, 1968.
119. *Джанибеков Х.С.-А., Чеченов А.А.* О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего времени индикатива карачаево-балкарского глагола // Советская тюркология. Баку, 1987. № 5. С. 86–95.
120. *Джанибеков Х.С.-А., Чеченов А.А.* О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего неочевидного времени индикативы карачаево-балкарского глагола (форма типа келгенди) // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 103–114.
121. *Дзодзикова З.Б.* Осетинская разговорная речь. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. 155 с.
122. *Домашнев А.И., Копчук Л.Б.* Специфика обиходно-разговорного языка в странах немецкой речи // Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. СПб.: Наука, 2001. С. 105–115.
123. *Домашнев А.И.* О границах литературного и национального языка. ВЯ, 1978. № 2. С. 6.
124. *Домашнев А.И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. М.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 231 с.
125. *Домашнев А.И.* Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005. 1113 с.
126. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Глоссарий-указатель аффиксов / Под ред. И.А. Батманова. Фрунзе: Илим, 1971.
127. *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.–Л., 1963.
128. *Ефимов А.И.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. 262 с.
129. *Жабелова Л.Ж.* Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1986.
130. *Жашуев Р.Б.* Особенности современной карачаево-балкарской разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 188 с.
131. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 411.

132. *Жирмунский В.М.* Проблема социальной дифференциации языков // Избр. труды. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
133. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974.
134. *Жубанов Е.Х.* О природе казахского наддиалекта и проблемах истории литературного языка // Советская тюркология. 1988 № 6. С. 63–67.
135. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
136. Из глубины столетий / сост., вступительные статьи и комм. Б.Л. Хамиддулина. Казань, 2000.
137. *Илизарова К.А.* Вариативные реакции как один из типов ассоциирования // Общение. Текст. Высказывание. М., 1981. С. 17–26.
138. *Исаев М.И.* К вопросу становления и развития осетинского национального языка // Известия ЮОНИИ. 1965. Вып. XIV. С. 139–151.
139. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
140. *Ицкович В.А.* Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. 93 с.
141. *Ицкович В.А.* Языковая норма. М.: Просвещение, 1986.
142. *Ицкович В.А.* Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 9–39.
143. *Калинин А.В.* Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978. 157 с.
144. *Каменева М.С., Кобозова И.М., Шаляпина З.М.* Вариантность как свойство языковой системы // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 4. С. 383–391.
145. *Капранов В.А.* Фонетическая вариантность слов и синонимов // Лексическая синонимия: сб. ст. / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1967. С. 137–180.
146. *Кареева З.Б.* Взаимодействие карачаево-балкарского фольклора и современной литературы // Советская тюркология. 1989. № 4. С. 49–54.
147. *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 208 с.
148. *Климович Л.И.* Наследство и современность. Очерки о национальных литературах. Изд. 2-е, доп. М.: Сов. писатель, 1975. 415 с.
149. *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы: века и народы. М., 1984.
150. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. М., 1982.
151. *Копчук Л.Б.* Центростремительные и центробежные процессы при взаимодействии литературного стандарта и диалекта в сфере

лексики и фразеологии // Язык. Закономерности развития и функционирования. М., 2010. С. 68–78.

152. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979. 359 с.

153. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985. 224 с.

154. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

155. *Курбатов Х.Р.* Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М.: Наука, 1978. 218 с.

156. *Ларин Б.А.* К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок). Изв. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1926. Вып. 1. С. 176.

157. *Леонтьев А.А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 140 с.

158. *Леонтьева А.А.* Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 245 с.

159. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.

160. Литературная норма и просторечие / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Наука, 1977. 254 с.

161. Литературная норма в лексике и фразеологии / отв. ред. Л.И. Скворцов. М.: Наука, 1983. 264 с.

162. Литературная норма и вариантность. М.: Наука, 1981. 272 с.

163. Лексика русского литературного языка XIX – нач. XX в. / отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1981. 359 с.

164. *Максютова Н.Х.* Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976.

165. *Макаев Э.А.* Рунический и готский // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 29–41.

166. *Малкондуев Х.Х.* Жанровая классификация карачаево-балкарской народной лирики // Филологические труды. Нальчик: Эльбрус, 1977. Вып. 1. С. 65–78.

167. *Малкондуев Х.Х.* К вопросу об аллитерации в карачаево-балкарской народной лирике // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 78–86.

168. *Малкондуев Х.Х.* Параллелизм и метафора в балкаро-карачаевской народной обрядовой лирике // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик: Эльбрус, 1981. Вып. 3. С. 22–44.

169. *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. 320 с.

170. *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.–Л., 1952.
171. *Малов С.Е.* [Рец. на кн.] Манас. Киргизский эпос. М., 1946. ИАН ОЛЯ, 1947. Вып. 2.
172. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1954.
173. *Март Н.Я.* Балкаро-сванское скрещение // Доклады АН СССР. Л., 1929. Серия В. № 3. С. 45–46.
174. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
175. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
176. *Мелиоранский П.М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. ЖМНП, 1898. Ч. CCCXVII.
177. *Мелиоранский П.М.* Сказание об Едигее и Тохтамыше. Приложение к Сочинениям Ч.Ч. Валиханова. Зап. РГО по отд-нию этнографии. Т. XXIX. СПб., 1905.
178. *Мещерский Н.А.* История русского литературного языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 279 с.
179. *Миронов С.А.* Полудиялект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи // Типы наддиалектных форм. М.: Наука, 1981. С. 79.
180. *Миронов С.А.* Формирование литературных норм современного африканского и нидерландского языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / отв. ред. В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. М.: ИЯ РАН, 1966. С. 48–65.
181. *Миронов С.А.* К вопросу о социальной и функционально-стилистической дифференциации нидерландского литературного языка XVII в. // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / отв. ред. В.Н. Ярцева, М.М. Гухман. М.: Наука, 1977. С. 120–151.
182. *Михайловская Н.Г.* Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников // Литературная норма и вариантность. М.: Наука, 1981. С. 6–22.
183. *Мокиенко В.М.* Образцы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 277 с.
184. Морфология карачаево-балкарского языка (Къарачай-малкъар тилин морфологиясы): учебник для студентов балкарского отделения КБГУ. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. 208 с.

185. *Москальская О.И.* Вариантность и дифференциация в лексике немецкого литературного языка // Нормы и социальная дифференциация: сб.ст. / отв. ред. М.М. Гухман, В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1969. С. 57–63.
186. *Москальская О.И.* Нормы и варьирование в современном немецком литературном языке // Иностранные языки в школе. 1967. № 6. С. 2–13.
187. *Москвин В.П.* Разговорный стиль как система // Русская речь. 2005. № 4. С. 37–48.
188. *Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 229 с.
189. *Неверов С.В., Никольский Л.Б.* Наддиалектные формы языка в странах Дальнего Востока // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 285–291.
190. *Немченко В.Н.* Спорные вопросы теории варианности слова (проблема семантической варианности) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Филология». 2005. Вып. 1. С. 100–104.
191. *Никитин О.В.* Диалектная лексика в деловых документах XVIII в. // Русская речь. 2003. № 4. С. 78–80.
192. О границах литературного и национального языка // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 3–16.
193. *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. 349 с.
194. *Оссовецкий И.А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3.
195. *Оссовецкий И.А.* Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 172–190.
196. *Отаров И.М.* Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик: Эльбрус, 1987. 96 с.
197. *Отаров И.М.* Лексикология карачаево-балкарского языка Нальчик: КБИНФЭ, 1996. 222 с.
198. *Отаров И.М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка: на материале названий одежды и обуви. Нальчик: Эльбрус, 1978. 108 с.
199. *Панов М.В.* О литературном языке // Русский язык в национальной школе. 1972. № 1.
200. *Петенева П.Г.* К вопросу о месте языка фольклора в системе общенародного языка // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
201. *Петров Г.* Как возникли кабардинская и балкарская письменности // Кабардино-Балкарская правда. 1964. 9 февраля.

202. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // *Пешковский А.М.* Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959.
203. Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариантность. СПб.: Наука, 2003. 398 с.
204. Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногойского языков: СПб. науч. тр. / под ред. Ж.М. Гузеева. Черкесск: КЧНИИФЭ, 1993.
205. *Псянчин Ю.В.* Особенности языка и стиля башкирских и русских народных лирических песен // Исследование языковых единиц и грамматических категорий речи: Межвуз. сб. науч. тр. Уфа: БашГПИ, 1998.
206. *Пядусова Г.И.* Экстралингвистические факторы в процессе формирования французской спортивной терминологии. Вестник ЛГУ. Серия ист. яз. лит. 1970. Вып. 4. № 20. С. 150–153.
207. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I–X. СПб., 1866–1907.
208. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Т. III. Часть 2. Т. IV. Часть 1. СПб., 1893–1911.
209. *Рахаев А.И.* Песенная эпика Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 166 с.
210. *Рахимова Р.К.* Некоторые экстралингвистические факторы в изменении состава профессиональной лексики // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984. С. 106–113.
211. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1972. 345 с.
212. Русская разговорная речь / под ред. Е.А. Земской. М.: Наука, 1973. 184 с.
213. *Рябова И.С.* Язык суахили в Танзании – специфический тип наддиалектности // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 219–241.
214. *Саньяров Ф.Б.* Особенности языка и стиля эпоса «Урал – Батыр»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 23 с.
215. *Семенюк Н.Н.* Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 48–55.
216. *Семенюк Н.Н.* Норма // Общее языкознание: Формы существования, функции истории языка. М., 1970. С. 549–596.
217. *Семенюк Н.Н.* Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М., 1972. С. 69.
218. *Семенюк Н.Н.* О функциональном аспекте типологического изучения германских литературных языков // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 61–76.

219. *Семенюк Н.Н.* К характеристике разных видов варьирования в истории немецкого языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / отв. ред В.Н. Ярцева, М.М. Гухман. М.: Наука, 1977. С. 109–129.

220. *Семенюк Н.Н.* Статус и некоторые проблемы стилистического варьирования: исторический аспект // Языки мира: проблемы языковой вариантности / ред. кол. В.Н. Ярцева, Н.Н. Семенюк и др. М.: Наука, 1990. С. 36–51.

221. *Семенюк Н.Н.* Формирование литературных норм и типы кодифицированных процессов // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / отв. ред. В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 23–48.

222. *Семенюк Н.Н.* Наддиалектные формы в истории немецкого языка и некоторые аспекты их изучения // Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981. С. 120–136.

223. *Сиротинина О.Б.* Межстилевая и внутрителиевая вариантность языковой системы // Вариантность как свойство языковой системы. М.: Наука, 1982. Ч. 2. С. 63–64.

224. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

225. *Славятинская М.Н.* Язык гомеровского эпоса // Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 19–41.

226. *Сложеникина Ю.В.* К вопросу о метаязыке теории вариантности // Филологические науки. 2005. № 2. С. 50–57.

227. *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

228. *Соттаев А.Х.* Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.

229. *Соттаев А.Х.* К вопросу преподавания русского языка в балкарской национальной школе. Нальчик, 1960.

230. *Соттаев А.Х.* Некоторые вопросы истории балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. XV. С. 238–54.

231. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. 344 с.

232. *Суюнчев Х.И.* Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.

233. *Таов Х.Т., Таова А.Х.* Отношение письменного языка к диалектам и говорам // Литературная Кабардино-Балкария. 2003. № 3. С. 213–217.

234. *Тенишев Э.Р.* О построении истории народно-разговорного и литературного языков // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. С. 230–272.

235. *Тенишев Э.Р.* Принципы составления исторических грамматик и история литературных тюркских языков // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 67.

236. *Тенишев Э.Р.* Тюркские языки в синхронии и диахронии. Ч. 2. Древние тюркские языки и их изучение // Вопросы филологии. 2005. № 1. С. 41–47.

237. *Текуев М.М.* Некоторые табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языкознания. Нальчик, 1979. Вып. 1.

238. *Текуев М.М.* Теонимы в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики: Сб. ст. / отв. ред. А.А. Жаппуев. Нальчик: КБНИИФЭ, 1982. 192 с.

239. Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. 310 с.

240. *Тронский И.М.* Античный мир и современная сказка // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934.

241. *Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 133.

242. *Улаков М.З.* К истории становления и формирования стилей карачаево-балкарского языка // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногойского языков. Черкесск: КЧНИИФЭ, 1993. С. 126–137.

243. *Улаков М.З.* Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.

244. *Улаков М.З.* Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Нальчик, 1995. 63 с.

245. *Улаков М.З.* Роль устной речи в формировании лексической нормы карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2002. С. 57–64.

246. *Улаков М.З.* Роль национальных языков в формировании духовной общности народов Северного Кавказа // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе. Черкесск, 1999.

247. *Улаков М.З.* Стилистические дифференциации лексики карачаево-балкарского языка (функциональный аспект) // Проблемы

семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИИФЭ, 1987. С. 100–113.

248. *Улаков М.З., Чеченов А.А.* Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001. 52 с.

249. *Улаков М.З.* История карачаево-балкарского языка (Краткий курс лекций). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001. 80 с.

250. *Улаков М.З.* Современные аспекты развития региональных тюркологических исследований // Дагестанский лингвистический сборник. М.: Akademia, 2003. Вып. 12.

251. *Улаков М.З.* Основные этапы становления и развития карачаево-балкарского языка // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2007. Вып. 14. С. 208–215.

252. *Уразбаева З.Г.* Вариантность слова в современном башкирском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1980. 25 с.

253. *Урусбиев И.Х.* Категория времени глагола в современном карачаево-балкарском языке // Тюркологический сборник. Нальчик, 1967.

254. *Филипова Ф.П.* О свойствах и границах литературного языка. Вопросы языкознания, 1975. № 6. С. 167–170.

255. *Филичева Н.И.* Диалектология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983.

256. *Филичева Н.И.* Немецкий литературный язык. М.: Высшая школа, 1992.

257. *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка: фонетика и морфология. Нальчик: Каббалкгосиздат, 1940.

258. Фольклор. Проблемы историзма / отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1988. 295 с.

259. *Хабичев М.А.* Венгеризмы в карачаево-балкарском языке // Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1978.

260. *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1971. 297 с.

261. *Хабичев М.А.* Местоимения в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.

262. *Хабичев М.А.* Об этнонимах «алан», «бызынгылы», «малкъарлы», «къарачайлы», «тегейли» // Советская тюркология. Баку, 1971. № 2. С. 126–129.

263. *Хабичев М.А.* О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // Советская тюркология. Баку, 1970. С. 64–69.

264. *Хабичев М.А.* Памятник куманских языков // Советская тюркология. Баку, 1974. № 2. С. 66–70.

265. *Хабичев М.А.* О чем говорят лексические заимствования? // Тюркологический сборник. Нальчик, 1967.

266. *Хабичев М.А.* К вопросу о карачаево-балкарских и чувашских лексических схождениях // К вопросам русской и национальной филологий: лингвистика. Ставрополь, 1975. Вып. 7.

267. *Хабичев М.А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.

268. *Хабичев М.А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.

269. *Хаджилаев Х.-М.И.* О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1979. № 2. С. 72–79.

270. *Хаджилаев Х.-М.И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970. 160 с.

271. *Хапаева С.М.* Из истории создания карачаево-балкарской письменности // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск: КЧНИИФЭ, 1993. С. 137–150.

272. *Холаев А.З.* К вопросу о балкарско-карачаевском нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 282–294.

273. *Холаев А.З.* Устное народное творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

274. *Холаев А.З., Урусбиева Ф.А.* Фольклор // Малкъар литератураны историясыны очерклер (Очерки истории балкарской литературы). Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 17–68.

275. *Чеченов А.А.* Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. М.: ИЯ РАН, 1996. 396 с.

276. *Чеченов А.А.* Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. М.: ИЯ РАН, 1996. 174 с.

277. *Шаззо Ш.Е.* К вопросу изучения поэтики эпоса «Нарты» // Вестник Дагестанского научного центра. 2003. № 14. С. 117–126.

278. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. 111 с.

279. *Шаумян Р.* Балкарская лексика: Материалы для балкарского словаря // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.–Л., 1935. Т. 1.

280. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

281. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.
282. *Шор Р.И.* К вопросу о яфетическо-турецком смешении. М., 1930.
283. *Щерба Л.В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. М., 1915. 130 с.
284. *Этезова Л.С.* Особенности языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса: Дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 156 с.
285. Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань: Магариф, 2002. 208 с.
286. Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. 214 с.
287. *Якубовский А.Ю.* Вопросы этногенеза туркмен в VIII–X вв. // Советская этнография. 1947. № 3.
288. *Ярцева В.Н.* Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 17–24.
289. *Ammon U.* Probleme der Soziolinguistik. 2., durchges. und erg. Aufl. «Germanistische Arbeitshefte», 15 / Hrsl. Von O. Verner und F. Hundsnurher. Tübingen, 1977. S. 24.
290. *Bellmann G.* Mundert und Umgangssprache in der Oberlausitz. Sprachgeografische und sprachgeschichtliche untersuchungen zwischen Schwarzwasser und Lausitzen Neise. Marburg: N. G. Eiwert Verlag, 1961. S. 61.
291. *Brinkmann H.* Hochsprache und Mundert // Wirkendes Wort, Sammelband 1. Sprachwissenschaft. Dusseldorf, 1962. S. 104–115.
292. *Lofter H.* Germanistische Soziolinguistik. Berlin: Schmidt, 1985. S. 110.
293. *Pape R.* Umgangssprache und Literatursprache in der Alltagskommunikation // Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch. 1981. H. 7. S. 97–100.
294. *Radtke J.* Die Umgangssprache: Ein weiterhin ungelartes Problem der Sprachwissenschaft // Muttersprache. 1973. H. 3. S. 161–171.
295. *Weiss A.* Spracheneinstellung und Sprachgebrauch: Zur Funktion und Position von Dialekt in Österreich // Festschrift für Walter Steinhauser zum 95. Geburtstag / P. Wiesinger [ed.]. Wien: Braumüller, 1980. S. 1–18.

2. Словари

1. *Акбаев И.А.* Тылманч. Русско-карачаевский словарь. Баталпашинск, 1926.
2. *Антонов-Саратовский В.П.* Русско-балкарский разговорный справочник. Нальчик, 1930.
3. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 607 с.
4. *Башиева С.К., Жарашуева З.К.* Къарачай-малкъар тилни школ фразеология сёзлюгю (Школьный фразеологический словарь карачаево-балкарского языка). Нальчик: Эльбрус, 1994. 317 с.
5. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф: ООО «Полус», 2003. 816 с.
6. *Гузеев Ж.М.* Балкарско-русский школьный словарь (Малкъар-орус школ сёзлюк): около 6000 слов. Нальчик: Эльбрус, 2003. 240 с.
7. *Гузеев Ж.М.* Школьный толковый словарь балкарского языка (Малкъар тилни школ ангылатма сёзлюгю): около 5000 слов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 304 с.
8. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1979. 676 с.
9. *Жарашуева З.К.* Къарачай-малкъар тилни фразеология сёзлюгю (Карачаево-балкарский фразеологический словарь). Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 476 с.
10. *Жарашуева З.К.* Мир животных: Книга-справочник / под ред. А.М. Теппеева. Нальчик: Эльбрус, 2005. 184 с.: ил.
11. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
12. Карачаево-балкарско-русский словарь / Составители С.А. Го-чияева, Х.И. Суюнчев. М.: Рус. яз., 1989 (КБРС).
13. Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов / Составители М.З. Улаков, Л.Х. Махиева. Нальчик, 2008.
14. *Лайпанов Х.О.* Русско-карачаевский словарь для начальной школы. Микоян-Шахар, 1941.
15. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
16. Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 744 с.
17. Русско-балкарский толковый словарь отраслевой лексики / Под ред. док. филол. наук Ж.М. Гузеева. Нальчик: Эльбрус, 2000. 200 с.
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. К – О. 1983. 736 с.

19. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. 959 с.
20. Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах). М.: Сов. энцикл., 1948–1965 (СРЯ).
21. *Табухов Х.К.* Школьный обратный словарь русского языка. Нальчик: Эльбрус, 2008. 600 с.
22. Толковый словарь карачаево-балкарского языка (в трех томах) / Гл. ред. Ж.М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996 (I), 2002 (II), 2005 (III).

3. Художественная литература

1. Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...) / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 343 с.
2. Къарачай халкъ таурухла (Карачаевские народные сказки) / сост.: Гочияева С.А., Ортабаева Р.А.-К., Суюнчев Х.И. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1963. 236 с.
3. Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле (Балкарские народные сказки, пословицы, загадки) / Сост. А.Х. Соттаев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1959. 268 с.
4. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары: (Нарт эпос. Миф эм жашау-турмуш поэзия) (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев: (Нартский эпос. Мифологическая и обрядовая поэзия): / сост., вступит. ст. Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.
5. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, Восточная литература, 1994. 656 с.
6. *Улаков З.М.* Малкъар халкъ жомакъла. Нальчик: Эльбрус, 1989. 112 с.
7. *Улаков З.М.* Бурунгулу таурухла бла хапарла. Нальчик: Эльбрус, 1980. 105 с.
8. *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Исследование карачаево-балкарских нартских сказаний. Нальчик: Эль-Фа, 1974. 143 с.
9. Эски къарачай-малкъар адабият (Традиционная карачаево-балкарская литература) / сост. Биттирова Т.Ш. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 303 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

автореф. – автореферат

АГУ – Адыгейский государственный университет

азерб. – азербайджанский

арх. – архаизм

балк. – балкарский

башк. – башкирский

вып. – выпуск

Высш. шк. – «Высшая школа» (издательство)

ВЯ – «Вопросы языкознания» (журнал)

ГКБЯ – Грамматика карачаево-балкарского языка (1966, 1976)

ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного
языка. – Ч. 1. (1970)

диал. – диалектное

дис. – диссертация

докл. – доклады

докт. – доктор

ин-т – институт

ИСГТЯ – Исследования по сравнительной грамматике тюркских
языков

ист. – история

Каб.-Балк. ун-т – Кабардино-Балкарский университет

казах. – казахский

к.-калп. – каракалпакский

канд. – кандидат

карач. – карачаевское

карач.-балк. – карачаево-балкарское

КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет

кирг. – киргизское

кн. изд-во – книжное издательство

кум. – кумыкский

лат. – латинское

лит. – литературное слово, литература

ЛС – Лексикографический сборник (научное периодическое издание)

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь (1990)

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

напр. – например
ног. – ногайский
под. – подобное
посл. – пословица
разг. – разговорное
рег. – регионализм
рец. – рецензия
рус. – русский язык
с. – страница
сб. – сборник
см. – смотри
СПб. – Санкт-Петербург
ср. – сравните
ст. – статьи
СРЯ – Словарь русского языка (в 17 томах)
СТ – Советская тюркология (журнал)
т. – том
татар. – татарское
т.е. – то есть
тез. – тезисы
туркм. – туркменский
узб. – узбекский
уйгур. – уйгурский
ун-т – университет
филол. – филологический
фольк. – фольклор
хак. – хакаский
ц.-диал. – цокающий диалект
ч. – часть
ч.-диал. – чокающий диалект
шор. – шорский
энцикл. – энциклопедия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Наддиалектные лексические формы карачаево-балкарского языка	11
1. Устно-поэтический язык как наддиалектная форма речи	23
2. Преемственность наддиалектных форм в становлении карачаево-балкарского литературного языка	43
3. Обиходно-разговорные формы языка в его национальных вариантах	52
Глава II. Роль наддиалектных форм в формировании лексических моделей литературной нормы	59
1. Характер территориального варьирования литературно-письменного карачаево-балкарского языка и наддиалектные тенденции	59
2. Роль письменных традиций в становлении лексических норм карачаево-балкарского языка	70
Глава III. Языковая вариантность в условиях наддиалектности	78
1. Лексическое варьирование в условиях наддиалектности	83
2. Функционально-стилистическое варьирование в условиях наддиалектности	88
3. Региональная вариантность в условиях наддиалектности	98
Заключение	104
Приложения	108
Библиография	113
Условные сокращения	133

Научное издание

Лариса Борисовна Кучмезова

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НАДИАЛЕКТНЫХ ТИПОВ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

Подписано в печать 22.09.2014
Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 7,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ № 08

Лицензия ИД № 040940 от 04.02.1999

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии издательства КБНЦ РАН

Адрес типографии: 360000, г. Нальчик, ул. И. Арманд, 37 "а".
Тел. (8662) 42-65-42